

25 ЛЕТ ВЕЛИЧАЙШЕЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЕ

НИКОЛАЙ ЗЕНЬКОВИЧ

АГОНИЯ СССР

Я БЫЛ СВИДЕТЕЛЕМ УБИЙСТВА СВЕРХДЕРЖАВЫ

Как убили СССР. 25 лет величайшей
геополитической катастрофе

Николай Зенькович

**Агония СССР. Я был свидетелем
убийства Сверхдержавы**

«Яуза»

2016

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)63

Зенькович Н. А.

Агония СССР. Я был свидетелем убийства Сверхдержавы /
Н. А. Зенькович — «Яуза», 2016 — (Как убили СССР. 25
лет величайшей геополитической катастрофе)

ISBN 978-5-699-91565-1

Путин назвал распад СССР «великой геополитической катастрофой», умолчав о том, что УБИЙСТВО Советского Союза было еще и величайшим преступлением XX века. Автор этой книги наблюдал трагедию 1991 года не снаружи, а изнутри – будучи работником ЦК КПСС, он лично присутствовал на заседаниях высших органов партийной власти и стал «внутренним хроникером» агонии СССР. Что происходило за кулисами ЦК в эти последние дни? Как (говоря словами Сталина) Горбачев проср... великую Державу, и ведали ли в Кремле, что творят? Почему не было услышано предупреждение Ю.В. Андропова, который еще за 10 лет до «перестройки» писал, что ЦРУ вербует в СССР «агентов влияния» для «разложения советского общества» и развала страны? Правда ли, что Горбачев был причастен к путчу ГКЧП и стоит ли верить словам Янаева: «Горбачев в курсе событий. Он присоединится к нам позже»? Будет ли разгадана тайна «странной череды самоубийств» – маршала Ахромеева, «главного казначея партии» Кручины, Пуго, Павлова, Лисоволика? И почему, прочитав эти записки, автору посоветовали: «Ты на каком этаже живешь? На шестом? Надо срочно переселяться ниже. А то можешь нечаянно выпасть из окна...»

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)63

ISBN 978-5-699-91565-1

© Зенькович Н. А., 2016

© Яуза, 2016

Содержание

Такими мы были тогда...	7
Часть 1. Краткий курс конца КПСС	8
Глава 1. Неожиданный звонок	8
Глава 2. Дачные переживания	16
Глава 3. Старая площадь. 26 августа 1991 года	27
Глава 4. Странные самоубийства	34
Глава 5. Безработный чекист	57
Глава 6. Член КПСС? Значит, виновен!	73
Глава 7. Сколько я заплатил, чтобы попасть в ЦК	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Николай Зенькович

Агония СССР. Я был свидетелем убийства Сверхдержавы

© Зенькович Н. А., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Таковыми мы были тогда...

Эту книгу я начал писать в 1991 году – сразу по горячим следам августовских событий. Они разворачивались прямо на моих глазах, и так получилось, что мне довелось быть в их эпицентре.

Понимая, что все происходившее, а тогда я работал в аппарате ЦК КПСС, имеет огромную историческую значимость, вел записи, как мне тогда казалось, для себя. Впечатлений было много, и они постепенно выстраивались в своеобразную хронику «краткого курса» истории конца КПСС.

Когда-то главной книгой советских коммунистов был «Краткий курс истории ВКП(б)», написанной Сталиным. Даже в самой буйной своей фантазии я не мог вообразить, что мне придется стать свидетелем трагического «краткого курса» конца этой партии, находясь в последние ее дни рядом с ее руководством.

Но произошло то, что произошло. Обо всем увиденном и услышанном в те дни в комплексе зданий ЦК КПСС на Старой площади я рассказал в своей книге, изданной в 1999 году под названием «ЦК закрыт, все ушли...» И с подзаголовком «Очень личная книга». Последнее слово «ушли» было с многоточием. Почему?

Название было перифразом знаменитого, как сейчас бы сказали, слогана времен Гражданской войны: «Райком закрыт, все ушли на фронт». А в 1991-м куда ушли работники ЦК КПСС и других партийных органов? В коммерцию, вот куда. Или в новые государственные органы – к победившим антикоммунистам. Строить капитализм.

Бывший кандидат в члены Политбюро, первый секретарь московской столичной парт-организации Борис Ельцин, запретивший КПСС, возглавил невиданное в мире строительство капитализма. Помогали ему бывшие члены Политбюро Александр Яковлев и Егор Строев, бывший инструктор ЦК КПСС Виктор Черномырдин, возглавивший буржуазное правительство России бывший редактор отдела «Правды» и журнала «Коммунист» Егор Гайдар.

Помогали еще много других, ранее называвших себя гордым именем «товарищ». Уж очень хотелось каждому, чтобы его величали «господином».

Строить капитализм оказалось не так-то просто. С социализмом было проще: был «Капитал» Маркса, где объяснялись пути перехода от капитализма к социализму, а вот того, как, наоборот, перейти от социализма к капитализму, нигде написано не было. Поступили просто: Маркса отдали тем, кто еще верил в коммунистические идеалы, а капитал (это не название книги) взяли себе.

Увы, прежнее название «ЦК закрыт, все ушли...» для современного читателя уже ни о чем не говорит. К сожалению, слоган «Райком закрыт, все ушли на фронт», послуживший основой для перифразы, мало кто помнит. Это уже ушедшая эпоха. Что ж, прошло четверть века...

Новое название «Агония СССР. Я был свидетелем убийства Сверхдержавы» дано книге издательством «Яуза-пресс». Текст обновлен и дополнен автором.

Оценки событиям и действующим лицам, о которых рассказывается в этой книге, носят субъективный характер и выражают исключительно личное мнение автора.

Автор

Часть 1. Краткий курс конца КПСС

Глава 1. Неожиданный звонок

*Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Центральном Комитете.
(Из цеховского фольклора)*

Примерно в три часа дня зазвонил телефон внутренней связи. Я снял трубку.

За двадцать минут до этого все аппараты, включая правительственную связь и между-городнюю ВЧ, кроме прямого городского, были выведены на приемную: по просьбе одного зарубежного издания я отвечал на вопросы о событиях, связанных с ГКЧП. Поэтому и попросил секретаря со мной не соединять.

Вопросы были не из легких.

— Лично вы были у Белого дома? — спросил корреспондент влиятельного зарубежного издания.

— Да.

— Какое впечатление сложилось у вас о собравшихся?

— На Краснопресненскую набережную я вышел к восьми часам вечера двадцатого августа. Это был второй день путча. Сплошной поток молодых мужчин вынес меня к Белому дому России. Людей было очень много. Однако мне не показалось, что все они горели желанием живыми кольцами, плечом к плечу опоясать забаррикадировавшегося Президента России. Немало было зевак, празднующихся, пьяных...

— Но ведь Ельцин первым осудил действия хунты...

— Да, он отменил распоряжения ГКЧП и выступил в защиту законного Президента СССР Горбачева. Но я бы не сказал, что все собравшиеся на площади пришли спасать демократию. Не думаю, что, если бы действительно начался штурм Белого дома, собравшиеся закрыли бы его своими телами...

— Но ведь на них были направлены стволы танковых орудий...

— А москвичи разукрасили их цветами и российскими флажками. Раздавали танкистам бутерброды, фрукты, сигареты. Армия в народ стрелять не будет — в этом все были уверены. Отсюда и отсутствие страха, ощущение легкости и приподнятости. Правда, несколько БМП и танков защитники Белого дома забросали камнями и бутылками с зажигательной смесью. Одна БМП сгорела.

— Правда ли, что путч тщательно готовился, а причина неудачи в дилетантских действиях заговорщиков? Рассказывают, что глава хунты Янаев, просмотрев видеозапись пресс-конференции ГКЧП 19 августа, распорядился вырезать кадры, где у него дрожали руки...

— Ваши коллеги окрестили случившееся «путчем дрожащих рук». Этим все сказано. Если бы переворот действительно готовился тщательно, дрожащих рук, уверяю вас, не было бы.

— Вы хотите сказать: то, что едва не завершилось трагедией, оказалось опереточным фарсом?

— Ну какая же это тщательная подготовка? Не было арестов и задержаний. Границы и аэропорты оставались открытыми. Не отключалась связь. Даже запрещенные вначале реформаторские органы печати продолжали выходить. Правда, экипажи танков направили стволы орудий туда, где подозревались очаги сопротивления московских демократов, но пушечные магазины были пусты.

– Еще два месяца назад Ельцин требовал отставки Горбачева, а во время путча выступил за его возвращение к власти. Совершенно неожиданный поворот, не так ли?

– Что Ельцин так себя поведет, члены ГКЧП, наверное, никак не ожидали. Их просчет был в том, что они представляли Ельцина мелким. Раз уж он так сражался с Горбачевым, раз у него такая обида, то он, мол, не может не быть довольным поражением противника. Тем более что накопилось на него немало и личных обид. Они рассчитывали, что Ельцин будет хотя бы втайне торжествовать и поэтому с ним можно будет сговориться. И они делали эту попытку. А он повел себя с ними как избранный народом глава Российского государства. В этом одна из причин их поражения. И в этом одна из важнейших причин победы Ельцина.

– Вы считаете, что это победа Ельцина?

– Несомненно. Из августовского кризиса Ельцин вышел победителем. Это была не просто размолвка двух лидеров, это была борьба двух сил. Какое-то время эта борьба велась не напрямую. С одной стороны стояли консерваторы, с другой – сторонники реформ. Посередине возвышался Горбачев, который подобно полупроводнику гасил слабые попытки правых прийти к власти. И вот этот буфер, этот полупроводник на некоторое время устранился – ушел в отпуск. И сразу же обе силы столкнулись в открытой схватке. Победили сторонники радикальных реформ.

– Вы очень осторожны в оценках. Ничего не говорите о просчете заговорщиков, которые не предполагали, насколько глубоки внутренние изменения в советском обществе, насколько сильны перестроечные настроения. Людей не остановили ни введение комендантского часа, ни слухи о предстоящем штурме здания российского парламента.

– Знаете, мне бы не хотелось говорить о баррикадах, защитивших демократию. Я сам был у Белого дома и видел, кто их воздвигал...

Интервьюирование проходило по телефону. На том конце провода крутилась магнитофонная бобина, записывавшая каждое мое слово. Но и на моем столе рядом с телефонным аппаратом светился зеленый глазок диктофона. К этому меня вынудили зарубежные журналисты, которые в своих изданиях зачастую вольно интерпретировали мои комментарии. Пришлось применять защитные меры.

Закончив интервью, опять переключил телефонные аппараты на себя. И вот первый звонок.

– Николай Александрович, – услышал в трубке растерянный голос своего референта Галины Александровны Пташкиной, – мы не можем выйти из здания. Выходы перекрыты. Блокированы все подъезды – восьмой, девятый, двадцатый...

Сначала я не понял, о чем говорит одна из наших старейших и аккуратнейших работниц. Какие выходы, почему блокированы? Двадцать минут я сидел в одиночестве, отвечая на вопросы иностранного корреспондента, и представления не имел, что происходит в это время. Оказывается, когда я подыскивал осторожные формулировки, уединившись в своем кабинете, технические работники носились по коридорам комплекса зданий ЦК, пытаясь выбраться наружу. Они услышали распоряжение из Управления делами, которое передавалось по местной радиотрансляционной сети, о немедленной эвакуации из помещений. В панике, схватив пожитки, женщины рванулись к выходу.

Радио в моем кабинете было выключено – и не потому, что оно мешало интервью. Включал я его крайне редко. Для меня всегда было загадкой, как можно работать при включенном на полную мощность радио. Этим искусством обладали многие мои коллеги. Видно, крепкие нервы у мужиков.

Не успел я расспросить о деталях, как в трубке послышались частые гудки. В недоумении я поднялся с кресла и открыл дверь в приемную, чтобы выяснить, что в конце концов происходит.

Приемная была пуста. Отсутствовала и секретарь, сторожившая вход в кабинет Станислава Архиповича Чибиряева – первого заместителя заведующего гуманитарным отделом. Наши кабинеты располагались напротив, их разделяла небольшая приемная, в которой сидели два секретаря – моя, Валентина, и чибиряевская, Лидия. Обоих на местах не было. Заглянул в кабинет Станислава Архиповича – он тоже был пуст.

Мое недоумение возросло. Охваченный тревогой, я вернулся в приемную и услышал требовательный, резкий звук телефона правительственной связи из своего кабинета. Звонила кремлевская «вертушка» – красивый белый телефон с золотым государственным гербом в центре диска. Аппарат появился в моем кабинете год назад – после утверждения автора этих записок в должности заместителя руководителя пресс-центра ЦК КПСС.

Поскольку это была новая должность, не предусмотренная штатным расписанием политической организации, имевшей почти столетнюю историю, то ее приравнивали к должности заместителя заведующего отделом. В аппарате ЦК «вертушка» полагалась должностным лицам, начиная с заведующего сектором. Правда, иногда «волшебный» телефон устанавливали тем, кто был рангом ниже – консультантам, например. Но это делалось крайне редко. Такой чести могли удостоиться люди, работавшие непосредственно на заведующего отделом, готовившие ему речи, выступления, писавшие статьи за его подписью в газеты и журналы, а нередко и книги. Да-да, и книги тоже. Причем все это происходило не в каких-то там застойные, а в наши, перестроечные, времена.

Но к этой теме я еще вернусь.

Услышав в приемной звонок «вертушки», я вернулся в свой кабинет. Первое время меня, неопытного аппаратчика, удивляла манера цеховских долгожителей разговаривать по телефону правительственной связи. Человек внутренне группировался, лицо приобретало свирепое выражение, взгляд хмурился, голос становился твердым и вместе с тем вопросительно-подобострастным: а вдруг звонит большой начальник? Это был целый ритуал. Если по городскому телефону произносилось обычно «да-да» или «слушаю», то по «вертушке» непременно полагалось называть фамилию. Не знаю, кто установил такое правило, но в ЦК его придерживались неукоснительно. Внешне это напоминало разговор военных.

Что поделать, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Поддерживал общепринятую среди цеховских работников манеру разговора по телефону и я. Поднял трубку «кремлевки», торопливо назвал фамилию. То, что услышал, повергло меня в смятение.

– Быстро на выход! Наши все вышли? Немедленно покидай здание!

Голос сдавленный, вроде бы знакомый. Ба, да это же мой начальник!

Ошеломленный и растерянный, я опустил трубку на рычаг. Бред какой-то!

Вышел в коридор. Тишина. Ни одного человека. Как будто все вымерло. Сделал несколько шагов по направлению к кабинетам других замов – Ренчиса и Сидоровича. Заколебался, заходить ли. Решительно толкнул дверь. Кабинеты обоих пусты. В приемных, где за столиком с батареей телефонных аппаратов обычно сидели секретари, – никого.

Вернулся обратно. На седьмом этаже громадного десятиэтажного здания – ни души. Ау, где ты, гуманитарный отдел? В угловом отсеке – кабинет заведующего отделом Виктора Васильевича Рябова. Ни одного человечка. Спустился на шестой этаж, к коллегам из идеологического отдела. Такая же картина.

Надо, видно, выбираться из здания. В памяти всплыли картины захвата зданий ЦК в восточноевропейских странах. Вернулся в свой кабинет. Все телефоны молчат. Поднял трубку городского, «вертушки» – нет, работают, связь не отключена.

Пора. Что взять с собой? За шесть лет работы накопился огромный архив, горы заготовок речей, статей, интервью начальников. В шкафах и сейфах немало личных вещей. Ведь большую часть времени – нередко до десяти-одиннадцати вечера – проводил на работе. Служебный кабинет стал вторым домом. Черт с ними, вещами! Схватил диктофон с только что

записанным текстом интервью – сработала, наверное, старая журналистская привычка, – записал его в выдавший виды коричневый «дипломат», с которым не расставался вот уже пятнадцать лет, и, окинув взглядом в последний раз большой письменный стол, заваленный бумагами, направился к выходу.

Вызвал лифт. Загорелось табло – значит, работает. С «дипломатом» в руке вышел на первом этаже. И сразу попал в растревоженный человеческий муравейник. Множество людей скопилось у выхода. Наш подъезд – шестой. Здание расположено в центре цеховского городка. Он связан множеством переходов, в которых запросто можно заблудиться. За шесть лет я изучил все, с закрытыми глазами мог выйти к любому месту – на улицу Куйбышева, к проезду Владимирова или к улице Степана Разина. Москвичи знают, на каком расстоянии друг от друга расположены названные мною места.

Просторный вестибюль шестого подъезда был переполнен колышущейся людской массой. На лицах растерянность, страх, непонимание происходящего. Кто-то держал в руках кулек с тремя-четырьмя свекольными котлетками – последней цеховской привилегией, – кто-то судорожно прижимал к груди папку с бумагами. Чтобы выйти из здания, надо пересечь двор. Отсюда на волю два пути. Первый, если повернуть налево, вел к железным решетчатым воротам, за ними улица Куйбышева. Второй – направо, мимо здания столовой, к улице Степана Разина. Время от времени кто в одиночку, кто в составе небольшой группы пытался покинуть здание. Бесполезно! Все возвращались назад, жалкие и испуганные: выходы перекрыты толпами бесновавшихся людей. Не пропускают никого.

Людей все прибывало. Шестой подъезд – десятиэтажное здание, построенное в середине шестидесятых годов. Здесь было расположено много отделов ЦК – организационный, идеологический, гуманитарный, социально-экономический, аграрный, национальной политики. В боковых отсеках, расположенных напротив кабинетов заведующих отделами, сидели секретари ЦК – Строев, Манаенков, Калашников. Не менее сотни кабинетов занимали сотрудники аппарата президента, включая первого заместителя председателя Совета обороны страны Бакланова.

Среди мечущихся в вестибюле и по двору фигур – чего греха таить – попадались и знакомые лица из президентского аппарата. Паника усиливалась. Высокая, худая, лет под семьдесят старая женщина из машбюро хватала мужчин за руки:

– Делайте же что-нибудь! Надо звонить в Управление делами, коменданту... Пусть откроют коллекторы и выпустят нас через теплотрассу... На улицах ужас что творится. Они нас растерзают...

От несчастной женщины отмахивались. Слухи, один нелепее другого, вспыхивали в разных концах вестибюля и двора, заставляя людей бессмысленно метаться по замкнутому пространству. С улицы доносился угрожающий шум растущей на глазах толпы. Виновато отводили глаза работники охраны зданий ЦК – еще вчера такие недоступные и величественные. Раньше их грозная форма придавала им куда более решительный вид. Надежды на то, что они защитят от разъяренной толпы хотя бы женщин, было мало.

Никто толком не знал, что же передали по внутреннему радио. Одни утверждали: на сборы дан час, и, если за это время помещения не будут очищены, ослушавшихся ожидает интернирование. Технические работники не понимали, что это такое. «В милицию ответят», – разъясняли сведущие.

В общем, паника разрасталась. Во двор прибывали люди из других зданий. Оказавшись среди потерявших самообладание сослуживцев, слушая панические слова и реплики, я тоже стал готовиться к самому худшему. Вернулся в кабинет и позвонил на всякий случай сыну: если что случится, береги мать и десятилетнюю сестренку.

Вырвавшись из окружения и приехав домой, я выпил сразу полбутылки водки, но опьянения не почувствовал. Сказалось сильнейшее нервное напряжение. Мы шли сквозь улю-

люканье толпы, ежесекундно ожидая самого страшного. Напрасно народные депутаты через мегафоны призывали соблюдать законность и порядок. Озверевшая толпа наседала на дрожавших от испуга партаппаратчиков. Мы шли по живому коридору, и почти каждый считал своим долгом унижить, оскорбить нас.

Особенно усердствовали женщины. Из их уст сыпалась такая похабщина по адресу наших технических работников, что впору затыкать уши. Озлобленные москвички, казалось, вот-вот вцепятся в их волосы. С особым наслаждением они копались в сумочках партаппаратчиц, показывая содержимое гогочущей толпе. Как только ни обзывали несчастных машинисток, секретарш, стенографисток. Некоторые выражения еще можно было терпеть. Но звучало кое-что и похлеще.

Иные от обиды плакали, другие, побойчее, пробовали усовестить кликуш. Запомнилась такая сцена. Впереди меня шла высокая, красивая, статная молодая женщина из международного отдела. Увидев ее, толпа буквально взорвалась ревом. К ней потянулись чьи-то жилистые руки, выхватили сумку, распотрошили в один миг. К ногам полетели какие-то свертки. Кто-то поддел их ногой, на асфальт высыпался мясной фарш. Брызнули соком свекольные котлетки.

– Они там объедаются, а мы не знаем, чем детей кормить! – визжала толстенная бабища в мелких кудряшках с маленькой головенкой без шеи. – Убить вас мало, вертихвостки поганые!

Секретарша из международного отдела без страха смотрела на исходящую ненавистью толпу. Потом тихо сказала:

– Ну, убейте, если вам от этого легче станет. Подумаешь, останутся без матери две девочки-близняшки! Убивайте, если руки поднимутся...

Гром-бабищу оттерли какие-то мужики. Подняли свертки, неумело затолкали в сумку.

– Проходите, женщина. Вы здесь ни при чем. К вам претензий нет. Счеты надо с другими сводить...

Ну, а аппаратчикам снисхождения, конечно, не было. Выбирали самых откормленных, холеных. Глумились как хотели. В некоторых плевали, забрасывали помидорами, яйцами. Иногда летело и кое-что поувесистее. В двадцатом подъезде, где размещался ЦК Компартии РСФСР, толпа разбила несколько оконных стекол, на здании МГК снесли вывеску.

Полную чашу всенародной любви к партии испил и я. Что кричали в мой адрес, когда я шествовал по живому коридору, не помню. Но что-то кричали – мерзкое, оскорбительное. Может, и хорошо, что не запомнил. Состояние было ужасное, все, что происходило, представлялось каким-то горячечным бредом, кошмарным сном.

Прорвавшись сквозь кольцо осадивших Старую площадь людей, прошел к станции метро «Площадь Ногина». Сейчас эта станция переименована в «Китай-город». Здесь отдыхался. Из таксофона позвонил домой, успокоил семью – все в порядке, жив. У жены вырвался вздох облегчения. У них на работе поползли зловещие слухи о штурме зданий ЦК, о кровавых расправах.

В вестибюле метро начали появляться мои сослуживцы. Возбужденные, перенервничавшие. Всех без исключения обыскивали, перетряхивали содержимое «кейсов», сумок, папок, надеясь найти материалы, связанные с участием ЦК в путче.

Самое время рассказать сейчас о бутылке водки, половину которой я выпил в один присест. Стояла бутылка в холодильнике по случаю приближавшейся знаменательной даты в жизни ответственного работника ЦК. Дело в том, что именно 23 августа 1991 года исполнилось шесть лет с того знойного летнего дня, когда я, оставив чемодан в камере хранения на Белорусском вокзале, счастливый и переполненный чувством собственной значимости, свысока поглядывая на пешеходов, двинулся по улице Горького в сторону Старой площади.

Мог ли я тогда предположить, что пройдет шесть лет и точно в такой же день, 23 августа, да еще в пятницу, – еще одно совпадение, – мне предстоит позорный финал? Никогда прежде меня подобным образом не выпроваживали с работы. Попросту говоря – прогнали...

Мог ли я не покидать кабинет, здание ЦК? Мог. Кстати, после августовского кризиса, когда начался захват помещений, принадлежавших организациям, которые имели отношение к ЦК, работники многих из них сопротивлялись до последнего, отстаивая свои служебные площади. Некоторые победили: издательство ЦК КПСС «Панорама», Союз писателей РСФСР, ряд редакций газет и журналов. Оставались в своих кабинетах на ночь, выставляли охрану, баррикадировали входы.

Наверное, мог остаться на своем рабочем месте и я. Тем более что официального распоряжения с требованием покинуть здание я не слышал. Сработал инстинкт безоговорочного повиновения начальнику – партийная дисциплина в аппарате ЦК была покрепче военной.

О том, кто принял решение об изгнании работников ЦК из служебных помещений, стало известно значительно позже. Появилось немало любопытных подробностей того, как проводилась эта операция.

Слово Вадиму Андреевичу Медведеву – бывшему члену Политбюро ЦК КПСС, до лета 1990 года курировавшему идеологическую работу партии, а во время описываемых событий – советнику Президента СССР:

– В самом начале развития событий Ельцин предпринял ряд шагов, направленных на овладение союзными структурами посредством подчинения их российским. Во все союзные органы, в министерства и ведомства были направлены представители российского правительства с неограниченными функциями. Деятельность союзных органов оказалась практически парализованной. Для противодействия путчистам эти шаги были вынужденными и оправданными, но с поражением путча этот процесс не спешили приостанавливать. Маховик продолжал раскручиваться. Поражение путча начало перерастать в контрпереворот – полный переход власти в Союзе в руки российского руководства неконституционным путем.

Своими воспоминаниями о тех днях Медведев делился в 1994 году:

– Сгустилась обстановка вокруг здания ЦК КПСС. Собралась возбужденная, агрессивная толпа, возникла угроза стихийного захвата и разгрома зданий ЦК. Об этом мне сообщили Купцов (первый секретарь ЦК Компартии РСФСР. – Н.З.) и Дегтярев (заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС. – Н.З.). Президент и – по его поручению – Примаков разговаривали по этому вопросу с Поповым. Бушующая толпа была отведена от здания ЦК, и эпицентр уличных событий переместился на Лубянку, где были предприняты попытки разрушить памятник Дзержинскому. Вмешался Станкевич, заявив, что памятник будет демонтирован с применением техники и правил безопасности. По наблюдениям и оценкам очевидцев, это были уже не те люди, которые смело и самоотверженно встали на защиту Белого дома. Там царили подтянутость и дисциплина, а тут – бушующая толпа хулиганов, в которой было немало пьяных. Конечно же, не обошлось без организаторов и подстрекателей...

Любопытные детали изгнания людей из служебных помещений на Старой площади приводит А.С. Черняев, тогдашний помощник Президента СССР, а затем сотрудник Горбачев-фонда.

По его словам, президент не предупредил своего помощника о том, что согласился на захват российскими и московскими властями здания Центрального Комитета. Однако те, кто захватывал здания ЦК, были предупреждены, как следует обращаться с цековскими работниками, а как – с сотрудниками аппарата президента.

– Мой кабинет, – рассказывает Черняев, – может, по злому умыслу Болдина, находился еще там, на Старой площади. Я сидел и работал. Вдруг заговорило выключенное обычно радио: диктор монотонно и угрожающе повторял, что дается один час для сбора личных

вещей, после чего все оставшиеся в здании будут задержаны. Я с моей верной Тamarой и еще одним сотрудником из президентского протокола, зашедшим в это время ко мне, Владимиром Ивановичем Масаловым, оскорбленные, решили не подчиняться. Спустились к выходу часа через два. Нас остановили. Повели было через задний ход к Ипатьевскому переулку, но у ворот бушевали толпы. Знакомые милиционеры предложили вернуться в здание. Стоим, ждем. Кто-то, приставленный к нам, куда-то не раз бегал. Потом вывели нас вниз, в подвальные этажи. Там опять долго с кем-то созванивались. Наконец, повели дальше вниз, и мы оказались в слепяще освещенном «спецметро»...

Черняев замечает: он, проработавший столько лет в аппарате ЦК, помощник генсека и президента, впервые узнал таким вот образом о существовании этого «объекта». В вагончике его переправили в Кремль.

Президентский помощник кокетливо заявляет: ему, мол, неизвестно, почему их не бросили в толпу, как всех остальных, выходивших из ЦК в этот «назначенный» час.

— То ли потому, что я еще был «народный депутат» со значком, то ли потому, что я из президентской службы, даже помощник, а не из аппарата ЦК, то ли потому, что сам «жертва» путча... Не знаю, кто решал, как быть с нами.

Вот и верь после этого байкам о стихийности происходившего, о народном гневe. Оказывается, собравшиеся действовали по четкому плану, заранее зная, кого вывозить со Старой площади в Кремль в «спецметро», а кого, как изящно выразился переполненный демократическими ценностями Черняев, «бросать в толпу».

Вскоре стало известно имя того, кто по внутренней радиотрансляции потребовал от работников ЦК освободить служебные кабинеты. Это был Александр Ильич Музыкантский.

В отличие от своих коллег по демократической ориентации, Музыкантский не любил рассказывать о себе. Он крайне редко давал интервью. Это самая загадочная личность в московском правительстве. Он предпочитал держаться в тени и после победы Ельцина в его единоборстве с Горбачевым.

О личности Музыкантского было известно крайне мало. Даже в многочисленных биографических справочниках типа «Кто есть кто в России (Москве)», без устали издававшихся новой политической элитой, об Александре Ильиче приведены самые общие сведения.

Родился 4 февраля 1941 года в Москве. Окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта и механико-математический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Кандидат технических наук. С 1989 года — член Московской городской избирательной комиссии. Участвовал в создании Движения демократических реформ. Был заместителем премьера правительства Москвы, одновременно префектом Центрального административного округа. Женат, есть сын и дочь. Увлечение: благоустройство собственной квартиры.

Прочитанная в одном из биографических справочников, изданном в 1998 году, последняя фраза об увлечении заставила рассмеяться. Не в бровь, а в глаз! «Благоустройство собственной квартиры». Вот оно, самое главное отличие нынешнего поколения революционеров от тех, кто вступил на стезю переустройства мира в начале XX века.

Из других источников стало известно, что демократический «матрос Железняк» около двадцати лет проработал на различных должностях в Госстрое СССР. Там и сошелся с опальным Ельциным. На выборах 1990 года в Москве Музыкантский выступил представителем «ДемРоссии» в городской избирательной комиссии. Сам, однако, почему-то никуда не баллотировался. За продуктивную работу получил пост и. о. зампреда исполкома Моссовета.

В 1999 году мэр Москвы Лужков освободил его от должности префекта Центрального административного округа и переместил в кресло министра городского правительства, отвечающего за работу средств массовой информации. На этом посту Александр Ильич просла-

вился тем, что, комментируя взрыв в переходе станции метро «Пушкинская» в августе 2000 года, заявил:

– Мы живем в столице воюющего государства.

То есть недвусмысленно указал, кто был исполнителем взрыва. Ясное дело, чеченцы. Но чеченская версия была объявлена следственной бригадой неперспективной уже через две недели после случившегося. Впоследствии выяснилось, что взрыв был организован одной из конкурирующих торговых мафий. Не поделили площадь. Ну, а рупор городского правительства пытался свалить на чеченских боевиков: надо же было каким-то образом переводить стрелки от муниципальных властей.

Уверен, пройдет время, появятся и другие детали.

...Выпитая водка не подействовала. Обида клокотала внутри, рвалась наружу. В чем моя вина? Что я не так делал? Мудро поступила жена – увезла на дачу. Тем более была пятница – конец рабочей недели. Машину вызывать еще можно было, и ее вскоре подали к дому.

Глава 2. Дачные переживания

Наша дача была в поселке «Успенское» – в том самом, где произошло знаменитое падение Ельцина с моста в реку. Темная история, не проясненная до сих пор.

Существует несколько версий о том, как Ельцин оказался в воде. В конце июня 1997 года ко всему сказанному и написанному прибавилось еще одно свидетельство. Бывший начальник Службы безопасности российского президента генерал-лейтенант Коржаков, уволенный Ельциным со службы в 1996 году, в интервью английской газете «Гардиан» поведал, что Ельцин бросился с моста не в реку, как считалось прежде, а в пруд, пытаясь покончить жизнь самоубийством. Так это или нет – трудно сказать, хотя, несомненно, недавний ельцинский телохранитель – один из немногих, кто был допущен к святой святых кремлевского двора.

Однако вернемся к 23 августа 1991 года.

Дачный поселок ЦК КПСС «Успенское» недалеко от Москвы, всего в тридцати километрах по Рублевскому шоссе. Сначала Барвиха, потом Усово, а там и «Успенка». Голубой деревянный домик нам выделили в апреле 1991 года по личному распоряжению тогдашнего управляющего делами ЦК Николая Ефимовича Кручины.

Поселок ухоженный, чистый, утопавший в зелени. Директор, знакомя меня с местом отдыха, перечислил именитых дачников. Секретари ЦК Фалин и Медведев, заведующие отделами Дегтярев, Скиба, Власов, советники, помощники и референты Президента СССР Пряхин, Гусенков, Остроумов. Знакомые имена!

В печати тогда появилось много публикаций о местах отдыха работников центрального партийного аппарата. Не знаю, как обстояли дела до 1985 года, но то, что мне довелось увидеть своими глазами, не соответствовало тем картинкам, которые рисовали перед читателями иные журналисты. Скажу прямо, хотя и рискую вызвать недоверие читателей: каких-либо излишеств я не увидел. Честное слово, некоторые зоны отдыха, принадлежавшие крупным промышленным предприятиям, ничуть не уступали цековским, а по некоторым параметрам даже превосходили их.

Конечно, цековские дачи были разные по комфорту. Инструкторы и заведующие секторами жили в Полянах, Кратове и Клязьме. Заместители заведующих и заведующие отделами – в Усово, Успенском. Естественно, класс обслуживания там был выше. Кстати, такая практика существует во всем мире – руководящие работники везде имеют четко разграниченную иерархию и соответствующие ей льготы и привилегии.

Через пруд, на другом берегу, был дачный поселок Совета Министров СССР. Он тоже назывался «Успенское». Там жили министры. Иногда можно было видеть прогуливавшегося Валентина Сергеевича Павлова – став председателем Кабинета министров, он по-прежнему оставался на даче, выделенной ему как министру финансов. Не знаю, почему он не перебрался на другую, более приличествующую ему в новом качестве. Но и в «Успенке» было не худо! Цековские дачи, за исключением трех-четырех, добротных, кирпичных, в два этажа, значительно уступали совминовским. Те были построены на совесть! С персональными гаражами, погребками, детскими городками возле каждого строения, индивидуальными песочницами и каруселями.

Я уже не говорю о магазине в совминовском поселке. Правда, мне не приходилось бывать в нем, но отзывы слышал. Там никогда не переводилось пиво! Когда-то было наоборот, цековская половина отличалась лучшим обеспечением. Но времена изменились, ЦК уступил власть, а власть – это, кстати, и пиво тоже. И помещения, и правительственная связь.

Короче, поздно вечером 23 августа мы приехали к себе на дачу. Водителя отпустили. Это был наш последний бесплатный проезд на служебной машине. Чего, естественно, мы тогда еще не знали.

Пользуясь случаем, расскажу о транспортном обслуживании работников ЦК.

К весне 1991 года персональные машины имели только заведующие отделами и секретари. Первые заместители и заместители обслуживались дежурными или, как их еще называли, разгонными автомобилями. Их можно было вызывать круглосуточно. Надо отдать должное, транспортная часть Управления делами работала четко, как хронометр. Стоило набрать номер, и предупредительный диспетчер тут же называл номер «Волги», которая немедленно выходила по указанному адресу. Это не значило, что не бывало сбоев. Иногда машину приходилось ожидать – правда, не дольше, чем полчаса. Сложности возникли, когда транспортная часть перешла на хозрасчет. «Своих» работников возить стало невыгодно. В первую очередь стремились побыстрее подавать машины тем, кто перечислял гаражу деньги. В числе обслуживаемых были аппарат президента, ЦК Компартии РСФСР, совместные и кооперативные предприятия.

Разговорившись с шофером, можно было узнать, что автомобили гаража ЦК КПСС при Горбачеве обслуживали и свадьбы. На что склонные к юмору мои сослуживцы говорили, что можно сдавать в аренду заодно и работников ЦК – в качестве свадебных генералов. За заведующего сектором вполне могли платить свободно конвертируемой валютой. Кто знает, может, пользы от иных завсекторами было бы больше.

С весны 1991 года в гараж начали поступать «Волги» светлого и бежевого цвета. К лету их было уже около трехсот. Похоже, руководство ЦК вняло призывам тогдашнего председателя парламентской комиссии по льготам и привилегиям Евгения Максимовича Примакова, который, вопреки народной мудрости, утверждавшей, что черного кобеля не отмоешь добела, спрашивал: неужели свет клином сошелся на этих черных лимузинах? И что только в них находят? И душно в них, и раздражают они честных тружеников, когда стадами пасутся у парадных подъездов или мчатся по оживленным магистралям. То ли дело машины светлых марок.

К ним в ЦК привыкали трудно. После десятилетий езды на черных, сверкающих лаком лимузинах светлые «Волги» воспринимались как ущемление достоинства. Один из водителей со смехом рассказывал:

– Вызвали меня к первому подъезду. Ладно, приехал. Припарковался. Жду пассажира. Вышел какой-то очкарик, лысый, плешивый, прошелся вдоль ряда машин. Не нашел своей. Вернулся опять к подъезду. Вошел внутрь, позвонил в диспетчерскую. Там подтвердили, что машина вышла. Снова прошелся вдоль стоянки, близоруко всматриваясь в номера черных «Волг». Я не выдержал, открыл дверцу. «Не ко мне?» – спрашиваю. Он взглянул на листок бумаги, где номер записан, и сам себе не верит. Номер совпадает, а машина не та. Нет, говорит, я на белой не поеду. Повернулся и зашагал к подъезду. Звонит в диспетчерскую: вы что, говорит, издеваетесь надо мною? Давайте черную! Не знаю, прислали ему черную или нет, это не мое дело. Я развернулся и поехал в гараж. Еду и думаю: ну, если такой поворот, скоро партии голову свернут...

Надо отдать должное: в последнее время было предпринято немало новшеств, лишавших незаслуженных привилегий прикрепленных к обслуживанию машинами ЦК КПСС бывших партийных работников. В первую очередь это касалось пенсионеров.

Раньше им выдавались талоны, по которым они могли вызывать машины ЦК. Талоны отменили даже для бывших членов Политбюро, не говоря уже об экс-руководителях областных партийных организаций, которые, благополучно дожив до глубокой старости и развалив экономику своих регионов, переезжали в Москву и пользовались автотранспортом ЦК до последних своих дней. Они имели право вызова машины для себя лично в любое время

суток и для членов своей семьи. Служебный транспорт ЦК, содержащийся на партийные взносы рядовых членов партии, развозил бывших горе-руководителей по дачам и родственникам вместе с внуками и правнучками, собачками и кошечками.

Документ для истории

СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

О ГАРАНТИЯХ И КОМПЕНСАЦИЯХ РАБОТНИКАМ
АППАРАТА ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ

По сложившейся практике и с согласия Секретариата ЦК КПСС Управление делами ЦК КПСС предоставляет квартиры в городе Москве персональным пенсионерам – бывшим руководителям партийных комитетов республик, краев и областей при наличии их просьб об этом. Для ответственных работников аппарата ЦК КПСС, направляемых на работу в другие регионы страны и за рубеж, оплата расходов по ремонту высвобождаемых ими квартир производится за счет средств партбюджета.

Для первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС стоимость текущего ремонта занимаемых квартир оплачивается за счет средств, предусматриваемых в партбюджете на капитальный ремонт зданий парторганов и партучреждений.

Для первых секретарей крайкомов, обкомов КПСС установлена в одинарном размере оплата занимаемой площади вне зависимости от ее размера.

В связи с этим в целях соблюдения норм жилищного законодательства и экономии средств бюджета КПСС вносится предложение:

- прекратить попытку предоставления квартир в городе Москве персональным пенсионерам – бывшим руководителям партийных комитетов республик, краев и областей, за исключением работников, направленных из Москвы по решению ЦК КПСС;

- считать утратившими силу согласия Секретариата ЦК КПСС от 13.03.87 г. № 1193с по вопросу оплаты расходов на текущий ремонт квартир, занимаемых первыми секретарями ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС, от 08.01.87 г. № 0043с по вопросу оплаты расходов по ремонту квартир, высвобождаемых ответственными работниками аппарата ЦК КПСС, направляемыми на работу в другие регионы страны и за рубеж, за счет средств бюджета КПСС;

- установить порядок оплаты жилой площади, занимаемой первыми секретарями крайкомов, обкомов КПСС на общих основаниях.

Просим согласия.

Управляющий делами ЦК КПСС Н. Кручина
10 августа 1990 года.

Согласие было получено. На тексте записки есть подписи членов Секретариата ЦК КПСС с поправкой: «с 1.10.90 г.».

Короче – платите сами.

Но «бывшие» и в годы перестройки пользовались колоссальнейшим влиянием в партийном аппарате. Удивляться тут нечему: многие функционеры были их выдвигенцами. И, как могли, отрабатывали за свое выдвижение в центральный аппарат.

Я, например, придя в ЦК на работу, не сразу узнал, что там есть ателье, где шили костюмы, пальто, обувь не только ответственным и техническим работникам, но и членам их

семей. Более того, я, оказывается, имел право покупать раз в два года зимние головные уборы не только для себя, но и для жены, а также для детей. Но ведь мне об этом никто не сказал. И, вероятно, кто-то наживался на странной забывчивости простодушного провинциала.

Не забуду, как в сентябре 1991 года, забирая в мастерской отремонтированную кофемолку, которую отдал в ремонт еще в начале весны, я оказался свидетелем разговора администраторши, ухоженной дамы с золотом на пальцах и в ушах, с неким позвонившим ей гражданином. Администраторша нажала клавишу внутренней связи:

– Танечка, твой клиент интересуется, готова ли для него шубка?

– Что? Иван Иванович на связь вышел? Наконец-то! Куда же он пропал? Скажите: скоро может приезжать.

В разговоре прозвучала знакомая фамилия. Звонил один из заместителей заведующих отделами, проработавший в аппарате не одно десятилетие. Но ведь он уже год не числился в ЦК! Это точно, потому что после изгнания идеологического отдела «большого» ЦК из двадцатого подъезда российским Центральным Комитетом нас переселили в шестой подъезд, и одному из моих коллег достался кабинет, в котором раньше восседал Иван Иванович, отправленный на пенсию. Так что, он по-прежнему шил шубы в ателье ЦК? Для кого? Уже для правнучек?

Пока я получал свою кофемолку, каких только разговоров не наслушался. Пользовались услугами цеховского ателье многие уважаемые люди: писатели, художники, композиторы, актеры, режиссеры, народные депутаты. В том числе и те, кто истово боролся с номенклатурными привилегиями. Вот куда уходили мои шапки! Но прихлебатели были во все времена.

Документ для истории

СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

По сложившейся многолетней практике для секретарей ЦК КПСС через первое отделение шестого отдела 9 Управления КГБ производился отпуск продуктов питания. Кроме того, сектором общественного питания хозяйственного отдела Управления делами производится отпуск буфетной продукции (чай, кофе, сушки и т. п.) для заведующих отделами и их заместителей, а секретариатам секретарей ЦК КПСС отпускаются также некоторые продукты и бутерброды.

Расходы на эти цели возмещаются Управлением делами ЦК КПСС за счет средств партийного бюджета.

С учетом требования о сокращении затрат из бюджета КПСС считали бы целесообразным отпуск продуктов питания для секретарей ЦК КПСС и работников секретариатов секретарей ЦК КПСС производить за наличный расчет.

Расходы за счет средств партийного бюджета можно было бы сохранить на отпуск буфетной продукции (чай, кофе, молоко, печенье, сушки и сухари) в приемные и кабинеты секретарей ЦК КПСС, их помощников и референтов, заведующим отделами ЦК КПСС, их заместителям, а также при приемах отделами ЦК КПСС зарубежных делегаций и гостей.

Обслуживание президиумов собраний и совещаний, проводимых по решениям Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, производить в каждом случае по отдельному меню с отнесением расходов за счет средств партийного бюджета.

Просим согласия.

Управляющий делами ЦК КПСС Н. Кручина

13 августа 1990 г.
09-396

Короче – начали экономить даже на сухарях. Прежде всего для своих работников.

Но вернемся к Ивану Ивановичу. Почти сорок лет он стоял у руля одного из крупнейших народнохозяйственных направлений, проводил там политику партии. Несмотря на многочисленные реорганизации, отрасль хирела год от года. Однако высокий куратор неизменно оставался на плаву, несмотря на перемены в высших эшелонах политической власти. При Хрущеве, при Брежнев, при Андропове, при Черненко, при Горбачеве. И при каждом, видно, шил в ателье шубки. А может, это и было главным делом его жизни.

Итак, мы прервались на том месте, когда после позорного изгнания из штаба ленинской партии, выдвиг почти полбутылки русской водки, ваш покорный слуга по решительному настоянию своей супруги отбыл на дачу.

«Успенка» словно вымерла. Стояла тревожная тишина. На пешеходных тропинках в лесу не встретилось ни одного человека. С женой и десятилетней дочерью мы сделали прощальный обход пруда. И, хотя верить в непоправимое не хотелось, сердце предсказывало: это конец.

Поздним вечером на прогулке перед сном мы часто встречали Ивана Ивановича Антоновича, члена Политбюро и секретаря ЦК российской Компартии. Обычно он прогуливался один, без супруги, меряя тропинку крупным мужским шагом. Я загадал: если встречу Ивана Ивановича, все обойдется. Увы, в тот вечер мы его не видели.

Назавтра – а это была суббота – с утра я принялся звонить на работу. Ни один телефон не отвечал. Сослуживцы, оставшиеся в Москве и побывавшие на Старой площади, сообщали, что здания ЦК опечатаны, с первого подъезда снята вывеска «Центральный Комитет КПСС», там водружен трехцветный российский флаг. Подъезды к площади перекрыты, движение автотранспорта остановлено. На вопрос, надо ли возвращаться в Москву, кто-то горько пошутил:

– А зачем? Скорее всего придется снова ехать в Цюрих и Женеву и начинать все сначала...

Утром 25 августа по телевидению были обнародованы Указы Горбачева «О прекращении деятельности политических партий и политических движений в Вооруженных силах СССР и правоохранительных органах и в государственном аппарате» и «Об имуществе Коммунистической партии Советского Союза». В последнем Советам народных депутатов предлагалось «взять под охрану имущество КПСС. Вопросы дальнейшего его использования должны разрешаться в строгом соответствии с законами СССР и республик».

В республиках они разрешались следующим образом. Политбюро ЦК КПСС покинул президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Он заявил, что ставит вопрос о выходе из КПСС всей республиканской Компартии, поскольку указания, получаемые им в эти дни из Секретариата «московского» ЦК, свидетельствовали о полной поддержке путчистов руководством партии.

Вслед за Назарбаевым приостановил деятельность республиканской Компартии и национализировал ее имущество киргизский президент Акаев.

Выступая на внеочередной сессии украинского парламента, о своем выходе из состава ЦК Компартии Украины заявил Кравчук. Точно так же поступил и лидер белорусских коммунистов Малофеев, который заявил, что Компартия республики выходит из состава КПСС.

По решению Ленсовета органы УВД опечатали здания организаций КПСС Ленинграда. Латвийский парламент дал санкцию на арест первого секретаря ЦК Компартии Рубикса, который в первый день путча заявил о том, что он гордится действиями ГКЧП.

Моссовет лишил депутатской неприкосновенности лидера московских коммунистов Прокофьева, Президиум Верховного Совета СССР – депутата, секретаря ЦК КПСС Шенина.

Не отставал от старших товарищей и доблестный партии сын – ленинский комсомол. 23 августа состоялось заседание Бюро ЦК ВЛКСМ. Бюро поддержало позицию руководства ЦК ВЛКСМ в дни кризиса и заявление, сделанное руководством ЦК ВЛКСМ 20 августа. Было принято заявление, осуждавшее действия руководства КПСС.

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. Зюкин проинформировал Бюро о своем выходе из состава ЦК КПСС «в связи с полным размежеванием комсомола с линией руководства КПСС, занявшего преступную позицию и предавшего всех честных коммунистов».

Документ для истории

ЗАЯВЛЕНИЕ БЮРО ЦК ВЛКСМ

Попытка осуществления в стране государственного переворота явно обнажила суть политической линии и нравственную позицию не только каждого гражданина, но и всех политических сил. Наиболее безответственно и трусливо в этот момент повело себя руководство КПСС.

Считаем своим долгом заявить о следующем.

Первое. Преступно и не имеет оправданий молчание руководящих органов партии в дни переворота. Убеждены, что ими сознательно упущен шанс остановить путчистов. Мы считаем, что, предав миллионы честных людей с партийными билетами, они не только скомпрометировали себя, но и убили у многих надежду на способность к глубокому реформированию.

Второе. Почему в эти трагические дни молчал или встал на сторону путчистов ряд партийных газет, а действия членов КПСС – руководителей так называемого ГКЧП – не были признаны противоречащими Уставу партии?

В этой связи мы убеждены, что все руководящие органы КПСС должны сложить с себя полномочия, а роль в перевороте отдельных членов ЦК КПСС и других органов – расследована и предана гласности.

При этом для нас уже не подлежит сомнению, что никаким обновлением руководства КПСС ее реформировать невозможно. Речь должна идти о качественно другой организации.

25 августа Генеральный прокурор СССР Н. Трубин объединил следственные группы Прокуратуры СССР и РСФСР в одну. Ее руководителем был назначен заместитель Генерального прокурора России Е. Лисов, его заместителем – сотрудник Прокуратуры СССР А. Фролов.

Сразу же после обнародования горбачевских указов в дачном поселке одна за одной зашуршали шины машины. Высокопоставленные начальники начали собирать манатки. Драмы разыгрывались прямо на глазах. Многие жили здесь не один десяток лет, за это время накопилось много вещей. Ни в багажник, ни тем более в салон «Волги» они не помещались. Водители блестящих лимузинов подлили масла в огонь, предъявив счета к оплате наличными за пробег машин.

– Все, товарищи хорошие. Бесплатным бывает только сыр. И то, если он в мышеловке. Гоните монету...

Начальники и их жены возмущались, некоторые звонили в гараж. Что это за наглость – требовать оплату? Никогда такого не было. Диспетчеры, знавшие их по имени-отчеству, растерянно отвечали:

– Ничего не знаем, такая установка руководства. Велено обслуживать только за наличный расчет. Гараж арестован, выходящие машины обыскиваются...

Выход все же был найден. У каждого имелись родственники – кто с «Нивой», кто со старой «Волгой»-пикапом. Дачный поселок вскоре был запружен частными автомобилями самых разных марок. В них грузилась домашняя утварь, запасы продуктов. Лаяли собаки, мяукали кошки – им предстоял переезд на городские квартиры. Кончалось привольное загородное житье.

С насиженных теплых мест повылезали древние старухи, какие-то старики в габардиновых китайских плащах – писк моды казенного благополучия начала пятидесятых годов. Раньше все эти люди рассасывались по дачам, терялись среди зарослей и деревьев. А теперь вдруг высыпали на дорогу к подъехавшим машинам.

Конечно, преклонный возраст никого еще красавцем не делал. Но прожитые годы некоторым придают мудрый, добрый облик. Вот именно – некоторым... И все же старые люди – обуза. Можно себе представить, сколько неудобств создадут они, когда переедут в городские квартиры. Удобно было жить престарелым предкам на дачах цековского поселка!

На служебной черной «Волге» носился растерянный директор дачного комплекса. К массовому отъезду он не был готов, не имел представления, что будет с «Успенкой». Бывшие могущественные начальники отводили глаза. Им было ясно, что дачи непременно отберут. Значит, надо спасать имущество.

Где-то к вечеру поддались массовой панике и мы. Зловещие слухи расползались по дачному поселку. Расплатившись за летние месяцы (кстати, проживание в красивом голубом домике обошлось нам в приличную сумму), я вызвал машину. Диспетчер предупредила: за наличный расчет. Новостью это уже не было.

Начали собираться. Посуда, одежда, обувь. Все вместилось в две картонные коробки. А вот что делать с ворохом газет, журналов, книг? Коробок больше нет. Решили загрузить их в багажник прямо так, не упаковывая.

Шофер, наблюдавший за нашими ходками, потешался:

– Ну и пассажиры попались. Другие увозят видеоаппаратуру, кассетники, ящики с консервами, а эти – старые газеты. Есть все-таки чудики в ЦК! Да кому они нужны, ваши газеты?

– Для нас это богатство. Пожалуйста, досье по всем темам. Уникальный систематизированный материал. А картотека? Да ей цены нет...

В ответ водитель скептически улыбался. Он-то насмотрелся за свою жизнь на хобби цековских сановников!

Пройдет всего семь месяцев, и в марте 1992 года российский президент Борис Ельцин, въехавший в Кремль на волне борьбы с привилегиями партгосноменклатуры, подпишет снабженное грифом «Совершенно секретно» распоряжение за номером 121-рп. Оно состоит из одной-единственной фразы. Завершается фраза так: «...объекты, указанные в приложении, находятся в хозяйственном ведении Администрации Президента Российской Федерации с учетом их назначения и разгосударствлению или приватизации не подлежат».

«Не подлежат» – значит, финансируются из госбюджета. То есть из тощих кошельков российских налогоплательщиков, которых Борис Ельцин в свое время сплотил под знаменами борьбы с привилегиями партгосноменклатуры.

Привожу приложение полностью, чтобы было ясно, какие объекты перешли в пользование новой номенклатуры. Пусть читатель сам оценит степень жадности новой чиновничьей рати. Старая-то хоть что-то строила. А эта только отбирать умела.

1. Ясли-сад № 1, Москва, Профсоюзная ул., д. 45, корп. 2.

2. Детский сад-ясли № 35 подсобного хозяйства «Воскресенское», Московская область, Ленинский район, п. о. Воскресенское.

3. Ясли-сад № 40 дома отдыха «Сенеж», Московская область, г. Солнечногорск, п. о. Сенеж.
4. Ясли-сад № 223, Московская область, г. Троицк-1.
5. Ясли-сад № 838, Москва, ул. Давыдовская, д. 1.
6. Ясли-сад № 1387, Москва, Никоновский переулок, д. 5.
7. Детский дом отдыха «Непечино», Московская область, Коломенский район, п. о. Непечино.
8. Санаторий и дом отдыха «Десна», Московская область, Ленинский район, п. о. Десна-1.
9. Санаторий «Янтарный берег», Латвийская Республика, г. Юрмала, ул. Звиню, д. 2.
10. Дом отдыха «Архангельское», Московская область, Ленинский район, п. о. Воскресенское.
11. Дом отдыха «Воскресенское», Московская область, Ленинский район, п. о. Воскресенское.
12. Дом отдыха «Звенигород», Московская область, Одинцовский район, п. о. Введенское.
13. Дом отдыха «Клязьма», Московская область, станция Клязьма, ул. Грановского, д.3.
14. Дом отдыха «Нагорное», Московская область, Химкинский район, п. о. Новогорск.
15. Дом отдыха «Ока», Московская область, г. Озеры, п. о. Тарбушево.
16. Дом отдыха «Сенеж», Московская область, г. Солнечногорск.
17. Дачи «Горки-Х», Московская область, Одинцовский район, Горки-Х.
18. Дом отдыха «Успенское», Московская область, Одинцовский район, п. о. Усово.
19. Оздоровительно-производственный комплекс «Бор», Московская область, Домодедовский район, п. о. Одинцово-Вахромеево.
20. Оздоровительный комплекс «Сосны», Московская область, Одинцовский район, п. о. Успенское, пос. Сосны.
21. Оздоровительный комплекс «Жуковка», Московская область, Одинцовский район, п. о. Усово.
22. Пансионат «Поляны», Московская область, Одинцовский район, п. о. Поречье.
23. Дачное хозяйство «Кратово», Московская область, Раменский район, пос. Кратово.
24. Дачное хозяйство «Подмосковное», Москва, Никитников переулок, д. 2.
25. Дачное хозяйство «Серебряный бор», Москва, улица Таманская, д. 38.
26. Агропромышленное объединение «Назарьево», Московская область, Одинцовский район, п. о. Назарьево.
27. Гостиница «Золотое кольцо», Москва, улица Смоленская, д. 5.
28. Гостиничный комплекс «Президент-отель», Москва, улица Димитрова, д. 24.
29. Поликлиника, Москва, улица Плющиха, д. 14.
30. Аптека, Москва, улица Плющиха, д. 14.
31. Механическая прачечная, Москва, улица Серафимовича, д.2.
32. Проектно-промышленное строительное объединение, Московская область, Красногорский район, пос. Архангельское.
33. Складское хозяйство «Внуково», Московская область, Одинцовский район (27 км Минского шоссе).

Все перечисленные выше объекты ранее принадлежали Управлению делами ЦК КПСС. Но это лишь малая толика недвижимости, беззастенчиво присвоенная новой номенклатурой, отобранная у 18 миллионов собственников, на чьи средства строились в свое время эти объекты. Рвавшие к власти демократы обещали народу вернуть ему партийную собственность – санатории, дома отдыха, больницы, детские сады, распустить гэбэшную

охрану зданий ЦК, допустить в них всех, кто приезжает в Москву со своими жалобами и просьбами.

Прошло всего семь месяцев. Что произошло с детскими садами, санаториями и дачными поселками, известно из распоряжения борца номер один с привилегиями аппарата. В Москве был передан городу лишь один-единственный объект – детский сад, ранее принадлежавший партаппарату. Во всех остальных поселились новые номенклатурщики. Получается, они старались не для народа, а исключительно для себя.

Комплекс зданий на Старой площади снова охраняло Главное управление охраны – те же краснощекие молодые прапорщики. Рядовому гражданину попасть на прием в правительственные учреждения невозможно. Сохранились все прежние привилегии для чиновников: абонементы в театры и кино, круглосуточное обслуживание легковыми автомобилями, включая доставку членов семей на загородные дачи и обратно в Москву, списки дефицитных книг, продуктовые заказы. Новые власти даже городскими прачечными брезговали пользоваться – получили свою, отдельную от народа, именем которого они так виртуозно манипулировали.

Все оставалось по-прежнему. Только вот рыла, едущие в черных лимузинах в спецаптеки и в спецмагазины, становились все более кувшинными, а бывшие мелкие клерки разжирели и приосанились. Народ, ждавший своего куска от партийного пирога, в итоге получил шиш. Без масла, конечно.

В отделе организации специальных полетов департамента воздушного транспорта Министерства транспорта России сообщили: в распоряжении президента Ельцина несколько авиалайнеров. Среди них два Ил-62, два Ту-154, по одному Ту-134 и Як-40. Кроме того, к вылету всегда были готовы два вертолета Ми-8.

Целый авиаотряд! Но и этого мало – в 1992 году в Казани изготовили новый вертолет для российского президента. Создан он был на базе модели Ми-8 специальным коллективом московских конструкторов. Новый вертолет выполнен в салонном варианте с улучшенной внутренней отделкой. Ранее такую машину делали для Горбачева. Но разве Ельцин мог согласиться на подержанную модель?

Буквально с первых дней прихода Ельцина к власти Россия стала настоящим раем для мошенников.

«Я знаю примерно 100 человек, у которых есть не менее 10 миллионов долларов. Это их собственные деньги, – сказал в начале весны 1992 года корреспонденту газеты «Вашингтон пост» один из известных российских банкиров. – В Москве примерно 1000 долларовых миллионеров и еще 1000 во всей остальной стране».

Из этой же газеты: «По оценкам Международного института финансов, известной нью-йоркской банковской аналитической фирмы, в 1991 и 1992 годах утечка капитала из России составила 17 миллиардов долларов, которые не вернулись в Россию».

Из выступления Генерального прокурора России (1992 год): «Прокуратурой опротестованы сотни сделок в государственных и коммерческих структурах, связанных с приватизацией. В руки чиновников попали нити распределения, открывающие простор для махинаций с землей, приватизируемыми объектами и пр.».

А как стали жить рядовые москвичи? Весной 1992 года на месяц им полагалось... 92 грамма полукопченой колбасы. 6 тысяч 200 рублей составила в январе 1992 года, по данным Мосгоркомстата, минимально допустимая продуктовая корзина на одного человека.

Состоял этот набор из 19 основных продуктов питания. Взрослому москвичу на месяц было положено: вареной колбасы – 183 грамма, сыра – 167 граммов, полукопченой колбасы – 92 грамма, сигарет – 8 пачек.

В российской столице уже весной 1992 года было 43 категории населения, пользовавшихся бесплатным проездом в подземном транспорте. В число льготников были зачислены

члены Конституционного суда и иные судьи, работники прокуратуры и милиции, государственные служащие и помощники депутатов. То есть самые «бедные» люди Отечества.

Только в метро ежедневно проезжали 7–8 миллионов льготных пассажиров. Надо ли разъяснять, что их проезд оплачивался из кошельков рядовых налогоплательщиков?

Привилегии для новой номенклатуры включают бесплатное медицинское обслуживание в лучших больницах, отдых в заповедниках и санаториях, которыми в свое время пользовалась советская элита, доступ в закрытые магазины, специальные номерные знаки автомобилей и даже особое обслуживание в столовых, в которых столы, обслуживание, продукты и даже сервировка разные, в зависимости от ранга.

Такого номенклатурного пиршества не было даже во времена Брежнева. Система закрытых распределителей, кремлевских пайков и халявных санаториев, которую грозил закрыть Ельцин – и тем был люб народу, – ничто по сравнению с привилегиями, которые получили власть предержащие при Ельцине. Даже заповедные лесные массивы вокруг Москвы втихую растаскивались под дачи для высших чиновников, в том числе администрации президента. Кремль ломал отчаянное сопротивление лесников и ученых-экологов, голос которых звучал все слабее и слабее.

Государственные заповедники – огромные закрытые территории с лесами и озерами, где Брежнев и другие советские руководители принимали своих друзей и приезжавших в страну высокопоставленных иностранцев, которые могли там рыбачить и охотиться на медведей, – были закрыты в период первой волны демократизации. А потом их без лишнего шума открыли, но только для правительственной элиты. Бюджет заповедников и прочих увеселительных мест держится в секрете.

Уточнение 2001 года. В ведении Управления делами Президента РФ находятся Кремль, Дом правительства и еще свыше 300 офисных зданий в Москве общей площадью 3 миллиона квадратных метров, три гостиницы, 4000 дач и 18 дачных комплексов в Подмоскowie, около 100 санаториев и пансионатов, 715 объектов недвижимости в 78 странах. Управление имеет 7 автобаз (5000 легковых машин плюс санитарные, грузовые автомобили и автобусы), авиакомпанию «Россия» и 67 самолетов, теплоход, две президентские яхты. Управделами принадлежат несколько медицинских комплексов, специализированных ателье, химчисток и пищевых комбинатов. Вместе с компанией «Де Бирс» Управление делами является соучредителем фирмы «Согласие», созданной для разработки Ломоносовского месторождения алмазов под Архангельском. В управлении и учрежденных им унитарных предприятиях работают 120 тысяч человек.

Никто из простых смертных не знает, сколько стоит эта обслуживающая новую номенклатуру хозяйственная суперимперия. Когда ею управлял небезызвестный Павел Бородин, в разное время он называл и 400, и 600 млрд долларов. Это значит, нет в России компании крупнее УД президента. Знаменитому и богатому «Газпрому» еще расти и расти до уровня Управделами.

120 тысяч человек обслуживают 12 тысяч служащих федеральных органов власти – десять работников приходится на одного барина. Такого не было в Советском Союзе. Аппетиты гигантской супермонополии росли с каждым годом. Владимир Кожин, новый управляющий делами нового Президента России Владимира Путина, объявил о начале строительства на Красной площади торгово-музейно-гостиничного комплекса. Вышел указ президента о переводе под контроль Управления делами заграничной собственности России – а это еще 250 миллиардов долларов на баланс УД. Так что с уходом легендарного Пал Палыча Бородина кремлевский бизнес совсем не захирел!

При «Павле-ключнике», как называли Бородина за глаза в Кремле, УД превратилось в подсобное хозяйство бюрократии, «номенклатурный огород», с которого новые хозяева России подкармливали власть предержащих за неимением достойной зарплаты и в силу скудо-

сти возглавляемой ими госказны. Но ведь огород-то не частный, а государственный! Ну и что, если УД зарабатывает на эксплуатации госсобственности? Ну и что, если в бюджете не предусмотрено, но все равно выплачивается?

И десять лет спустя после отмены советской власти не было никаких законов, регламентирующих предоставление чиновникам квартир, дач, персональных автомобилей с мигалками, льготных путевок в элитные санатории. Все зависело от тех, кто стоит «на раздаче». Как при коммунистах, когда допуск или не допуск номенклатуры к «кормушке» был сильнейшим рычагом власти.

Управление делами президента – могучее политическое ведомство, наделенное Ельциным статусом самостоятельного государственного органа, является монополистом по оказанию номенклатурных услуг.

Впрочем, удивляться здесь нечему – и в условиях победившей демократии сознание властей все равно определяется бытием.

Глава 3. Старая площадь. 26 августа 1991 года

В понедельник, 26 августа, я проснулся в своей квартире, как всегда, в семь утра. Вскочил с постели – и вспомнил, что спешить некуда. На работу идти не надо. Это не укладывалось в голове. Здания ЦК опечатаны. В них никого не пропускают. Правда, вроде разрешат в один из дней забрать личные вещи, оставшиеся в кабинетах.

И точно – разрешили. Нашему отделу выпало прийти за вещами через неделю, в субботу. Время – с двенадцати до двух.

С вещами я подвергся тщательному контролю. Двойному. Сначала на выходе из шестого подъезда. Потом – на выходе со двора. Проверяли каждый листок бумаги, особенно если он отпечатан на машинке. А у меня рукописи книг, дневниковые записи, заготовки на отдельных листках. Молодые курсанты школы милиции с короткоствольными автоматами ничего в этом не смыслили. При слове «архив» настораживались, изымали все, что им представлялось подозрительным. Архив ЦК, по их пониманию, это три странички текста, отпечатанные на машинке, притом большими буквами, где сказана вся правда, которую скрывали от народа.

Кстати, забегаю вперед, скажу, что это распространенное заблуждение. У большинства людей примитивное, упрощенное представление об архивах ЦК. В начале октября в подземном переходе на Пушкинской площади меня остановил плутоватого вида гражданин и полушепотом спросил:

– Архив Кручины не желаете приобрести? Очень дешево стоит – всего пятьдесят рублей. Ксерокс. Но с оригинала. Уверяю вас...

Любопытство взяло верх, и я попросил показать товар. Я ведь лично знал Николая Ефимовича, был с ним в добрых отношениях, при встречах на заседаниях Секретариата всегда здоровались за руку, обменивались новостями. Летом вел его пресс-конференцию, которую показывали в программе «Время».

Почувствовав заинтересованность клиента, продавец уникального документа добавил: – Плюс пятерка за риск. В качестве президентского налога.

«Архив» Кручины представлял три странички машинописного текста, отпечатанный заглавными буквами. Содержание: Компартии США – 30 миллионов долларов... Вклад КПСС в швейцарских банках – 207 миллиардов долларов... Стоимость золота партии – 800 миллиардов долларов... Доход от коммерческой деятельности КПСС за рубежом – 300 миллионов долларов в год... Расходы на гардероб Раисы Максимовны – нет, рука не поднимается воспроизвести астрономическую сумму, от которой соотечественницы сразу упали бы в обморок.

Именно таким должен был выглядеть архив Кручины в представлении лопухов: не более трех страниц и непременно отпечатанный на машинке в обобщенном виде, да еще заглавным шрифтом. Чтобы легче читать было.

В том, что передо мною подделка, не было сомнений. Я молча возвратил продавцу товар. Это ни в коей мере не смутило его.

– А дневничок Пуго не желаете приобрести? Вся правда о путче: как готовился, кто участвовал. Тоже недорого. Достоверность гарантирую. Из надежных источников – при обыске в квартире Бориса Карловича изъяли.

И тут произошло нечто непредвиденное. В переходе показался еще один продавец, который, в отличие от моего, вел себя шумно и напористо:

– Архив Кручины! Покупайте архив Кручины! Совершенно секретные сведения о финансовых махинациях КПСС!

В руках у давно не бритой личности – листки бумаги. Его мгновенно окружили прохожие. Оставив своего незадачливого продавца, подошел к его конкуренту и я. Архив Кручины здесь стоил всего червонец. И вмещался на одной страничке писчей бумаги. Самое невероятное – покупатели находились. Да еще сколько!

На обратном пути, примерно часа через два, в этом же переходе меня снова остановил вкрадчивый голос интеллигентного на вид гражданина:

– Архивом Кручины не интересуетесь? Совершенно секретные материалы. Могу предложить...

Поборов брезгливость, я взглянул на протянутый мне текст. Этот вариант состоял уже из пяти страничек. И опять тот же перечень статей расходов: наряды Раисы Максимовны, стоимость партийного золота, хранящегося в зарубежных банках, и прочие тайны. Пока я шел до станции метро «Пушкинская», мне еще три раза предлагали архивы бывшего управляющего делами ЦК КПСС.

Я подсчитал: только в тот день в разных точках Москвы мне предлагали шесть разных архивов Кручины, три варианта дневника Пуго, два варианта телефонного разговора маршала Ахромеева с Горбачевым, после которого маршал покончил жизнь самоубийством. Но верхом виртуозности и изобретательности стали списки лиц, которых ГКЧП якобы намеревался арестовать с последующим физическим устранением. Некие предприимчивые молодые люди звонили известным в сфере бизнеса деятелям и вежливо интересовались, не хотели бы они видеть свою фамилию в подготовленных путчистами списках лиц, подлежащих расстрелу. Бизнесменов сразу осеяло, какую выгоду это им сулит. Включение в список стоило сущий пустяк – пятнадцать тысяч рублей.

Изготовители фальшивок переусердствовали: скрепили списки поддельными печатями КГБ и МВД. По некоторым подсчетам, подобных списков ходило по Москве несколько десятков, а фамилий в них было около трех тысяч. И каждый из бизнесменов рассчитывал на режим особого благоприствования от новых властей. Вот только закавыка с печатями вышла. Что поделать, сработала многолетняя установка: бумажке, не заверенной печатью, веры нет.

У меня не было претензий к ребятам из российской милиции. Откуда им знать, что архив – это не три странички, отпечатанные прописными буквами, в которых вся правда, а многие тысячи, десятки и сотни тысяч страниц самых разнообразных документов, стенограмм, справок, перелопатив которые иной раз выудишь лишь три строки, подтверждающие или опровергающие ту или иную версию. Эти симпатичные белобрысые курсанты тоже подверглись массовому ослеплению, как и все общество. Впрочем, в некорректности их не упрекнешь. Действовали они вполне грамотно, хотя, конечно, не всегда квалифицированно. Но ведь они и не специалисты по архивам!

Другое дело, насколько правомерен был личный досмотр работников ЦК. Правда, до выворачивания карманов дело не доходило, но все покидавшие здания обязаны были показывать содержимое портфелей, «дипломатов», папок. Исключений не было ни для кого. Я видел томившихся в очереди к досмотровым стойкам заведующих отделами ЦК.

По прежним меркам – невиданная картина! Хотя что там заведующие отделами. На моих глазах в хвост очереди на досмотр пристроился человек с рубиновым значком народного депутата СССР. В его руках была одна-единственная папка, и он покорно ждал, чтобы открыть ее перед милицейским сержантом. Этот человек, похоже, забыл о своем депутатском иммунитете. А ведь речь идет о члене Политбюро ЦК КПСС и недавнем первом секретаре ЦК компартии одной из среднеазиатских республик. Подав в отставку с поста руководителя республиканской парторганизации, он, будучи членом Политбюро, возвратился в Москву и был утвержден... консультантом одного из отделов ЦК. Такого не помнили даже

старожилы ЦК – члены Политбюро консультантами в отделах никогда до того не работали. При Горбачеве все смешалось в цековском доме.

Люди проявляются чаще всего в экстремальных ситуациях. Глядя на растерянного, потухшего члена Политбюро, на поспешность, с которой он расстегивал молнии своей коричневой папки перед розовощеким мальчишкой-милиционером, невольно подумалось: кто бы осмелился досматривать его, народного депутата СССР, тем более что вещей у него, кроме этой одной-единственной папки, не было. Мало ли куда следует по своим делам представитель высшего законодательного органа страны!

А вот смотрите, сработал-таки генный инстинкт слепого послушания, привитый многолетней службой в партийном аппарате. В 1985 году он уехал отсюда, из шестого подъезда, в Среднюю Азию, будучи малозаметным функционером отдела организационно-партийной работы. Видно, в душе им и остался, несмотря на причастность к высшим органам партийной и государственной власти. Неужели крах партийного аппарата был предопределен и закономерен?

На такую мысль наводили и другие увиденные в тот день картинки. Честное слово, иные технические работники вели себя более достойно и независимо, нежели некоторые именитые цековские сановники. Иногда я не верил своим глазам. Неужели все это происходит со вчерашними хозяевами недоступных кабинетов? Там они держались совсем по-иному. Уверенно, с чувством собственного превосходства. Ах, начальнички вы наши родимые, если бы вы взглянули на себя в тот момент со стороны...

Несколько дней, сидя дома, разбирал вынесенные из рабочего кабинета бумаги. Долго примеривался, куда бы их пристроить. Это оказалось делом непростым. Все полки и шкафы и без того до отказа заполнены старыми газетами и журналами.

Изредка перезванивался с коллегами. Все сидят по домам. Что будут делать дальше – никакого представления.

Время от времени раздавались звонки от журналистов, чаще всего от зарубежных. С ними у меня хорошие отношения, часто встречались в нашем офисе пресс-центра в гостинице «Октябрьская», что на улице Димитрова, а также в моем цековском кабинете. Нередко они приглашали меня в свои корпункты, в посольства, а то и к себе домой. Многие были и у меня в гостях, знали мою семью.

Кто сейчас руководит Центральным Комитетом, спрашивали они. Собирается ли Политбюро, Секретариат ЦК? С кем я поддерживаю связь? Что могу сказать о самоубийствах маршала Ахромеева, управляющего делами ЦК Кручины?

Фактически все нити управления партийными делами находились в руках члена Политбюро, секретаря ЦК Петра Лучинского. Заместитель Генерального секретаря Владимир Ивашко болен. Лучинский стал, по сути, вторым лицом в партии, деятельность которой приостановлена. Горбачев, как известно, свои полномочия генсека сложил. Лучинскому отведен небольшой кабинет в одном из зданий на Старой площади. Нет, не в первом подъезде, где прежде сидели секретари ЦК, а в пятом, вместе с хозяйственными службами Управления делами ЦК. Примерно через месяц Лучинский и другие секретари перебрались в девятый подъезд. Там же обосновались и остатки аппарата ЦК российской Компартии во главе с Купцовым и Ильиным.

Часто задавали вопрос: опечатан ли кабинет Горбачева?

Я ссылался на информацию коменданта зданий на Старой площади Александра Колесникова: да, кабинет бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, расположенный в подъезде номер один, на пятом этаже, действительно опечатан. К цековским зданиям проявлялся большой интерес. Иногда комендатура, уступая настойчивым просьбам иностранных и советских журналистов, проводила для них экскурсии.

Как вели себя коллеги в святая святых высшей партийной власти? По-разному. Наибольшей корректностью отличались зарубежные корреспонденты. Немало наслышавшись о бесцеремонности и развязности забугорной пишущей и снимающей братии, сотрудники комендатуры имели возможность сравнить их поведение с поведением своих соотечественников.

Рекорд невоспитанности, граничащей с цинизмом, ставят, как ни странно, женщины. Особенно неприятный осадок остался от посещения представительницы еженедельника «Союз». Видавшие виды работники комендатуры были потрясены: грузная дама, войдя в кабинет покончившего самоубийством управляющего делами ЦК КПСС Кручины, как ни в чем не бывало взгромоздилась в его кресло и потребовала, чтобы сопровождавший фотокорреспондент запечатлел ее на память. Затем перебрала все трубки телефонов и, найдя включенный городской, позвонила к себе домой и прерывающимся от восторга голосом сообщила, откуда она звонит.

На этом дама не остановилась. Большое удовольствие доставило ей открыть ящики письменного стола трагично ушедшего из жизни человека, тщательно перелистать календарь с пометками и записями, телефонные справочники с фамилиями знакомых Кручины. Столь же кошунственно вела она себя и в комнате отдыха, в которую проследовала после освоения кабинета. Обнаружив отечественный одеколон «Эллада», отечественную зубную пасту и отечественные зубные щетки, разочарованно соорудила брезгливую гримаску: при его-то возможностях – и такая дешевка?

Тут уж и работникам комендатуры стало не по себе...

Что еще узнавали работники прессы из экскурсий? Что кабинет Горбачева на Старой площади скорее всего займет Силаев (Горбачеву хватит и кремлевского!), что в цековских кабинетах, в которых уже прошла инвентаризация, сняты портреты Ленина. Они сданы на склад, и, поскольку материальной ценности не представляют, акты на списание не составляются. Другое дело – рамы от портретов. Вот они в имуществе числятся, их сдают под расписку.

Из здания журналистов провожал начальник службы муниципальной безопасности Алексей Веденкин. Пройдет несколько лет, и его именем демократические средства массовой информации начнут пугать россиян, требовать над ним суда.

Тогда же его кабинет размещался в пятом подъезде, в комнате номер 410. Начальнику новой службы – всего 26 лет. Он был очень уверен в себе:

– Думаю, за год мы одолеем преступность в городе. Наша служба новая, и действовать мы будем по-новому.

Из разговора выяснилось, что в муниципальной службе безопасности установлена норма: преступление должно быть раскрыто за 24 часа. Многоопытные журналисты изумленно качали головами – такие темпы не снились даже чекистам Дзержинского на заре их революционной деятельности!

Перед моими глазами по-прежнему стоит опечатанный кабинет Горбачева. Белая полоска бумаги поперек дверных затворов – словно флаг капитуляции. Выиграл он или проиграл во время своего затворничества в Форосе? Наверное, все-таки проиграл, потому что вернулся совсем в другую страну – страну Ельцина. Ельцин потребовал опечатать здания КПСС, и Горбачев безропотно выполнил это требование. Не стал исключением и кабинет генсека.

ЦК – это двадцать четыре здания общей площадью 170 000 квадратных метров, где размещалось более трех тысяч человек.

Интересно, кто все-таки сядет в кресло Горбачева? Рассказывали, что в это коричневое, хорошей кожи кресло Генерального секретаря первым уселся клерк из хозчасти ЦК. Он

добросовестно отработал здесь несколько смен. Работал как... испытатель: а годится ли это место для первого лица в государстве? Нет ли сквозняков от мощной вентиляции?

Помню, как удивился я, когда впервые подошел к дверям этого кабинета. Вопреки ожиданию, вместо цифры «1» красовалась цифра «6». Внутри «святая святых» – просторный холл с телефонным пультом. За рабочим кабинетом – комната для отдыха. Отдельный лифт. Глухие ковры. Посередине – прямоугольная полянка чистого паркета, на которую старались не наступить, чтобы не оставить ненароком след от подошвы.

С дверей у входа в спецбуфет кто-то отвинтил тяжелую, наверное, литую ручку. Остались две дырочки от шурупов, словно следы от пуль августовской заварухи.

Общее впечатление такое, будто здесь только что была объявлена внезапная эвакуация. В кабинетах беспорядок, столы завалены бумагами, документами, которые не успели пропустить через измельчающую машину. На некоторых кабинетах пломбы сорваны. Наверное, искали золотые канделябры, о которых ходило столько слухов. Представляю разочарование, которое охватывало мародеров при виде скромной обстановки цековских кабинетов.

...Шумит многоцветный Арбат. Куда-то исчезли многочисленные матрешки-Горбачевы. Всюду матрешки-Ельцины. Арбатские предприниматели первыми уловили изменившуюся политическую конъюнктуру. Матрешек-Горбачевых больше не производят.

Документ для истории

Это интервью по горячим следам событий опубликовала белорусская правительственная газета «Республика». Воспроизвожу его полностью, без каких бы то ни было поправок на время.

Документу предпослан редакционный врез. Вот он: «Наш корреспондент встретился с заместителем руководителя пресс-центра ЦК КПСС Н.А. Зеньковичем. Поскольку здания на Старой площади опечатаны, беседа проходила в квартире представителя некогда могущественной организации».

– Николай Александрович, кто сейчас руководит Центральным Комитетом партии? Собираются ли Политбюро, Секретариат ЦК? С кем вы поддерживаете связь?

– Фактически все нити управления партийными делами находятся в руках члена Политбюро, секретаря ЦК Петра Кирилловича Лучинского. Заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС Владимир Антонович Ивашко болен. Лучинский, по сути, является вторым лицом в КПСС. Ему отведен небольшой кабинет в одном из зданий на Старой площади. Нет, не в престижном первом подъезде, где прежде сидели секретари ЦК. Если быть точным – во второсортном пятом подъезде, где находились хозяйственные службы, обслуживавшие ответственных работников.

О заседаниях Политбюро и Секретариата мне ничего не известно. Во всяком случае, приглашений я не получал. Хотя последний год, после XXVIII съезда партии, присутствовал на всех заседаниях Политбюро и Секретариата. Меня только проинформировали, что 30 августа Секретариатом ЦК создана ликвидационная комиссия, которую возглавляет Петр Лучинский. У меня есть его рабочий и домашний телефоны. Связь поддерживаю непосредственно с ним, а также с его помощниками. Ну и с заведующими основными отделами ЦК – идеологическим, гуманитарным, национальной политики.

– Чем занимается ликвидационная комиссия?

– В основном присутствует при инвентаризации партийного имущества, которую проводят представители российских властей. Завершить инвентаризацию предполагается к 20 сентября. В соответствии с распоряжением управляющего делами российского Совмина работают три комиссии по инвентаризации и приемке: всего имущества ЦК КПСС, лечебно-оздоровительных учреждений ЦК КПСС и специальных объектов, принадлежащих партии.

Все комиссии расположились в зданиях на Старой площади. Там же находится и специальная следственная группа, ведущая дело по поводу событий 19–21 августа.

– **Кому будет передан комплекс зданий, в которых прежде размещался аппарат ЦК КПСС?**

– Сегодня я был там и уже видел вывеску «Министерство иностранных дел РСФСР» у входа в третий подъезд, где раньше размещался международный отдел ЦК. В других зданиях разместятся отделы и референтура Совета Министров России.

– **Николай Александрович, не могли бы вы коротко сказать о будущем КПСС?**

– У меня буквально раскалился телефон, звонят десятки иностранных журналистов, которые меня хорошо знают и обращаются с подобными вопросами. Вчера я имел беседу на эту тему с Петром Лучинским. Он сказал, что хорошо бы провести пленум ЦК, но неизвестно, дадут ли собраться его членам. Секретариат ЦК обратился по этому поводу к президентам СССР и РСФСР, но ответа пока нет. Лучинский обратил внимание, что в КПСС немало реформистских сил и течений и что им надо дать возможность организоваться. Петр Кириллович не исключает возможности роспуска прежней КПСС и образования оргкомитета для создания новой партии. В будущем она, возможно, вольется в Движение демократических реформ.

– **И вы считаете, что все коммунисты согласятся с точкой зрения второго лица в партии?**

– Конечно же, скорее всего нет. Сегодня с утра ко мне домой приехал один канадский журналист. Он располагает документом о том, что в стране формируется новая Коммунистическая партия. Образовано временное руководство. Началась регистрация членов. При нем я позвонил Лучинскому. Петру Кирилловичу об этом ничего не известно. Это какие-то силы, сказал он, с которыми мы не имеем ничего общего. Не исключаю, что это сторонники движения «Коммунистической инициативы», хотя ни одно из движений и платформ в КПСС с подобными официальными заявлениями не выступало. Вполне можно допустить, что какая-то часть коммунистов в нынешних условиях может предпринять неординарные действия. В печати уже сообщалось о нелегальном пленуме ЦК Компартии Украины. Если это действительно так, то не исключены и другие попытки.

– **Как лично вы восприняли случившееся? Куда намереваетесь податься? Как чувствуют себя ваши коллеги?**

– Я работаю с шестнадцати лет. Мой трудовой стаж – тридцать один год. Был рабочим, студентом, журналистом. Написал несколько книг. Любил менять профессию. На партийную работу привело любопытство. Я никогда не был бюрократом, функционером. Умудрялся всегда писать. Шесть лет работал в ЦК КПСС – и все шесть лет отпуск брал в зимнее время. Писал. Это была единственная возможность поработать на своей грядке. Привилегиями и льготами некогда было пользоваться.

– **Да, но у вас на Старой площади был просторный кабинет с кондишеном, вертушки, ВЧ, секретарь в приемной, служебная машина, дача...**

– (Смеется.) Да, было. Но это все представительские атрибуты. Знаете, сколько ко мне приходило в день иностранных журналистов? Не менее двух десятков. Надо было держать марку фирмы. Случившееся, конечно же, потрясло. Хотя, если откровенно, большой неожиданностью это не стало. Я уже говорил, что присутствовал на Политбюро и Секретариатах более года. Уровень обсуждения вопросов знаю не с чужих слов. Рано или поздно это все равно бы случилось. Другое дело, каким путем. Наверняка постепенно, плавно. Путч ускорила развязку. В результате полный паралич всех структур партийной власти. У многих моих коллег шок не проходит до сих пор. Они просто деморализованы. Никто не занимается их трудоустройством. А у них семьи, дети. Надо большое мужество, чтобы это пережить. Что

касается вашего покорного слуги, то всегда и при любых обстоятельствах я чувствую себя журналистом. А это значит – пишу историю современности. Творят-то ее другие...

– **Работников ЦК уже рассчитали?**

– Окончательного расчета ждем со дня на день. Сегодня вот выдали на руки учетные карточки членов КПСС. Никогда такого не было. Эти документы обычно пересылались спецсвязью в партийные комитеты по месту новой работы или жительства. Значит, все очень серьезно.

Странно, не правда ли, звучат слова «ликвидационная комиссия» применительно к такой казавшейся незыблемой и вечной организации, как Центральный Комитет? Увы, это реальность.

Никакой ясности. Ни одного сколько-нибудь определенного прогноза. Полнейшая растерянность, паралич мысли и действий. И – предельная осмотрительность в оценках. Помнится, как-то с утра ко мне домой приехал китайский журналист, представлявший в Москве ведущую коммунистическую газету. Он располагал сведениями о том, что в стране якобы формируется новая Коммунистическая партия. Образовано временное руководство. Началась регистрация членов. Что по этому поводу может сказать пресс-служба ЦК?

До китайского гостя у меня только что побывал канадец, который задавал аналогичные вопросы.

Пресс-служба тут же начала звонить секретарям. Все дружно заявляли, что им об этом ничего не известно.

Закончив серию звонков, я положил трубку на рычаг и выразительно посмотрел на китайского журналиста. Он хлопнул меня по плечу – то ли понимающе, то ли сочувствующе – и протянул банку пива. Честное слово, в тот момент мне от стыда захотелось выпить чего-нибудь покрепче.

Глава 4. Странные самоубийства

Пресса донимала меня расспросами о самоубийствах Ахромеева, Кручины и Пуго. Всех троих я знал хорошо, неоднократно организовывал их встречи с журналистами, вел пресс-конференции в гостинице «Октябрьская».

С маршалом Ахромеевым последний раз встречался в июне 1991 года, накануне 50-летия начала Великой Отечественной войны. Беседа проходила в комнате для почетных гостей пресс-центра. Сергей Федорович прибыл в точно условленное время вместе с адъютантом и лечащим врачом. От предложенного кофе, чая, а также прохладительных напитков отказался, сделав выразительный кивок в сторону врача: не разрешает – неладно с желудком.

До начала пресс-конференции оставалось минут двадцать, и Сергея Федоровича потянуло на воспоминания. Он знал, что я родом из Белоруссии. Длительное время маршал служил в моих родных местах. После войны командовал полком, дивизией, корпусом, армией. Подолгу жил в Бресте, Бобруйске, Барановичах, Борисове, Минске. С теплотой и нежностью вспоминал маршал годы юности, пролетевшие на Белорусской земле.

Стенограмма полуторачасовой встречи с советскими и иностранными журналистами передо мной. Сорок страниц машинописного текста. Снова и снова вчитываюсь в строки, пытаюсь найти ответы на мучающие не только прессу, но и меня лично вопросы, в чем причина нелепой смерти 68-летнего Маршала Советского Союза, советника Президента СССР? Подробности гибели ужасны. Он повесился в Кремле, в своем служебном кабинете, в субботу, 24 августа, около десяти часов утра. Обнаружили его только вечером, примерно в десять часов. То есть в петле он пробыл около двенадцати часов.

По Москве поползли слухи: замешан в путче. Если покончил самоубийством член ГКЧП Пуго, значит, причастен к попытке государственного переворота и повесившийся Ахромеев. Удивительна логика мышления обывателей!

Хоронили военного советника президента на «генеральском» Троекуровском кладбище. В последний путь маршала провожала жиденькая цепочка родных и близких. В немногочисленной траурной процессии двигался и я. Где-то на середине пути над кладбищем грохнул автоматный залп. Позже стало известно, что это боевые друзья прощались с только что погребенным на соседней аллее генерал-лейтенантом в отставке Великановым. Его провожали в последний путь как положено: с почетным караулом, военным оркестром, венками от Министерства обороны, прощальными речами официальных лиц. Советник Президента СССР, Герой Советского Союза и член Верховного Совета СССР маршал Ахромеев этих почестей не был удостоен.

А то, что произошло в ночь с первого на второе сентября и вовсе не укладывалось в голову. Кто-то надругался над могилой погребенного. Неизвестные злоумышленники раскопали захоронение и сняли с покойника маршальский мундир. То же было проделано и с похороненным ранее генерал-полковником Срединым. Исчезли маршальская и генеральская фуражки, которые обычно приколачивают к крышке гроба. Чем вызван акт вандализма? Политическими или меркантильными соображениями? Маршальский мундир пользовался особым спросом у коллекционеров и вполне мог обернуться гробокопателям в приличную сумму.

Обоих перезахоронили повторно – на этот раз в обычных темных костюмах.

Чем все же вызвано самоубийство военного советника Горбачева? К тому же способом, не типичным для военного человека, имеющего личное оружие?

В Прокуратуре РСФСР мне сказали, что и они находят это самоубийство странным, в отличие от самоубийств Пуго и Кручины, где многое более-менее ясно. Особенно с Кручиной.

Что же касается Ахромеева, то по Москве упорно циркулировали слухи, что это было замаскированное убийство. Однако на вопрос об этом первый заместитель министра обороны СССР – председатель Государственного комитета по оборонным вопросам генерал-полковник Павел Грачев сказал, что в причастности Ахромеева к путчу он сильно сомневается. Не надо разъяснять, кто такой Грачев. Именно он в роковые для демократии дни принял решение: десантники на штурм Белого дома не пойдут.

Московским журналистам удалось разговорить самого близкого Ахромееву человека – его жену Тамару Васильевну. Благодаря ей стали известны существенные подробности. В частности, и такие. В дни путча супруги в Москве отсутствовали, они отдыхали в санатории имени Фабрициуса в Сочи. Маршал находился в отпуске. В Москву он вернулся только 21 августа. Тамара Васильевна категорически отвергла слухи о том, что он якобы был связан с заговорщиками. Путч, по ее словам, для него был полнейшей неожиданностью.

О разговорах об инсценировке самоубийства ей известно, но по этому поводу она ничего сказать не может, поскольку не располагает никакими фактами. Она лишь знает, что после возвращения в Москву Сергей Федорович звонил Горбачеву. И что оставил предсмертную записку – не видит смысла жить, потому что рушится все то, строительству чего он посвятил свою жизнь.

Травля маршала, начатая еще при его жизни, не прекратилась и после смерти. Меня не покидало убеждение, что от Ахромеева отстанут еще не скоро. Мертвый маршал по-прежнему оставался опасным, и потому будут предприняты попытки развенчать ореол мученичества, чести и порядочности, ассоциирующийся с его именем. Из пресс-лакейского арсенала извлекут немало пошлостей, клеветы, досужих вымыслов, чтобы лишить привлекательности образ мученика-маршала, чтобы не дай бог он не стал для молодого офицерства своеобразным знаменем, символом верности воинскому и гражданскому долгу в дни смуты и массового предательства.

В ход пойдут самые изощренные приемы, противостоять которым некому. При жизни маршал сам блестяще отбивал нападки идейных противников, которых у него заметно прибавилось в пору парламентской и военно-исторической деятельности. О непримиримую позицию Ахромеева в вопросах недавнего прошлого страны разбивались все псевдонаучные концепции, авторы которых мечтали протащить в многотомный труд по истории Великой Отечественной войны капитулянтские идеи, унижающие и оскорбляющие советский народ и его армию.

Это было полной неожиданностью для тех, кто рассчитывал на мягкость, интеллигентность, покладистость маршала. В двадцать девятом у Сергея Федоровича «пропал» отец – семья мордовского крестьянина была довольно зажиточной. Именно на это обстоятельство сильно рассчитывали авторы десятитомника по истории последней большой войны, и особенно первого тома, в котором излагалась предвоенная обстановка в Советском Союзе. Надеялись: кто-кто, а уж сопредседатель главной редакционной комиссии, сын репрессированного землепашца согласится с изложенной в научном исследовании концепцией, согласно которой коллективизация и раскулачивание, наряду с индустриализацией, обессилили страну, в результате чего СССР оказался неподготовленным к войне с Германией.

Ученые мужи получили неожиданный отпор. Ахромеев написал разгромную рецензию, забраковав все 1911 страниц рукописи первого тома. О коллективизации и раскулачивании он сказал, что они, с его точки зрения, были исторически необходимы. Авторы пребывали в смятении: и это говорит сын «врага народа»? А отец, погибший где-то в ссылке, в

белом безмолвии тундры? Неужели «пепел Клааса» не вызывает к отмщению? Вот она, сыновья благодарность.

Надо отметить, маршал никогда не любил углубляться в собственную биографию, особенно на людях. Случай с арестом и ссылкой отца знали немногие, кому это было положено знать по должности. И тем не менее была организована утечка информации. В одном из независимых изданий, плодившихся после принятия закона о печати с невиданной быстротой, появилась публикация с таким вот пассажем в середине: «То есть хрен с ним, с родным отцом, если я, по милости его палачей, сделал такую карьеру!»

Маршал на одной из пресс-конференций популярно объяснил, в чем разница между обывательским и государственным мышлением. И заодно поведал собравшимся, что военным он стал случайно, а с юных лет мечтал об Институте философии и литературы. Но так получилось, что подал документы в Высшее военно-морское училище имени Фрунзе. Но это не значит, что литературный слог ему чужд, а сложные философские проблемы, включая вечный спор о добре и зле, – густые потемки. Журналисты имели возможность убедиться в этом, слушая прекрасно поставленную, в блистательные формы облеченную речь маршала. А та часть выступления, которая касалась отвода обвинения в неисполнении сыновнего долга, вызвала аплодисменты. Дружно рукоплескали даже невозмутимые, насмешливо-циничные западные корреспонденты.

Отдыхавшись после нокдауна, ученые мужи многократно пытались опротестовать мнение Ахромеева, ища поддержки у влиятельных лиц, занимавших просторные кабинеты. Немало энергии потратил, чтобы доказать в высоких инстанциях замшелость взглядов 68-летнего маршала, руководитель авторского коллектива генерал-полковник Д. Волкогонов. Пожалуй, самым весомым аргументом тогдашнего начальника Института военной истории был следующий: ни по своей армейской службе, ни по своему довоенному (Высшее военно-морское училище имени Фрунзе) и послевоенному (Академия бронетанковых войск, Академия Генерального штаба) образованию Ахромеев никогда не имел ни малейшего соприкосновения с исторической наукой. Разве что в школе любимым предметом была история.

В просторных кабинетах внимательно выслушивали, на шутку улыбались, потом спрашивали:

– А кто у вас председатель главной редакционной комиссии?

– Как кто? Министр обороны Язов.

– А он что думает?

Действительно, что думал Язов?

– Демократы, – сказал он после ознакомления с рукописью и обмена мнениями на заседании главной редакционной комиссии, – сейчас ставят целью подготовить и провести «Нюрнберг-2» над КПСС. В томе присутствуют концепции обвинительного заключения на этом процессе.

Коротко и по-солдатски прямо!

Мнение Ахромеева возобладало, получив высшую поддержку. Выше министра обороны был только президент. А в его военных советниках сторонник непоколебимого мнения о том, что книга никуда не годна и более того – вредна!

По команде «Вперед на гору через лед!» действуют простаки да слабоумные. Остальные придерживаются иной тактики.

Ну, не может быть, чтобы человек прожил 68 лет и у него не нашлось бы чего-нибудь такого-этакого. Особенно у того, кто занимал высокие посты. Искать, надо искать жареное... Непременно должно быть что-то еще, кроме репрессированного отца и сыновней неблагодарности. Этот сюжет уже отработан, он почву подготовил и семена сомнений посеял. Аналогий с Павликом Морозовым достаточно, главное, не перестараться, а то можно получить обратный эффект. Как это поляки говорят? «Цо задуже, то не здорово».

Поводов для нападок военный советник Горбачева давал предостаточно. В стане противников царила тихая радость – неговорчивый маршал то и дело подставлял бока. Били больно, по-русски, с придыханием.

В вопросах военной реформы Ахромеев занимал столь же ясную и однозначную позицию:

– Я глубоко убежден, наше государство не может иметь чисто профессиональную армию, где все служат по контракту, прежде всего по геополитическим и экономическим причинам.

Стан оппонентов разразился дружным воем. Вот он, советский Скалозуб, противник реформ, заостенелый консерватор и душитель свободы. Ату его, ату! Только ленивый не набрасывался на маршала. Как, восклицали демократы-парламентарии, разве опыт развитых стран Запада не показал: профессиональная армия не только более боеспособна, но и гораздо дешевле? Разве наши экономисты не доказывали это? Значит, маршал кривит душой?

«Кривит, кривит, – подхватывали независимые публицисты. – Профессиональная армия во всех странах вне политики. А у нас партийная верхушка и генералы – одна мафия, и цель у этой преступной группы сохранить военно-феодалную тиранию в стране. И маршал Ахромеев посвятил этой гнусной «цели» свою жизнь».

Приводили совсем уж «клинический» случай. Запомните, восклицал один из популярных в ту пору еженедельников, день 12 ноября 1989 года. Это «политический Сталинград» маршала Ахромеева.

Чем не угодил строптивый маршал на сей раз? Почему отравленные стрелы избрали именно эту дату – 12 ноября?

В тот день Верховный Совет СССР решал, включать или не включать в повестку дня II съезда народных депутатов вопрос об отмене шестой статьи Конституции, которой законодательно закреплялась руководящая роль КПСС в советском обществе. Народный депутат СССР Ахромеев голосовал против включения.

Впрочем, грудью на защиту партии он встал еще раньше. Оппоненты не без удовольствия цитировали его высказывание о том, что для него кроме начала войны в 1941 году и Чернобыля самым тяжелым был 1988 год, когда КПСС атаковали со всех сторон.

– Защищая партию, он защищает армию! – уличали маршала. – Связь партии с армией органична.

«Партийные вожди с их карательными органами, безумной, людоедской политикой, – писала одна из московских газет, – не продержались бы и одного дня, если бы не опирались на штыки одетых в военную форму манкуртов – идеологизированных идиотов с ружьем».

Ахромеев назывался одним из наставников и столпов этих идиотов. «В далеком от нас Средневековье, в королевской Франции, – просвещала своих читателей эта газета, – страной управлял не король, а кардинал Ришелье. Ну, тот самый, из «Трех мушкетеров» Александра Дюма. А при всевластном кардинале, держась в тени, был его секретарь, маленький, скромный монашек, который вертел, как хотел, своим шефом, и даже королем, за что современники и прозвали его «серым кардиналом». Ныне такую же примерно роль «серого» маршала исполняет при «президенте» СССР его военный советник Ахромеев. «Президент» хоть и главнокомандующий, но по чину – полковник, да и то липовый, никогда не служивший. А «полковнику» и по субординации положено не только прислушиваться к рекомендациям старшего по званию, но и тянуться перед маршалом «во фрунт»... Что наш президент и делает, если судить по результатам их совместной работы в области дел военных и близких к ним...»

Как видим, патронов не жалели. Били по самым уязвимым местам, рассчитывая на задетое самолюбие Горбачева. Вбить клин между президентом и его военным советником –

такая была сверхзадача. И тогда в окружении главы государства не останется никого, кто бы противостоял попыткам ослабить военную мощь страны.

Стрельба велась на поражение. Особая роль отводилась прессе. Газетным снайперам ставилась задача целиться точнее, бить наверняка. И они старались изо всех сил. Кампания по дискредитации несговорчивого маршала набирала силу со второй половины 1990 года.

Только с июля по декабрь того года в московских газетах появилось более сотни публикаций, в которых имя Ахромеева упоминалось в негативном плане. Такую информацию доложил автор этой книги Политбюро ЦК КПСС. Гамма красок чрезвычайно пестра: от откровенно черных, рассчитанных на примитивных читателей, до утонченно-многоцветных, на которые падка интеллигенция.

Представления о развернувшейся в прессе кампании, ставившей целью дискредитировать военного советника президента, дают две публикации, наиболее типичные, учитывающие разные социальные слои населения. Они полярны по тональности, но, как известно, крайности часто смыкаются.

Автор статьи в популярном перестроечном еженедельнике подкупает искренней постановкой вопроса: и все-таки для него остается загадкой, почему президент Михаил Горбачев выбрал себе в военные советники именно маршала Ахромеева. В середине декабря 1988 года газета «Красная звезда» неожиданно сообщила, что Ахромеев ушел в отставку с поста начальника Генерального штаба. Месяц спустя в интервью маршал объяснил суть дела: обязанности начальника Генштаба требуют ежедневно 14–15 часов работы.

– А мне, – с грустью констатировал Ахромеев, – 66 лет. Силы мои, как и любого человека, не беспредельны... Дело не только в возрасте, я прошел войну, несколько раз был ранен, контужен. Обратился с просьбой об освобождении от должности. Просьбу удовлетворили. Одновременно мне предоставили ответственную работу. За доверие глубоко благодарен. Буду стараться работать с пользой для дела.

Автора статьи больше всего интересовал вопрос: почему уход с вершины армейского Олимпа не поставил точку в карьере крестьянского сына из мордовского села Виндрей? В чем дело? В слепой ли благосклонности судьбы или в личной одаренности парня из Мордовии?

Мордовия, безусловно, благословенный край, прославленный громкими именами. Это и Николай Огарев, сподвижник и друг Александра Герцена, и адмирал Федор Ушаков, один из основателей Черноморского флота, и замечательный историк Василий Ключевский, и скульптор Степан Эрзя, которого называли русским Роденом. А теперь вот и Сергей Ахромеев...

Не отдать должное талантам маршала нельзя. Ведь не каждый курсант Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе, принявший боевое крещение в июле 1941 года под Ленинградом, стал маршалом. Не каждый офицер, закончивший войну комбатом, стал начальником Генерального штаба...

Розы, вокруг одни розы. Ну, а где же шипы? Вот они. Самое, пожалуй, загадочное в военной карьере Сергея Ахромеева, напускает туману многоопытный автор, то, что звание маршала он получил в 1983 году, будучи первым заместителем начальника Генерального штаба. Это не маршальская должность, и второго такого случая история советского Генштаба не знает.

Автору не дает покоя мысль: так что же все-таки привлекло президента Горбачева в маршале Ахромееве? Преклонный возраст, силы на исходе, и вдруг такой головокружительный взлет... Тщательному анализу подвергается Ахромеев-стратег, Ахромеев-историк, Ахромеев-человек. Выводы не в пользу нашего героя: консерватор, лукавый царедворец, не очень щепетильный в быту.

Ответа на главный вопрос, почему Горбачев остановил свой выбор на Ахромееве, нет. Собственно, он и не нужен. Нужно, чтобы об этом задумалась просвещенная публика, сама страдающая от своей не востребоваемости. Расчет достигает цели: такой публики на Руси хоть пруд пруди.

Публика попроще обойдется без интеллигентских всхлипов. Она любит лобовые ходы. Вот образчик публицистики для простонародья: «О личной жизни и карьере маршала Ахромеева известно мало. Звезд с неба он не хватал, войну с Германией закончил 23-летним комбатом. Таких в нашей стране – тысячи. Но из всех из них одному Ахромееву словно бабка наколдовала: именно в годы пресловутого «застоя» он делается первым заместителем начальника Генштаба и на этой не «маршальской» должности получает высшее в советской армии воинское звание. И вскоре становится начальником Генштаба.

В декабре 1988 года Ахромеев уходит в отставку с этого поста, и «президент» тотчас приглашает его на ответственный пост своего военного советника. Почему именно Ахромеева? Чем отставной вояка так понравился «президенту»? И какую роль Ахромеев играет в этом высоком качестве?»

Удивительная синхронность в постановке вопроса, не правда ли? С одной стороны, их поднимает респектабельное издание, любимая газета московских либералов. С другой – мало кому известный листок, только-только начавший выходить в свет и, кажется, уж несколько лет как благополучно почивший в бозе. И тем не менее странное, чуть ли не дословное совпадение аргументов, как будто они сочинялись в одном координирующем центре.

Это впечатление усиливается по мере углубления в текст другой публикации. «Будучи заместителем, а затем начальником Генштаба Советской Армии, Сергей Ахромеев, к счастью, ни одной войны не выиграл. Все «малые» войны, которыми ему пришлось по должности руководить через военных советников (а войн было много: в Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Никарагуа, Сальвадоре и пр. и пр.), Ахромеев «блистательно» проиграл, слава богу! Но самые тяжкие испытания выпали на долю Ахромеева как стратега в Афганистане и в Ираке. Такого позора, такого потрясающего крушения не испытывал даже герой известной песенки, помните – «Мальбрук в поход собрался, наелся кислых щей...» и т. д.

Вот я и думаю: чего хорошего и дельного может посоветовать «президенту» Мальбрук нашего, советского, происхождения? Впрочем, маршал не скрывает своих взглядов, он выступает с ними в прессе, с трибуны сессий Верховного Совета СССР как «народный» депутат и пр.».

Вот что раздражало оппонентов – взгляды Ахромеева! А что касается советского военного присутствия в ряде стран, то это, наверное, все же лучше, чем объявлять Московский военный округ прифронтовым: ведь за Смоленском уже иностранная держава – Беларусь. Да, ничем не восполнимы жертвы войны в Афганистане – знали газетеры, на чьи раны сыпать соль (вот он, человек, погубивший ваших сыновей в Афгане, ату его!), но число погибших за все годы пребывания Ограниченного советского военного контингента в Афганистане не идет ни в какое сравнение с потерями, которые понесли российские вооруженные силы в Чечне. Сколько убито, еще больше ранено и изувечено. И это – на своей территории!

Злостью и ненавистью к Ахромееву дышит каждая строка. «Отвечая на вопрос журналистов, как «президент» относится к военным вопросам, Ахромеев сказал: «Президент понимает, что такой организм, как вооруженные силы, является одним из важнейших в системе государства. Последние годы на многих конкретных примерах президент убеждался, что на наши вооруженные силы высшие органы государственной власти могут действительно положиться».

Процитировав этот фрагмент, автор публикации задается вопросом: какие же это конкретные примеры? И глубокомысленно просвещает нас, темных и неразумных: «Ну, тут

гадать не приходится: все кровавые преступления наших вояк против мирных людей – в Тбилиси, Баку, Вильнюсе, Азербайджане и пр. и пр.». Как будто Баку – это не Азербайджан! Ахромееву приписывается, что он якобы посоветовал Горбачеву «вывести 28 марта войска против митинговавших москвичей». Ну и, разумеется, к «подвигам» маршала относится разгром авторов первого тома многотомного труда «Великая Отечественная война советского народа». Как будто авторы разоблачительных публикаций читали этот самый пресловутый том. С чьего голоса они писали, ясно без комментариев.

Попытка вбить клин между президентом и его военным советником приобретала далеко не цивилизованные формы. Утверждалось, что полковник Горбачев «тянется во фронт» перед маршалом Ахромеевым». «А что – вместе шкодили, вместе придется и отвечать, – прогнозировал очередной спаситель Отечества. – Только вот такая штука: румынский коллега «наших» – вор и палач своего народа Чаушеску – тоже возлагал все надежды на армию, на танки и автоматы одураченных вояк. Но – крепко ошибся».

Такие вот публикации вынужден был читать Сергей Федорович. Кто расскажет, что он при этом чувствовал?

Как ни глубока была обида, внешне маршал не показывал, что он уязвлен. Личное прятал от постороннего взгляда. Конечно же, сильно переживал. Но на первое место ставил государственные интересы. Он защищал не себя – армию, генералитет, которые подвергались шельмованию с невероятной жестокостью.

Мудрый от природы, обладающий острым, аналитическим складом ума, прошедший прекрасную школу концептуального мышления в Генштабе, Ахромеев в начале 1991 года выступил со статьей, в которой в свойственной ему манере бескомпромиссно изложил свое видение причин оголтелой травли генералитета Советской Армии. «Теперь стало понятно, – рассуждал маршал, – почему Б.Н. Ельцин и его команда так настойчиво выступают вот уже в течение трех лет против генералов и адмиралов». Замысел был хитроумный: если бы генералов удалось «опорочить в глазах народа» и отстранить от руководства армией, то Ельцину было бы легче «путем массовых демонстраций, бойкотов и забастовок свалить верховные органы власти нашей страны, осуществить свои долгосрочные цели».

Маршал – в который раз! – снова выше личных обид, снова радел за страну и ее вооруженные силы.

По его мысли, в период, когда общество стало многопартийным, армия не имела права вмешиваться в межпартийные споры. Армией это понято и усвоено. В стане противников – неописуемый восторг по поводу, прямо скажем, неожиданной сговорчивости маршала. Уж не осознал ли?

Однако следующий тезис не оставлял сомнений в истинности намерений твердокаменного коммуниста, лишал демократов надежд, что Ахромеев переметнется в их лагерь. «Но, – тут же предупреждал маршал, – вооруженные силы защищают ценности, закрепленные нашей Конституцией».

Стало быть, армия против массовых демонстраций, забастовок, бойкотов? Этого демократы снести не могли. Армия должна защищать ценности, закрепленные конституцией? Знаем-знаем, какие «ценности» закрепила сталинско-брежневская «конституция», – обрушился на упрямого военачальника новый шквал памфлетов и фельетонов. От этих «ценностей» наш многострадальный народ не может оклематься до сих пор...

Ну, не сюр ли? Существовало могучее, хотя уже и надломленное, государство со всеми его атрибутами – конституцией, президентом, парламентом, кабинетом министров, прокуратурой, судебной властью, и вот находились люди, которые публично глумились над основным законом этого государства, заключали слово «конституция» в кавычки и т. д. Разве возможно такое в цивилизованной стране, в тех же США? Там бы сразу нашли управу на умников, посмевавшихся публично оскорблять Конституцию.

Доморощенные демократы с ненавистью писали, что СССР – тоталитарное, фашистского типа государство, в котором поруганию подвергалось все, что в других странах считалось национальными святынями и охранялось силой закона. Вдоволь поизмывавшись над государственными символами великой страны и ее виднейшими деятелями, новоявленные нигилисты вкривь и вкось толковали значение ахромеевского термина «ценности, закрепленные в Конституции».

«По Ахромееву, – мудрствовал один из авторов, – наша армия должна не только «пресекать» массовые демонстрации, забастовки, бойкоты и пр., но и «охранять ценности», лично принадлежащие маршалу и его вороватым коллегам. У Ахромеева – великолепная двухэтажная дача под Москвой, построенная, между прочим, за наш счет, читатель. Маршал не очень-то различает грань между оборонными расходами и личными. Так, в августе прошлого (1990) года он один, в стоместном самолете ТУ-134, «прогулялся» по маршруту Москва – Николаев – Сочи – Москва. Приложил все силы для того, чтобы сорвать работу комиссии Верховного Совета СССР по привилегиям и вывести всех генералистских Мальбруков, уличенных в прямом присвоении «социалистической» собственности, из-под удара депутатов. «Воры в законе» понимают, что в единстве – их сила...»

Все в этом пассаже опрокинуто вверх дном. Не «прогуливался» военный советник президента Горбачева в гордом одиночестве в «стоместном Ту-134» по указанному маршруту. Ахромеев был на борту авиалайнера только на отрезке Николаев – Сочи. Посмотрите на карту: столь ли велико расстояние? Присовокупите сюда и следующее немаловажное обстоятельство: «стоместный Ту-134» не аэрофлотовский, не отнятый у томившихся сутками в залах ожидания рядовых авиапассажиров, а из специального президентского авиаотряда, обслуживавшего высших должностных лиц государства.

Да будет вам известно, аналогичное подразделение воздушных судов существует по сей день! А грандиозный скандал, разразившийся в конце лета 1993 года в верхних эшелонах российской власти вокруг имени Якубовского – «генерала Димы», – показал, что при победивших в борьбе против привилегий демократах на правительственных самолетах в гордом одиночестве совершают воздушные прогулки не маршалы и Герои Советского Союза, а всего лишь лейтенанты запаса, да и то жулики. Или тещи высокопоставленных российских чиновников – из США в Москву. И, странное дело, никто не задавал вопрос, который в свое время задал Ахромееву парламентарий и академик Арбатов и который с восторгом и умилением без конца цитировали во многих изданиях: «Правда ли, что наши ВВС сжигают в три раза больше горючего, чем Аэрофлот?» Более того, новые демократические маршалы продавали самолеты за бесценок родственникам-бизнесменам.

Когда общество узнало о коррупции в ельцинских кругах, о многомиллиардных валютных счетах за рубежом и роскошных виллах, о «мерседесах» первого российского министра обороны Павла Грачева, оформленных на некоего прапорщика, детским лепетом представляются тогдашние обвинения в адрес Ахромеева. За военным советником Горбачева стояла армия, и этого откровенно боялись. Надежд, что маршал переметнется к противникам государства, не оставалось. И тогда обратились к старому, как мир, испытанному средству – компромату на почве бытовухи.

Притчей во языцех была маршальская дача. Читателям и зрителям постоянно вдалбливали в головы, что этот великолепный двухэтажный особнячок за их счет построен. У Ахромеева вот есть, а у вас нету... Разжигали зависть, озлобление. Попытки дать объективный портрет военного советника президента дружно пресекались. По «кравченковскому» телевидению показали документальный фильм о маршале – было это весной девяносто первого года. Через день газеты выстрелили издевательскими комментариями – в фильме, мол, Ахромеев жалуется, как он плохо живет. Никто не пропустил сцену, когда маршал, показав на лежавший на стуле мундир, произнес с обидой:

– Видите, даже повесить некуда...

А ведь так и было! Дача-то казенная, со строго, по-военному учтенным количеством стульев, без каких-либо излишеств, только для отдыха. Неужели маршал великой державы (их всего-то за годы существования Советского Союза был 41 человек), фронтовик, прошедший Великую Отечественную от звонка до звонка, Герой Советского Союза, посвятивший жизнь укреплению боевого могущества своей Родины и ее защите, не заслужил того, чтобы старость провести в скромном, по сегодняшним меркам, домике за городом? Попрекать куском хлеба человека, который в июле сорок первого принял боевое крещение, а потом пять лет подставлял голову под вражеские пули, защищая отцов нынешних прогрессистов-умников от Бабьего Яра и Треблинки? Ахромеев закончил войну комбатом, а комбаты, как известно, не генералы, сидевшие в штабах под надежными укрытиями. Задача комбата – первому подняться в атаку и повести за собой других под огнем противника.

Вырывая из пасти друг у друга вожаемые жирные куски, прогрессисты-умники удовлетворенно урчали, крепкими клыками вгрызаясь в добычу. Министр обороны Язов отдал приказ о проведении ревизии дачного фонда, поскольку имелись факты, когда расходы на его содержание превышали установленные нормы. Еще до результатов ревизии общественность была оповещена, что обнаружились случаи, когда разница производилась за счет средств по смете Министерства обороны, а не за счет личных средств арендаторов. Но ведь в число арендаторов входит и военный советник президента Ахромеев, вкрадчивыми голосами ворковали с экранов теледивы. К слову, предсказания не сбылись, маршал оказался порядочным и в быту. Порядочность его была исключительна, она возводилась им в высшую степень даже в мелочах: уходя из жизни, он не забыл оставить деньги за обеды в кремлевской столовой – за них платили в конце месяца. Эта деталь потрясает. Она отвергает измышления о корыстолюбии военачальника.

Ничего, кроме горькой усмешки, не вызывают сегодня тогдашние обвинения в том, что Ахромеев сорвал работу комиссии союзного парламента по привилегиям. Нынче даже последняя домохозяйка понимает, кому оказалась не нужна эта комиссия. Современные хозяева просторных кабинетов давным-давно превзошли своих предшественников-партократов, которым и не снилось то, что сейчас имеют их недавние обличители. Несчастливого маршала Ахромеева безжалостно шпыняли и травили за развалившийся казенный холодильник, который он выкупил в военном ведомстве, – привыкла семья за много лет пользования. Дотошные прогрессисты подсчитали – стоимость холодильника занижена на двадцать рублей. Какой визг поднялся! Будто маршалу только и дел, что цены жестянок подсчитывать.

Странно, что никто не интересуется, во сколько обошлись «теремки» в Подмоскovie для высших военных чинов новой Российской армии. Те самые особняки, под шумок приватизированные демократически настроенными генералами. О них министр обороны Грачев заявил на заседании правительства России: министерство будет защищать свои особняки с оружием в руках. Это – в ответ на предложение министра социальной защиты Эллы Памфиловой продать вышеозначенные «теремки» на аукционе, а вырученные средства направить на нужды малообеспеченных слоев населения. С подобным предложением она выступила в 1992 году, а к 1995-му демократический генералитет новой России выстроил себе такие хоромы, о которых в советские времена не могли мечтать даже маршалы. Правда, некоторых, с учетом заслуг перед новыми властями, все же не забыли.

21 ноября 1991 года тогдашний заместитель министра обороны СССР по строительству и расквартированию войск генерал-полковник Николай Чеков обратился с письмом к председателю Фонда государственного имущества СССР Станиславу Ассекритову, в котором просил делегировать Министерству обороны «право создания комиссии по приватизации принадлежащих ему деревянных дачных строений».

В служебном письме от 28 ноября 1991 года Ассекритов разрешил Министерству обороны создать такую комиссию. Но министерство умеет мыслить масштабно. Не обратив внимания на то, что ему лишь разрешено создание комиссии, 19 декабря министр обороны маршал авиации Евгений Шапошников издал приказ, в котором предоставил право выкупа дачных строений Министерства обороны ветеранам Вооруженных сил СССР, генералам и т. д.

Министр социальной защиты населения России Элла Памфилова написала в правительство о противозаконности действий Минобороны и просила передать кирпичные дачи под социальные нужды населения или сдать их в аренду для тех же целей.

Но и главком ОВС СНГ не лыком шит. 31 января 1992 года он обращается с письмом к президенту Ельцину, в котором просит разрешить выкуп дач: «Учитывая сложившуюся в настоящее время социальную напряженность в Вооруженных силах, положительное решение этого вопроса имело бы важное политическое значение, свидетельствующее о социальной защищенности ветеранов Вооруженных Сил...»

Резолюция Президента России появилась, конечно же, не на письме хрупкой женщины, а на обращении главкома. Воспроизвожу ее дословно: «Г.Э. Бурбулису. Прошу поддержать и принять необходимое в связи с этим решение».

Геннадий Эдуардович, однако, резко высказался против идеи военного министра и предложил отдать особняки генералов под социальные нужды обнищавшего российского населения.

Но не тут-то было. В генеральской среде пошла гулять версия о том, что «президент разрешил». Да и в ответ на очередное письмо Шапошникова заместитель председателя Госкомимущества России дал разрешение «на приватизацию оцененных комиссией Госкомимущества дач».

Процесс пошел с 18 февраля 1992 года. Маршалам и генералам продавали кирпичные особняки – с коммуникациями, бытовыми и другими вспомогательными сооружениями и объектами по ценам их балансовой стоимости на момент сдачи в эксплуатацию (1980-е годы). То есть по 200–300 тысяч рублей каждый. Или в десять раз меньше их подлинной стоимости. К примеру, дача № 16, оцениваемая военными в 362 тысячи рублей, на момент продажи стоила 3 миллиона 590 тысяч рублей. И это без учета стоимости объектов общего пользования, коммуникаций и прочих мелочей.

Естественно, полетели возмущенные письма граждан, отстаивавших демократию у стен Белого дома в августе 1991 года. И тогда в бой включился генерал армии Павел Грачев, министр обороны.

«Уважаемый Борис Николаевич! – написал он Ельцину. – В ноябре 1991 года Фондом имущества СССР разрешена продажа служебных дач Министерству обороны. Вами было разрешено выкупить служебные дачи МО. Вся оценка и продажа служебных дач были проведены с разрешения Госкомимущества».

Далее следовал гвоздь программы: «Полученные в ходе проверки расчеты стоимости служебных дач в ценах 1992 года составляют сотни тысяч и миллионы рублей. При такой стоимости ветераны, генералы и офицеры приобрести их в личную собственность не в состоянии. Это порождает многочисленные жалобы, в которых высказываются опасения о продаже дач с аукциона. С учетом изложенного, а также принимая во внимание, что значительная часть личных средств была внесена в 1991 году, прошу вашего разрешения на завершение оформления купли-продажи служебных дач в ценах 1991 года».

Ельцин, похоже, был удивлен некоторыми фразами. Неспроста на полях он делает пометку: «Где разрешение?» И пишет в углу: «А.Б. Чубайсу. Ваше мнение?»

25 сентября 1992 года главный ваучеризатор России доложил президенту: «Учитывая, что дачные строения бывшего Министерства обороны СССР приобретаются ветеранами

Вооруженных сил, генералами, адмиралами и офицерами, имеющими заслуги перед Вооруженными Силами, посвятившими свою жизнь делу защиты Отечества, доводы Министерства обороны Российской Федерации о завершении продажи указанных дачных строений в ценах 1991 года нахожу убедительными. Поскольку такая льгота потребует всего немногим более 130 миллионов рублей, считаю целесообразным ее предоставить».

Ровно через семь дней Ельцин дает ответ: «Разрешаю завершить продажу по ценам конца 1991 года». Наблюдатели отметили, что именно в это время министр обороны заявил: армия за президента – и в огонь, и в воду.

Выкупившие за бесценок «теремки» генералы положили глаз и на земельные участки вокруг особняков.

Размеры земельных участков в несколько раз превосходили выделяемый в России бесплатно земельный минимум. Об этом незамедлительно заявили депутаты Красногорского горсовета Московской области. Горсовет пришел к мнению о незаконности подобной приватизации и направил иски о признании сделок купли-продажи дач недействительными. Аналогичные заявления поступили и в Генеральную прокуратуру России.

А что говорили юристы? Дачи Министерства обороны относятся к разряду федеральной государственной собственности России, на них распространяется требование ст. 96 Гражданского кодекса РСФСР. Согласно этой статье, государственное имущество не подлежит отчуждению гражданами, кроме отдельных его видов, продажа которых гражданам допускается постановлениями Совета Министров России.

Правительственного постановления о продаже дач генералитету в России не издавалось. А основными положениями государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий на 1992 год, утвержденных указом президента, приватизация имущества Вооруженных сил запрещена.

Стало быть, аппарат снова распределял блага? Не только распределял, но и погряз в коррупции. Не стали исключением и военные. На них постоянно заводились уголовные дела – на генералов армии и адмиралов флота, не считая каких-то там генерал-майоров и полковников.

Угодил под следствие даже герой обороны Белого дома в августе 1991 года генерал армии К. Кобец. Власти вынуждены были применить к нему меру пресечения – заключение под стражу. И это несмотря на прежние заслуги перед российской демократией, возраст и высокое должностное положение главного военного инспектора – заместителя министра обороны. За всю историю XX века в России это первый случай, когда столь высокопоставленного военного, по сути маршала пехоты, сажают в следственный изолятор – не по политическим мотивам, а за банальную уголовщину.

Генеральские мундиры в ельцинской России не вызывали ни уважения, ни почтения. Некоторые вели себя, как мелкие мошенники. Один из лампасоносцев, приговоренный Военной коллегией Верховного суда к четырем годам лишения свободы с конфискацией половины имущества, «скрылся из лечебного учреждения», где находился в момент вынесения ему приговора. МВД разыскивало «больного» генерала, сбежавшего из-под носа Верховного суда с диагнозом «ишемическая болезнь сердца, гипертонический криз».

Горькую улыбку вызывает сопоставление художеств некоторых ельцинских военачальников с упреками маршалу Ахромееву за купленный им старый холодильник.

В который раз перечитываю многостраничную стенограмму июньской 1991 года пресс-конференции. Где разгадка тайны кончины маршала? Может, в этих словах, сказанных по поводу первого тома истории Великой Отечественной войны под редакцией Д. Волкогонова:

– Предвоенный период, двадцатые и тридцатые годы, перевернут с ног на голову. Там все превращено в черноту. Отрицается все, что произошло в стране после Октября. Да, тогда

был сталинизм, насилие над народом. Но народ строил основы социализма. Я сам видел, я родом оттуда, из этих годов...

А может, здесь:

– Не считаете ли вы, что нынешняя ситуация сходна с той, которая была накануне войны? Мы остались без союзников, даже без Монголии...

– Да, – ответил маршал. – Сходство есть. Тогда создалась опасность самого существования СССР. Сегодня тоже налицо такая опасность.

Или в этих словах ключ:

– И у меня с президентом есть расхождения...

Документ для истории

Это было последнее интервью маршала Ахромеева. Думается, оно во многом проливает свет на личность этого человека, на образ его мышления, на то, были ли у него расхождения с Горбачевым.

– Сергей Федорович, в чем, на ваш взгляд, одна из крупнейших причин трагедии 1941 года?

– Грубая военно-стратегическая ошибка Сталина в оценке обстановки. Он не верил, что Гитлер мог напасть на Советский Союз и одновременно вести войну с Великобританией. Видимо, Сталин исходил из уроков Первой мировой войны, когда Германия из-за того и потерпела поражение, что воевала на два фронта. Сталин был диктатором, считал, что он умнее всех, дальше всех видит, и методы управления у него были диктаторские, не демократические, возражать ему никто не смел. Поэтому даже военный атташе в Берлине, сообщая о подготовке Германии к войне, делал оговорку: считаю, мол, что все эти данные подбрасываются нам специально британской разведкой с целью столкнуть Германию и Советский Союз. Из-за этой стратегической ошибки Сталина начальный период войны был выигран Гитлером, по существу, еще до первого выстрела, до двадцать второго июня. Вот к таким просчетам, к такой трагедии народа привел диктаторский метод управления, метод единоличной власти.

– Многие годы историю Великой Отечественной войны писали в угоду различным политическим деятелям, стоявшим у руля власти. Будет ли когда-нибудь у нас действительно объективная книга о войне?

– Сейчас создан большой авторский коллектив по написанию такого труда. Однако слова из песни не выкинешь – произошел затор. Мы должны были еще в прошлом году выпустить первый том. Руководил его созданием генерал-полковник Волконов. Том посвящен предвоенному периоду. Когда я как заместитель председателя редакционной комиссии получил этот том и прочел его, сразу написал всем членам редакционной комиссии, что выпускать в таком виде нельзя, что надо перерабатывать.

Предвоенный период, двадцатые и тридцатые годы, был перевернут с ног на голову. Там все превращено в черноту. Отрицается все, что произошло в стране после Октябрьской революции. Отрицается, что шло социалистическое строительство. Да, тогда был сталинизм, репрессии, насилие над народом. Но народ строил основы социализма. Меня, например, убеждать в этом нечего. Я сам родом оттуда, из этих годов. Я сам видел, как люди работали, с какой самоотверженностью. А у Волконова все это оказалось перечеркнутым. Комиссия предложила ему написать новый вариант. Получилось еще резче, еще нигилистичнее. И тогда Волконова освободили от руководства авторским коллективом. Сейчас для этой цели создана новая группа ученых. Нам нужен действительно правдивый научный труд – войну-то ведь мы все-таки выиграли, а не проиграли.

– Не считаете ли вы, что нынешняя ситуация сходна с той, которая была накануне войны? И сейчас мы остались без союзников, даже без Монголии – единственной страны, на которую мы могли рассчитывать перед началом Великой Отечественной войны. Сталин не обладал военным образованием, да и нынешний Верховный главнокомандующий тоже.

– Думаю, что для президента не обязательно иметь военное образование и подготовку. Общее понимание военных проблем у него есть, это я заявляю вам ответственно. А это главное.

Относительно сходства нынешней ситуации с той, которая была в 1941 году. Тогда создалась опасность самого существования СССР. Сегодня тоже такая опасность создалась. Вот какую аналогию я имею в виду.

– А не следует ли понимать увязку 1941 года с 1991-м в том плане, как Сталин выслушивал советы в 1941 году?

– Этот вопрос я оставляю на вашей совести.

– Есть ли у вас расхождения с президентом по военным вопросам, и если есть, то в чем их суть?

– Я таких двух человек не знаю, у которых не было бы расхождений. Но только у нас разное положение. Я – советник, а он – президент. Я могу советовать, могу убеждать его, а он должен принимать решения. И, кстати, нести ответственность тоже должен он.

– В своей статье в «Военно-историческом журнале» вы назвали генерал-полковника Волкогонова антикоммунистом. Считаете ли вы, что только коммунист может правильно и справедливо оценивать историю войны?

– Я назвал его антикоммунистом не за то, что он мне не нравится, а за то, что он искажает историческую действительность. У нас с ним идет спор о том, как правильно оценивать предвоенный период. По этому поводу мы с ним придерживаемся прямо противоположных позиций. Слово «антикоммунист» в Советском Союзе не является ругательным. Я коммунист, а Волкогонов антикоммунист. Я антикапиталист, а Волкогонов не знаю кто – защитник капитализма или нет. Поэтому это обычная констатация факта. И идейный спор. Меня критикуют за то, что я его называю перевертышем. Но и это слово означает констатацию факта. Ведь Волкогонов, обладая бойким пером, с двадцати лет восхвалял Советскую власть, написал десятки книг, заработал на этом все, что только можно, материально себя обеспечил на всю жизнь. И вдруг начинает проповедовать другую философию. Я не обвиняю Волкогонова, я даю его поведению нравственную оценку. Извините, кто, как не коммунисты, имеет право высказать свою точку зрения на прошедшую войну? Партия достойно выполнила свою обязанность перед советским народом и доблестно защищала страну. О потерях среди коммунистов, надеюсь, вам не надо напоминать. Они исчисляются миллионами. Так что, право оценивать историю войны, выигранной коммунистами, они должны отдавать другим?

– Была ли какая-нибудь польза от высших партийных руководителей на фронтах? Приходилось ли вам видеть их в деле?

– Хрущев, Жданов, Булганин были в войну членами военных советов на очень важных фронтах. Я считаю, что эти люди вели себя мужественно, смело и все, что они могли делать как члены военных советов, они делали. Они не были стратегами, не принимали каких-то крупных оперативно-стратегических решений, не управляли боевыми действиями. Они делали другое – помогали материально обеспечивать войска, поддерживали должное политико-моральное состояние людей. Держались они достойно. Во всяком случае, на Ленинградском фронте я лично, будучи командиром стрелковой роты, видел в окопах Жданова. Правда, за всю войну это был единственный случай. Других крупных деятелей партии на передовой видеть не приходилось.

– Ваш рассказ о том, как пишется сейчас история Великой Отечественной войны, вызывает достаточно серьезное беспокойство. Не будет ли опять написана заказная история? Не разумнее было бы объявить конкурс? Пусть лучший из трудов получит признание народа...

– Это невозможно. Огромный, десятилетний труд, рассчитанный на десять лет работы, не под силу маленькому коллективу и тем более одиночке. Нужен огромный коллектив только для написания. А рецензирование, доработка, доводка до соответствующего научного качества? Думаю, что в данном случае метод принят правильный.

– **Какая цифра потерь в Великой Отечественной войне, на ваш взгляд, наиболее близка к истине?**

– Я знаю данные только по военным потерям. Потери гражданского населения не входят в компетенцию Министерства обороны. Мы их не рассматриваем и не изучаем. Что касается военных потерь, то есть погибших, не вернувшихся домой с войны военнослужащих и партизан, то их численность составляет 8 миллионов 668 тысяч 400 человек. Из них только в 1941 году погибли 3 миллиона 138 тысяч человек. Если говорить о пленных, то всего за войну пропали без вести и попали в плен 3 миллиона 396 тысяч 400 человек. Из них вернулись домой из плена после войны 1 миллион 836 тысяч человек. То есть почти половина. Остальная половина погибла в плену. Госкомстат считает, что мирного населения погибло около 19 миллионов человек. Это по их подсчетам. В итоге получается 27 миллионов.

– **Многие с обидой задают вопрос: до каких пор у нас будет существовать формулировка «пропавший без вести»?**

– Да, это горькая и несправедливая формулировка. Пропавшим без вести называют того, кто пошел на войну, скорее всего погиб, а подтверждений, что с ним случилось, нет. Как он погиб, где погиб – это документально не зафиксировано. Согласен, нужно найти какую-то другую формулировку. Сейчас все погибшие равны, все они были защитниками Родины.

– **Перед отъездом в США Ельцин сказал, что механизм нажатия ядерной кнопки продолжает быть прежним, за исключением одного новшества – теперь кнопку нажимать нельзя без разрешения России. Так ли это?**

– Я не имею близкого общения с Ельциным, поэтому комментировать его слова не могу. Что касается механизма нажатия кнопки, то у нас, как и в других государствах, порядок применения ядерного оружия установлен законом. О его изменении мне ничего не известно.

– **Вы говорили, что в 1941 году Сталин игнорировал послания и донесения своих военных советников. Вы являетесь советником Президента СССР. Давали ли вы какие-либо консультации Горбачеву при ситуации, которая возникла в Вильнюсе 13 января этого года?**

– На этот вопрос отвечено в сообщении Прокуратуры СССР о ходе следствия в связи с событиями в Вильнюсе. Генеральный прокурор четко сказал, что президент и министр обороны об этом не знали. Решение о введении войск принимало местное командование. Стрельба уже шла, когда было принято решение применить воинское подразделение.

– **Ваша точка зрения на судьбу Тухачевского? Какую версию вы разделяете: это была провокация немецкого командования или нашего великого кормчего?**

– Сталин издавна не любил Тухачевского. В 1919 году Сталин был членом Реввоенсовета Южного фронта, а Тухачевского в январе 1920 года назначили командующим этим фронтом. Тухачевскому было тогда 26 лет. Во время советско-польской войны Тухачевский был командующим Западным фронтом, а Сталин – членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта. Между этими фронтами происходили трения. Таким образом, неприязнь Сталина к Тухачевскому сохранилась еще с Гражданской войны.

Когда начались массовые репрессии, то, наверное, Тухачевский на прицеле у Сталина был непременно. Тем более что Тухачевский был очень прямой человек. Не думаю, что он

какие-то заговоры учинял. Он открыто говорил, что Ворошилов – это не тот человек, которому можно доверять пост наркома обороны, он не подготовлен для того, чтобы занимать такую должность. Этим самым он еще больше усложнил обстановку, приобрел в качестве противника своего непосредственного начальника – Ворошилова. А тут и данные, подобранные через Прагу, оказались ко времени. Сталину они были как нельзя кстати. Остальное было делом техники.

– **Вы отрицательно относитесь к Сталину?**

– Я очень хочу сам написать о Сталине. Его личность очень противоречива. Никто сейчас не отрицает, и я в этом глубоко убежден, что Сталин принес огромные бедствия советскому народу, что он диктатор, что многие его действия можно квалифицировать как преступления. Но наряду с этим разве можно отрицать, что Сталин достиг крупных военно-дипломатических успехов? Ведь двадцать лет формировалась антисоветская коалиция в предвоенный период. А в 1941 году оказалось так, что на одной стороне были Гитлер и Муссолини, а на другой – Сталин, Черчилль и Рузвельт. Разве это не говорит о нем как о талантливом политике? Немало таких примеров можно привести и во внутренних делах. В истории нужно быть объективным.

– **Исключаете ли вы возможность нападения на СССР в настоящее время? Или, по крайней мере, наличие военной угрозы?**

– Любое государство, которое имеет свои интересы в мире, должно иметь вооруженные силы, соответствующие той степени опасности, которая существует на сегодняшний день. С 1945 по 1985 год – целых 40 лет – обе стороны внесли достаточно для того, чтобы военное противостояние дорого всем нам обошлось. Я считаю, что сегодня непосредственной угрозы для Советского Союза нет. Впрочем, ее нет и для любого другого крупного государства – США, Великобритании, Франции, Германии. Непосредственная угроза войны отодвинута. Но военная опасность существует. Я настолько часто говорил, откуда она исходит, что мне не хотелось бы еще раз сегодня это повторять.

– **Существует точка зрения относительно бессмысленности защиты Ленинграда, напрасности блокадных жертв. Если бы пал Ленинград, устояла бы Москва?**

– У немцев на советско-германском фронте были три крупнейшие группировки – Ленинградская, Московская и Южная. Так вот, если бы Ленинград пал, то высвободилась бы миллионная группировка немецких войск. Мощнейшие соединения стояли под Кронштадтом, Ораниенбаумом, где на знаменитом пятачке мне пришлось воевать, на Карельском перешейке, в районе Тихвина, Новгорода – это же огромный фронт рухнул бы. Все это с севера пошло бы на Москву. Положение стало бы катастрофическим. Военно-стратегическая роль Ленинграда еще должным образом не оценена. Ленинградцы отстояли не только свой город, они отстояли вместе со всеми и страну.

– **В конце Второй мировой войны, несмотря на то что по международному праву запрещалось расширение территории, Советский Союз присоединил к себе некоторые японские территории. Вы не считаете это ошибкой Сталина?**

– В отношении Курильских островов я придерживаюсь позиции, которую заняло советское правительство.

– **Советские войска до сих пор принимают участие в подавлении межнациональных конфликтов. Не связано ли с этим снижение имиджа Советской Армии?**

– Нет. Я считаю, что в глазах советского народа имидж наших Вооруженных сил не упал. Большинство советских людей как уважали свою армию, так уважают и сейчас. Дело в политической борьбе, которая идет в стране. И вот политический интерес одних сил устраивает армия в том виде, в каком она сейчас есть, а политический интерес других сил она не устраивает. Поэтому эти силы выступают против армии. Вот в чем главная причина. Кроме Вильнюса, Вооруженные силы СССР используются по решению Верховного Совета и Пре-

зидента СССР. Это для нас, военных, высшие органы власти, которым мы подчиняемся и волю которых обязаны выполнять.

– **Вы говорили, что существует много различных политических сил в нашем обществе, которые стараются использовать предвоенные и другие события в своих политических целях. Могли бы вы как-то охарактеризовать эти силы? Относите ли вы себя, а также группу генеральных инспекторов и другое высшее военное руководство к таким политическим силам?**

– Я убежден – в стране идет борьба политических сил за власть. И если бы она шла конституционными методами, то никаких проблем бы не было. Но когда заявляют с трибуны: президента страны долой, а власть передать Совету Федерации, – то это самый настоящий государственный переворот. Вооруженные силы против такого решения вопросов. Они говорят: нет, мы по долгу своих обязанностей являемся защитниками конституционного строя и защитниками Конституции. А вот отсюда, наверное, у разных политических сил и разное отношение к Вооруженным силам, но это не значит, что Вооруженные силы занимают какую-то свою политическую позицию, нет. Они не являются политической силой, они являются орудием существующего государства, существующей государственной власти. Те, кто законно избран, и руководят армией.

– **Итоги последних российских выборов показали, что морально-политическое единство народа и армии, что было одним из факторов победы в последней войне, нарушено. Большинство коммунистов – солдат и офицеров – на выборах российского президента высказались против кандидатов от КПСС. Не кажется ли вам, что средством восстановления этого единства в наше время должна быть департизация армии?**

– Вооруженные силы уважают любое решение народа, лишь бы оно было произведено демократическим, законным путем. Они будут работать под руководством новых высших органов власти, независимо от того, чье там будет партийное большинство.

– **Напомните, пожалуйста, вехи вашей военной молодости.**

– Я начал службу в 1940 году в высшем военно-морском училище, собирался стать морским офицером. Окончил только первый курс. Войну встретил в Либаве, будучи на практике. Воевал с начала боевых действий. 1941 год провел на Ленинградском фронте. А затем судьба так повернулась, что моряка из меня не вышло, присвоили мне звание лейтенанта, и уже на Сталинградском фронте стал командиром стрелковой роты. Войну закончил капитаном, командиром батальона в Австрии.

– **Вы были не только начальником Генерального штаба, но и членом ЦК КПСС...**

– Да, около десяти лет. И за обстановку в стране как бывший член ЦК КПСС я несу ответственность. И за обстановку в армии тоже, но в большей степени, хотя здесь больше виновато не военное руководство, а другие политические силы. Кто конкретно? Съезд народных депутатов, Верховный Совет. А персонально – Президент СССР.

Такие вот ответы звучали на вопросы журналистов, собравшихся в зале, где проводилась последняя пресс-конференция маршала Ахромеева. Он не юлил, не уходил от остроты, отвечал прямо и честно, как жил.

Остается только делать предположения, строить догадки, что в действительности произошло в его служебном кабинете в Кремле. Как и в случаях с Пуго, Кручиной и предшественником последнего, Павловым. Что побудило министра внутренних дел, двух управляющих делами и заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС Лисоволика свести счеты с жизнью? Притом последних – одинаковым способом?

Ответить на эти вопросы крайне затруднительно.

Я неоднократно бывал в семье Ахромеева, знаком с его супругой, дочерью и ее мужем. Они не верят в самоубийство маршала. В своем расследовании, вошедшем в книгу «Мар-

шалы и генсеки», я не исключал версию самоповешения. Но вот в августе 1998 года в газете «Труд» появилась статья С. Турченко «Тросик» для советника президента», и я засомневался.

Автор публикации обнаружил не объясненные следствием нюансы, в той или иной мере «диссонирующие» с официально принятой версией.

Во-первых, считает он, самоповешение, согласитесь, для сугубо военного человека – крайне не характерная форма сведения счетов с жизнью. Еще более удивляет способ – в сидячем положении. Трудно поверить, что человек, никак не связанный с криминальным миром, где такой способ практикуется часто из-за «архитектурных особенностей» тюремных камер, сам мог дойти до такой придумки. Да еще и реализовать ее в помещении, где потолок будто специально оборудован всяческими крюками и коушами для тяжелых люстр. А синтетический шпагат (кстати, в предсмертной записке он назван «тросиком», будто Ахромеев писал ее до того, как лично увидел орудие повешения), который порвался при первой попытке? По данным следствия, в соседней комнате для секретарей его было полно. Оттуда, собственно, злополучный отрезок и был взят. Однако Ахромеев, собравшись с силами после неудавшегося самоповешения, вместо того чтобы просто взять новый кусок шпагата да сложить его вдвое для прочности, ищет клеящую ленту и обматывает ею оборванные концы. Такое впечатление, будто он был закрыт в кабинете и не имел доступа в комнату секретарей...

Во-вторых, когда следователю Леониду Прошкину поручили расследование случившегося, то его долго не пускали к месту происшествия и в конце концов запретили взять с собой понятых. Ими стали... сотрудники госбезопасности, дежурившие в том же здании, где находился кабинет Ахромеева.

В-третьих, накануне трагедии 23 августа Сергей Федорович закончил работу над текстом выступления на сессии Верховного Совета СССР, которая была запланирована на 26 августа. Он обсуждал его с дочерью (у нее даже сохранился черновик). Ахромеев предполагал довести до сведения депутатов убийственные, как он полагал, факты предательства некоторыми высшими чиновниками СССР интересов государства. Вероятно, кому-то из них было крайне невыгодно, а может, и опасно такое выступление в наэлектризованный борьбой момент...

Почему бы, пишет С. Турченко, учитывая сказанное, не предположить и следующую версию?

Ахромееву, угрожая арестом и последующими репрессиями против семьи (тогда в это легко было поверить), предлагают единственный выход: самоубийство. Исполнители в соответствии со своим профессиональным опытом определяют ему и метод повешения. Затем дают синтетический шпагат из комнаты секретарей и закрывают маршала в кабинете на какое-то время.

Такая версия, по мнению С. Турченко (не претендующая, конечно же, на бесспорность), способна все же дать ответы на возникающие вопросы. К тому же на предположение о том, что маршала шантажировали благополучием семьи, невольно наводит и его предсмертное письмо к родным: «Всегда для меня был главным долг воина и гражданина. Вы были на втором месте. Сегодня я впервые ставлю на первое место долг перед вами. Прошу вас мужественно пережить эти дни. Поддерживайте друг друга. Не давайте повода для злобности недругам...»

Спустя несколько лет после этой странной череды самоубийств стали открыто писать, что министр внутренних дел Пуго и его жена были застрелены неизвестными лицами. Сложнее с Павловым и Кручиной.

Кручину я знал хорошо, он производил впечатление совестливого и порядочного человека. Не могу ни в чем его упрекнуть. Обязательный, честный, доступный, простой в общении. И вдруг такая нелепая смерть.

Судмедэксперты и другие специалисты пришли к однозначному мнению: управляющий делами ЦК КПСС действительно покончил жизнь самоубийством.

Он оставил записку: «Я не заговорщик, но я трус. Сообщите, пожалуйста, об этом советскому народу. Н. Кручина».

Главный казначей партии выбросился в пять часов утра 26 августа с балкона своей квартиры на пятом этаже роскошного, по тогдашним меркам, дома в Плотниковом переулке.

Николай Ефимович Кручина родился в 1928 году. В 1953 году окончил Азово-Черноморский сельскохозяйственный институт. Дальше – обычная карьера партийного функционера: от первого секретаря Новочеркасского горкома комсомола до заместителя заведующего отделом сельского хозяйства и пищевой промышленности ЦК КПСС. С 1983 года – управляющий делами ЦК КПСС. В этой ключевой для Старой площади должности он устраивал и Андропова, и Черненко, и Горбачева.

Судя по обстоятельствам его гибели, не все там было ясно. И самое главное, неизвестны подлинные мотивы самоубийства. Что заставило опытного и умудренного человека приговорить самого себя к высшей мере наказания? Причастность к ГКЧП? Но такими материалами следствие не располагало. Скорее, считали в прокуратуре, подобная смерть связана с тем, что в субботу было опечатано здание ЦК КПСС, и Кручина опасался фактов, которые могли всплыть при просмотре его бумаг. Не исключалась, впрочем, и его импульсивность, эмоциональность. Люди, близко знавшие его, отмечали, что на него сильно действовали события последней недели.

Пресса настойчиво муссировала обстоятельства гибели главного казначея партии. Сообщалось, что следственные работники Ленинского района Москвы закончили проверку по факту смерти Кручины. По результатам расследования вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления. Заключение судмедэкспертизы и другие материалы проверки со всей очевидностью и категоричностью свидетельствовали: это было действительно самоубийство.

Много разговоров вызвали телевизионные сообщения о том, что в квартире Кручины был произведен обыск, в результате которого следователи Прокуратуры СССР изъяли ряд очень важных документов, проливавших, по мнению телеведущих, свет на засекреченную деятельность КПСС.

– Точно известно, – захлебываясь словами, верещала истеричная теледива, – что эти документы не попали в прокуратуру Ленинского района – по рангу не положено. О местонахождении досье Кручины отказались что-либо сообщить в Прокуратуре СССР, переадресовав нас в Прокуратуру РСФСР. Но и там в ответ на наши вопросы о досье – пока глухое молчание. Лишь из неофициальных источников нам удалось кое-что узнать о содержании документов, изъятых из квартиры управляющего делами ЦК КПСС.

По мнению теледивы, досье Кручины содержало сведения о валютном бюджете КПСС в каждой советской республике. Вместе с тем там были письменные просьбы высокопоставленных партаппаратчиков к Политбюро ЦК КПСС о необходимости создания на базе предприятий партии акционерных обществ закрытого типа.

– Самое, пожалуй, важное, – делилась доверенными ей секретами теледива, – что в досье Кручины имелись документы, свидетельствующие о том, что в системе КПСС существовал институт «доверенных лиц». Часть этих «доверенных лиц» руководила коммерческими структурами. В их обязательства перед Управлением делами ЦК входило прежде всего перечисление прибыли на счета парторганизаций, испытывающих недостаток членских взносов. Как следует из документов, существовали «доверенные лица» и другого рода, которые докладывали в ЦК КПСС и Политбюро об обстановке в местных партийных организациях, попросту говоря, «стучали» на своих же товарищях по партии. Насколько многочисленной была сеть «доверенных лиц» ЦК КПСС – пока не ясно.

Далее следовали подробности, от которых сердца законопослушных телезрителей замирали от приобщения к жгучим тайнам века:

– Досье Кручины найдено не в запертом сейфе, а на кресле у его стола в домашнем кабинете – аккуратно сложенное в отдельную папку. К сожалению, оно содержит мало прямых улик. Оно, пожалуй, может служить лишь ключом к разгадке технологии коммерческой деятельности КПСС в последние годы, лишь указателем в поиске «золота партии». Ведь написал же в одной из двух своих предсмертных записок Николай Ефимович Кручина: «Моя совесть чиста».

Пятого сентября, выступая в программе «Вести», секретарь Московской конвенции предпринимателей М. Гуртовой вообще сразил зрителей, сообщив, что два человека, занятые поиском денег КПСС, таинственным образом исчезли.

О деньгах партии ходили самые невообразимые слухи. Один журналист так предварял свои откровения в газете: «Человек, который дал мне эту информацию, по-дружески предупредил, чтобы он без телохранителя на улице не появлялся. Человек, который дал информацию этому человеку, откровенно боится за свою жизнь, боится, что однажды он случайно или выпадет из окна, или попадет под машину, или попросту будет пристрелен. Этот банковский служащий видел финансовые документы, свидетельствующие о четырех крупнейших финансовых сделках, к которым имеют непосредственное отношение КПСС и Госбанк СССР. Речь идет о так называемых трансфертных операциях по переводу в общей сложности 280 миллиардов рублей в доллары. При этом рубли остались в Союзе, но уже на счетах неизвестных нам пока иностранных менял, а около 12 миллиардов долларов сконцентрировались на тайных спецсчетах за границей».

Тему «денег партии» усиленно подпитывали многие политики. Вице-президент Научно-промышленного союза А. Владиславлев давал такое интервью:

– Не сомневаюсь, что это творилось. Настолько все коррумпировано. Но говорить конкретно пока рано.

А вот слова будущего советника московского мэра и председателя комитета Госдумы России по приватизации П. Бунича:

– Я тоже в это верю. Безусловно, верю. Но мы ничего не знаем. Абсолютно... А прорваться за эти семь печатей надо...

И только секретарь ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Б. Гидаспов нашел в себе мужество сказать:

– Я тоже слышал о трансфертных операциях. Но не думаю, что это было так. Потому что даже у трансферта все равно остаются следы. И поэтому, если кто-то и занимался такой деятельностью, он очень крупно рисковал. Навряд ли в Управлении делами ЦК КПСС нашлись бы смельчаки, которые пошли бы на такие безумные операции. Ведь, по сути дела, это расхищение народного достояния.

С Павловым лично я не был знаком, никогда с ним не встречался. Говорят, когда он узнал о том, что Кручина выбросился из окна, произнес:

– Вот мужественный человек. Я бы так не смог.

А через некоторое время и сам последовал за ним. А ведь ему было восемьдесят лет. После смерти Брежнева, при Андропове, он ушел на пенсию и исчез с политической арены. Последнее время часто болел и практически не появлялся на людях. Признаков насильственной смерти у него как будто не обнаружили, время падения из окна и наступления смерти совпадало.

Что это было – самоубийства или несчастные случаи? А может, еще что-то? Несомненно одно: оба высокопоставленных работника партии таили в себе информацию, об уровне которой можно только догадываться. Некоторые средства массовой информации не

исключали причастности бывших управляющих делами ЦК к переводу партийных денег на Запад. Но это лишь предположения, не больше. Доказательств нет.

Это позднее, спустя много лет после происшедшего, можно анализировать, сопоставлять, обобщать, приводить в систему разрозненные факты. А тогда никому в голову не приходило, что, вопреки народной мудрости, второй снаряд упадет в ту же воронку.

Дело было в воскресенье, накануне дня «брежневской» конституции, примерно в десять часов сорок минут утра. Перед этим семья Павлова вместе позавтракала. Павлов ушел в свой домашний кабинет и запер дверь, якобы для того, чтобы ему не мешали отдыхать. Обеспокоенные его долгим отсутствием родные вскрыли дверь и обнаружили, что кабинет пуст, а окно распахнуто. Нашли Павлова внизу, на траве. Я видел это место – невдалеке от стены свежо чернела земля, обозначая след от удара. Погибший был высоким, грузным человеком, весил около ста килограммов.

Жил бывший управделами в элитном, охраняемом доме – на улице Щусева. Там когда-то жил Горбачев – до избрания генсеком. В одной из квартир была прописана семья К.У. Черненко. Дом построили в бытность Павлова управляющим делами ЦК. Остряки так его и называли – «дом Павлова». По аналогии со знаменитым домом сержанта Павлова в Сталинграде.

Родные самоубийцы были в шоке от происшедшего. В комнате аккуратно стояли домашние тапочки. На нем были брюки и рубашка. На ногах носки. Ничто не предвещало этого поступка. Правда, рассказывали, что в последние два месяца он сильно сдал. Да и возраст был почтенный – более восьмидесяти лет.

Мог ли Павлов знать что-то такое, что смущало кого-то? На этот вопрос нет ответа.

По одной из версий, например, он выбросился не из окна, а упал с балкона. Где доказательство того, что старый человек не оступился? Что у него не закружилась голова от внезапной слабости? Давайте вспомним гибель белорусского поэта Янки Купалы в гостинице «Москва» летом сорок второго года. До сих пор не ясно, отчего он упал в пролет лестницы. Сам или кто-то ему помог? Белое пятно белорусской истории.

А на балкон, с которого якобы упал Павлов, он никогда не выходил. Кстати, балконов оказалось два. Когда стали разрабатывать эту версию, выяснилось, что балконами не пользовались. Выход на первый из них загорожен мебелью, а на второй, под кабинетом погибшего, – письменным столом. Никто никогда не видел Павлова на балконе.

Могли ли быть в этом деле неожиданные результаты? Могли. Если были бы зацеплены нужные нити.

Прошло немного времени – и третий снаряд угодил в ту же воронку. 17 октября примерно в 21.30 недавний ответственный работник ЦК КПСС Дмитрий Лисоволик посмотрел программу теленовостей и вышел на балкон своей квартиры, чтобы покурить.

Лисоволик жил на улице Лизы Чайкиной. Дом хотя и не такой комфортный, как павловский, но тоже элитный. Лисоволик жил на последнем, двенадцатом, этаже. И так, выйдя на балкон, он закурил. И внезапно бросился вниз. Почти на глазах жены и сына. Они находились в комнате и с ужасом увидели, что он переваливается через перила. Когда они открыли балконную дверь, было уже поздно.

Никакой записки, объясняющей свой поступок, погибший не оставил. По мнению начальника 109-го отделения милиции майора В. Шемякина, это самоубийство.

Лисоволик был заместителем заведующего международным отделом, правда, пребывал он в этой должности непродолжительное время. До этого заведовал сектором США в том же отделе, который возглавлял секретарь ЦК Валентин Фалин. Еще раньше работал за рубежом.

Последнее время был не у дел. Получал пособие в связи с упразднением организации. Сильно переживал из-за этого. Все время находился в депрессии. Хотя на похоронах

от близких друзей стало известно, что ему предлагались вполне приемлемые варианты трудоустройства. Речь шла даже о переходе в аппарат Президента СССР. У Лисоволика была репутация сильного специалиста и порядочного человека.

Странная смерть – третья за короткое время. Лисоволику было всего 54 года.

И эту смерть связывали с вопросом о зарубежных финансовых вкладах КПСС. Лисоволик, мол, покончил с собой, увидев в печати информацию о финансировании КПСС своих зарубежных единомышленников. Настоящую бурю вызвали разоблачения бывшего работника идеологического отдела ЦК КПСС Александра Евлахова, предавшего гласности секретные счета, которые партия переводила за рубеж, в частности на поддержание французских коммунистов. Это стало сенсацией, ее обсуждали во всем мире. Но утверждать, что смерть еще одного работника центрального аппарата КПСС связана только с его посвященностью в финансовые тайны партии, невозможно. Для этого нужны доказательства. А их не было.

Чего только тогда не писали о «золоте партии». Муссировался слух, что часть «партийного золота» хранилась... в памятнике Дзержинскому перед комплексом зданий КГБ. Мол, надежнее хранилища не придумаешь. Не потому ли первым делом и принялись за памятник?

Пресса была полна разоблачительных материалов о роли КГБ в деле о валютных миллионах КПСС. Служба внешней разведки России – преемница Первого Главного управления КГБ СССР – долго хранила молчание. Наконец, пресс-секретарь директора СВР Татьяна Самолис сообщила о результатах встречи Генерального прокурора России В. Степанкова, его заместителя Е. Лисова и руководителя следственной группы прокуратуры С. Аристова с руководством СВР в штаб-квартире этого ведомства в Ясенево.

В ходе беседы обсуждались вопросы, связанные с расследованием дела о деньгах КПСС. По словам Татьяны Самолис, сотрудникам прокуратуры будут предоставлены все имеющиеся в распоряжении разведки факты по этому делу. Была создана специальная комиссия СВР по содействию работе следственной группы прокуратуры.

По обнародованным тогда сведениям, разведка бывшего ПГУ КГБ по поручению ЦК КПСС конспиративно передавала валютные средства компартиям других стран. В то же время она не участвовала в «отмывании» партийных денег, открытии счетов в иностранных банках и создании за рубежом предприятий, о чем беспрестанно трубили многие средства массовой информации.

Следственная группа допросила по этому вопросу и бывшего генсека. Вот что рассказал следователям Горбачев:

– О том, что зарубежным компартиям оказывается финансовая помощь, я узнал в 1980 году, когда стал членом Политбюро... Будучи Генеральным секретарем, я курировал этот вопрос, но это даже не расписывалось в обязанности, этот вопрос шел сам собой десятилетиями. Зарубежным компартиям помощь оказывалась традиционно...

Экс-генсек сообщил: ему неизвестно, каковы были порядок и механизм формирования Международного фонда помощи левым рабочим организациям. Что касается ее размеров, то это было связано с изучением реальной ситуации и основывалось на информации «международников».

Далее он пояснил:

– Мне не известно, на основании каких документов закладывались в валютный план данные о спецрасходах ЦК КПСС и неизвестна структура спецрасходов. Я думаю, что эти цифры давало Управление делами ЦК. Партийный бюджет и отчет о его исполнении рассматривались и на Секретариате, и на Политбюро. По расходам расшифровка давалась, но сведения о размере помощи зарубежным компартиям там никогда не фигурировали. Это было засекречено, это была «особая папка»...

По поводу публикаций в прессе о денежных средствах КПСС в зарубежных банках и о том, что там имеются его счета, Горбачев сказал, что это чушь. Счетов в зарубежных банках у него нет. Он даже отдал на гуманитарную помощь все свои гонорары от издания книг и Нобелевскую премию.

Ему также не известно о наличии за рубежом дач, особняков и другого недвижимого имущества, принадлежащего КПСС. Во время его пребывания на посту Генерального секретаря партии недвижимость за рубежом не приобреталась...

Российские власти Горбачеву не поверили и создали специальную комиссию по поиску за границей валютных средств КПСС. Егор Гайдар даже обратился за помощью к частному детективному агентству, щедро оплатив его услуги.

Говорят, что зарубежные частные детективы составили список русских фамилий, на счетах которых в западных банках лежали баснословные валютные суммы. Список якобы был представлен заказчику, который, прочитав фамилии, едва не упал в обморок. Они принадлежали известным демократам, представителям новой российской правящей элиты.

Детективы сработали добросовестно – как и предписывалось контрактом, они искали вкладчиков с русскими фамилиями!

В ноябре 1997 года газета «Комсомольская правда» опубликовала материал, который внес ясность в слухи о конфузе с поиском денег КПСС. Оказывается, Е. Гайдар, в бытность свою и. о. премьер-министра России, действительно создал группу, состоявшую из сотрудников спецслужб, которая занималась поисками увезенных за границу функционерами КПСС денег и ценностей. Одновременно, не очень-то рассчитывая на профессионализм переметнувшихся к демократам лубянских специалистов, Гайдар за огромные деньги – около миллиона долларов – нанял специальное детективное агентство из США.

Руководителем отечественной группы по поиску «золота партии» Гайдар назначил Михаила Гуртового – заместителя редактора отдела экономики газеты «Правда». Для ясности добавим, что редактором этого отдела был сам Егор Тимурович. Став и. о. премьера, Гайдар зачислил недавнего зама своим помощником и руководителем секретной комиссии. Тот, естественно, развернул кипучую деятельность, о которой и поведал корреспонденту «Комсомольской правды» Михаилу Рыбьянову.

Бывший сотрудник центрального органа партии подвел под свою деятельность историко-теоретическую базу:

– После Октябрьского переворота большевики были уверены, что на самом деле их власть «не всерьез и ненадолго». Вырученное от продажи леса, драгоценностей, антиквариата рассовывалось по зарубежным счетам, открытым в свое время сначала японским, а потом германским Генеральными штабами. Затем, уже между большевиками, началась драка за дележ награбленного. Именно в результате этой драки погибло множество «героев революции», и репрессии имели в том числе и такую подоплеку... Вы никогда не задумывались, зачем столь упорно на Лубянке пытали и так уже сознавшихся во всех преступлениях старых большевиков? Сталину нужны были деньги партии, в свое время увезенные его соратниками за границу. Скорее всего из партийцев выбивали конкретные номера банковских счетов. По нашим данным, в результате Сталину действительно удалось кое-что вернуть.

Прав древний мудрец: мир – это зеркало, и каждый видит в нем то, что хочет увидеть.

Увы, все потуги группы Гуртового были тщетными. Поездки в Швейцарию, где, по мнению главы секретной комиссии Гайдара, хранились деньги КПСС, ничего не дали. Безрезультатными оказались встречи с тамошними банкирами, прокурорами, судьями.

А как обстояли дела у специального детективного агентства из США?

– Да, за немалые деньги было нанято знаменитое агентство Кролла, которое в свое время раскрыло зарубежные счета филиппинского диктатора Маркоса и Саддама Хусейна, –

ответил корреспонденту золотоискатель Гуртовой. – Но, к сожалению, насколько я знаю, в результате они не вернули в Россию ни цента, и вскоре с ними прекратили работать.

– Говорили, что от их услуг отказались потому, что американцы нашли счета нашего высшего руководства.

– Полный бред. По моим сведениям, ничего сколько-нибудь важного они не нашли.

– А вы – нашли?

– Информации, конечно, было множество. Но реальных механизмов возврата этих денег нет до сих пор.

Гуртовой признавал: о среднем звене российского руководства удалось узнать немало неприглядного. О министрах, замминистрах, мэрах, губернаторах, прочих фантастических проходимцах, втершихся в доверие к высшим руководителям.

Втершихся в доверие или их доверенных лиц? Разница большая.

В заключение остается лишь привести сообщение ИТАР-ТАСС о заявлении американского частного сыскного агентства «Кролл ассошиэйтс», которому Гайдар выделил немалую сумму долларов на поиски денег КПСС и которое, по его словам, задачу не решило. «Мы не знакомы с заявлением господина Гайдара и потому не можем его прямо прокомментировать. Мы можем заявить, что «Кролл ассошиэйтс» на самом деле проводило расследование по поручению российского правительства и что мы смогли добыть и передать значительный материал российским властям. Мы понимаем, что политическая ситуация в Москве могла усложнить для нашего клиента эффективное использование этого материала».

Ни одно средство массовой информации в России это сообщение ИТАР-ТАСС не опубликовало.

Деньги КПСС волновали воображение не только журналистов, волей случая вознесенных на самый верх властной пирамиды, но и одного из недавних руководителей КПСС Б. Ельцина. На одной из сессий Верховного Совета РСФСР он обратился к народам мира с просьбой помочь найти вклады партии в иностранных банках. А Генеральный прокурор В. Степанков в январе 1992 года обратился с аналогичной просьбой к швейцарскому правительству.

Одна из швейцарских газет, комментируя столь необычные просьбы новых российских властей, писала: что делают грабители, проникнув в дом? Правильно, ищут деньги.

Впрочем, деньги КПСС на зарубежных счетах были все же обнаружены, о чем не преминула сообщить российская пресса. Случилось это в конце 1997 года. Швейцарские банкиры через Интернет обнародовали список фамилий владельцев, которые длительное время не пользовались своими вкладами. В объемном перечне невостребованных состояний значился Ульянов Владимир. На его счете – чуть менее ста швейцарских франков, поступивших скорее всего в качестве литературного гонорара.

Глава 5. Безработный цекист

Девятого сентября мне домой позвонила моя секретарь и передала, что все мы должны явиться в пятый подъезд, в такую-то комнату, где нам выдадут под расписку какие-то важные документы. Какие – она не знает. Посыпались звонки от коллег. Многие увидели в этом доброе предзнаменование: если вызывают, значит, мы нужны своему руководству. Опять же – вот и комнаты выделили в пятом подъезде. Может, еще не все потеряно? Может, что-то изменилось в лучшую для нас сторону?

На Старой площади я увидел много знакомых лиц. Некоторые уже возвращались из пятого подъезда. По их хмурым, растерянным лицам можно было понять, что надежды не оправдались. Причина вызова была грустной. Все работники аппарата ЦК КПСС получили письменные уведомления на отличной мелованной бумаге с грифом «Коммунистическая партия Советского Союза. Центральный Комитет» об увольнении.

Получил такой документ и я. Документ в своем роде уникальный, пожалуй, единственный за всю почти столетнюю историю партии. Он заслуживает того, чтобы его процитировать:

«Уведомление об увольнении по сокращению штатов. В соответствии с постановлением Секретариата ЦК КПСС от 6 сентября 1991 года № Ст-38 -11 г. т. (далее следовали фамилия, имя и отчество, вписанные рукой) 9 сентября 1991 г. предупрежден о том, что по истечении двух месяцев он (она) подлежит увольнению по сокращению штатов (пункт 1 статьи 33 КЗоТ РСФСР).

В течение этого времени работник может уволиться по собственному желанию в связи с переводом на другое предприятие, в учреждение, организацию (статьи 31 и 29 пункт 5 КЗоТ РСФСР) и по другим основаниям, предусмотренным трудовым законодательством.

Для высвобождаемого по сокращению штатов работника сохраняются льготы и компенсации, предусмотренные статьей 40-3 КЗоТ РСФСР при условии, если он в течение 10 календарных дней после увольнения зарегистрировался в службе занятости в качестве лица, ищущего работу».

Бумага подписана председателем комиссии ЦК КПСС и ЦКК КПСС по организационно-хозяйственным вопросам П. Лучинским (вот как правильно называлась его должность!) и заместителем председателя профкома профорганизации аппарата ЦК КПСС Е. Кузнецовым. Ниже следовала графа для подписи лица, предупрежденного об увольнении.

За шесть лет работы в аппарате ЦК я привык ничему не удивляться. Тем более не возмущаться и не оскорбляться. Но, когда мне уведомление об увольнении вручила моя же собственная секретарь, прежние представления о начальниках значительно расширились. В конце концов существуют же такие понятия, как служебная этика, достоинство, наконец. А содержательная часть самого уведомления? При чем здесь сокращение штатов? Речь шла о роспуске ЦК, приостановке деятельности партии, а поскольку мы были аппаратом ЦК, то правильнее было бы говорить об упразднении организации.

Документ для истории

Он имеет название «Распоряжение Совета Министров РСФСР» номер 952-р и дату подписания – 28 августа 1991 года. Обнародован в печати 3 сентября того же года.

«В связи с Указом Президента РСФСР от 23 августа 1991 года № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР» и от 24 августа 1991 г. «Об имуществе Коммунистической партии Советского Союза», а также с учетом многочисленных обращений органов государственного управления РСФСР и граждан:

1. Определить, что расторжение трудового договора с работниками, высвобождаемыми в связи с приостановлением деятельности органов и организаций КПСС и Компартии РСФСР, может производиться по пункту 1 статьи 33 КЗоТ РСФСР или по желанию работника по другим основаниям, предусмотренным действующим законодательством.

Для высвобождаемых работников сохраняются гарантии в области занятости, а также льготы и компенсации, предусмотренные статьей 40-3 КЗоТ РСФСР. Выплаты высвобождаемым работникам производятся органами исполнительной власти из средств соответствующих бюджетов с последующим возмещением выплаченных сумм за счет средств КПСС и Компартии РСФСР.

2. Установить, что за работниками, указанными в пункте 1 настоящего распоряжения, до момента расторжения трудового договора сохраняется средняя заработная плата, но не более чем в течение 30 дней, со дня принятия Указа Президента РСФСР «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР».

3. Советам Министров республик в составе РСФСР, исполнительным органам власти краев, областей, автономной области и автономных округов, гг. Москвы и Ленинграда принять исчерпывающие меры к трудоустройству высвобождаемых работников в соответствии с действующим законодательством, а также решить вопросы, связанные с получением трудовых книжек и документов, необходимых для получения выплат, предусмотренных в пункте 1 настоящего распоряжения.

4. Поручить Минтруда РСФСР давать разъяснения, связанные с применением настоящего распоряжения».

Документ подписан председателем Совета Министров РСФСР И. Силаевым.

Кто такой Силаев? Это имя сегодня уже порядком подзабыто.

Последний глава правительства Советской России родился в 1930 году в селе Бахтызино Вознесенского района Нижегородской области в крестьянской семье. Русский. В КПСС вступил в 1959 году. Окончил Казанский авиационный институт по специальности инженер-механик по самолетостроению.

С 1954 года после окончания института – на Горьковском авиазаводе им. С. Орджоникидзе: мастер, старший контрольный мастер, начальник бюро цехового контроля, начальник технического бюро. С 1959 года там же – начальник цеха, с 1964 года – заместитель начальника производства, с 1965 года – заместитель председателя завкома профсоюза, с 1966 года – заместитель главного инженера завода, с 1969 года – главный инженер – заместитель директора завода, с 1971 года – директор завода.

С 1974 года – заместитель министра, с 1977-го – первый заместитель министра авиационной промышленности СССР. В декабре 1980 г. – феврале 1981 г. – министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР. В 1981–1985 гг. – министр авиационной промышленности СССР. В 1985–1990 гг. – заместитель председателя Совета Министров СССР, председатель Бюро Совета Министров СССР по машиностроению.

В июне 1990 г. – сентябре 1991 г. – председатель Совета Министров РСФСР. Одновременно в августе – сентябре 1991 г. – председатель Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР. В сентябре – декабре 1991 г. – председатель Межреспубликанского экономического комитета – премьер-министр Экономического сообщества СССР. С декабря 1991 г. по 1994 г. – постоянный представитель России при европейских сообществах в Брюсселе в ранге Чрезвычайного и Полномочного посла России. После возвращения из Брюсселя – председатель Международного союза машиностроителей.

Депутат Верховного Совета СССР 10—11-го созывов. Член ЦК КПСС в 1981–1991 гг. Герой Социалистического Труда (1975 г.). Награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции. Лауреат Ленинской премии (1972 г.).

Это он, член ЦК КПСС, кавалер двух орденов Ленина и лауреат Ленинской же премии, внес ясность по поводу ключевой фигуры путча на чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР 21 августа.

Ее первое заседание началось со следующего сообщения Ельцина (цитирую стенограмму. – Н.З.): «На сегодняшний час задержаны и находятся в соответствующих определенных местах бывший министр обороны Язов (аплодисменты), бывший председатель Комитета госбезопасности Крючков (аплодисменты). В связи с тем что председатель Кабинета министров Павлов находится в больнице, к нему приставлена соответствующая охрана (аплодисменты). Взят под стражу Янаев (аплодисменты). Взят под стражу генеральный директор завода имени Калинина Тизяков (аплодисменты). И сейчас группа поехала домой к министру внутренних дел, бывшему министру Пуго (аплодисменты)».

И тут, со своего места вскакивает глава российского правительства Силаев.

Слово стенограмме: «Силаев. Я хочу сказать о том, чего пока не знают многие члены Верховного Совета о Лукьянове. По существу, он был главным идеологом всего происшедшего (аплодисменты). Он был главным идеологом этой хунты (аплодисменты)».

Спрашивается, кто тянул его за язык? Так хотелось выслужиться перед новыми хозяевами, что не мог удержаться? Выслуживаться, впрочем, было за что. В ночь на 21 августа Силаев решил покинуть Белый дом, так как был уверен, что штурм неминуем и всем, кто находится внутри, живыми не остаться. Он попрощался с Ельциным и отбыл восвояси. Однако его уход из Белого дома не остался незамеченным для КГБ. Через несколько лет Крючков, вспоминая этот эпизод, иронично воскликнул:

– Эх, горе-политик! Лучше бы этот герой поведал, где он провел время в ночь на 21 августа...

Силаев не только топил Лукьянова. Заглаживая свое малодушное поведение в ночь, когда ожидался штурм, он произнес сакраментальную фразу:

– Я бы всех этих гэкачепистов расстрелял из автомата!..

Трагическое всегда соседствует с комичным. Тогдашний мэр Москвы Гавриил Попов с гордостью сказал, что выполнил свою историческую миссию в три дня августовского путча, когда с политической арены была окончательно устранена Коммунистическая партия. По приказу мэра в те дни были заняты здания ЦК и МГК КПСС на Старой площади.

Но вот прошло некоторое время, и в книжке бывшего ельцинского телохранителя Коржакова мы находим живописное описание участия московского мэра Гавриила Попова в обороне Белого дома. «Горячих блюд не подавали, – тонко подмечает Коржаков важные детали исторического момента. – Мы жевали бутерброды, запивая их либо водой, либо водкой с коньяком. Никто не захмелел, кроме тогдашнего мэра Москвы Гавриила Попова – его потом двое дюжих молодцов, я их называл «двое из ларца», – Сергей и Владимир – еле вынесли под руки из подвала. А уборщицы жаловались, что с трудом отмыли помещение после визита Гавриила Харитоновича.

Попов всегда выпрашивал у меня охрану – он говорил, что боится физической боли и в случае нападения может запросто умереть от страха. Его дача находилась в лесу, к ней вела узкая дорога, и любой хулиган, по мнению профессора, мог сделать с ним все, что угодно».

Попов ушел в отставку летом 1992 года. Менее года понадобилось ему, чтобы понять: не на борьбу же с КПСС избрали его мэром москвичи. Надеялись – с его помощью станут жить лучше. Не стали. Недаром студенты МГУ, где он преподавал, любовно называли его «наш Ганс Христиан Андерсен Нексе». Оказалось, не так-то просто претворять в жизнь замечательные идеи.

Вслед за Поповым началась целая серия отставок – Галина Старовойтова, Егор Гайдар, Геннадий Бурбулис. В России никто не уходит в отставку сам, по своей воле. О Попове

рассказывали, что в кабинете он высиживал не более трех часов в день. То в загранкомандировках, то болел.

Но я несколько отвлекся.

В Политбюро и Секретариате с февраля 1991 года появился новый человек, как он потом признается, бывший «на стороне демократов», специально занимавшийся средствами массовой информации. Других обязанностей у Петра Кирилловича Лучинского не имелось. Только пресса, притом партийная. В аппарате ЦК он курировал пресс-центр, в котором в августе 1991 года оставалось всего-навсего пять ответственных работников плюс пять технических – итого десять человек. Да в идеологическом отделе печатью «ведали» семь консультантов и референтов. У Лучинского не нашлось нескольких минут, чтобы собрать своих подопечных и выразить сожаление по поводу случившегося, поблагодарить за работу, поддержать растерявшихся людей в трудную минуту. Аппарат-то ведь обслуживал их, членов Политбюро и Секретариата! И вот финал – вежливо-холодное равнодушие.

Вышел я с полученной бумаженцией из здания, а ощущение такое, будто в душу наплевали. Поплелся в здание столовой – сказали, что там выплатят какое-то пособие. По безработице, что ли?

Столовая функционировала. Деловитые низкорослые парни в милицейской форме с короткоствольными автоматами выносили кульки с мясным фаршем и котлетами, прочими цековскими деликатесами и тут же за углом перепродавали их друзьям и знакомым. Здесь же шли денежные перерасчеты, в них участвовали и офицеры-охранники, которых, похоже, не смущали телекамеры и фотообъективы иностранных журналистов, снимавших на пленку сцены пира победителей и дележа добычи. Впрочем, ничего необычного. И раньше работники ЦК отоваривали здесь своих людей. Разница лишь в том, что тогда не было столько посторонних глаз.

Помню, как неприятно поразила меня подобная сцена в августе 1985 года, когда, оставив чемодан в камере хранения Белорусского вокзала, я приехал в десятый подъезд, где тогда располагался отдел пропаганды. С утра там началось совещание, пропуск не был заказан, и мне часа полтора пришлось ожидать у постового. С улицы входили толстые, с завитушками на головах тетки, к ним спускались буфетчицы с огромными свертками и пакетами и прямо на моих глазах продавали их теткам.

ЦК всегда был хлебным местом для обслуживающего персонала, поэтому его менее всего затронули перемены на Старой площади. Обслуге разрешили остаться на прежней работе. Новые хозяева и раньше были в восторге от кулинарных способностей цековских поваров, а сейчас, когда в столовой, как прежде, торопиться не надо, еще больше смогли оценить их выдающееся искусство. Тоже вкусно покушать любят.

Встретил знакомую продавщицу книжного киоска. Вконец расстроена. Что такое, спрашиваю. Оказывается, в первый же день ей было велено выметаться вместе со своими книгами. «Здесь работать будут, а не читать, ясно?» – сказали ей. Это они погорячились, успокаиваю ее, не знали, какими книжками вы торгуете. Посветлела лицом. Действительно, говорит, на прилавках лежала партийно-политическая литература. Через несколько дней встретились, тоже случайно, сияет: все в порядке. Оставили. Я рассмеялся: наш брат чиновник не только вкусно поесть любит, но и до всякого дефицита, включая книжный, охоч.

А в тот день, когда уведомление об увольнении получил, не до смеха было. Тягостное впечатление производил вид недавних коллег. В гуманитарном отделе еще в конце августа определилось с трудоустройством все руководство. Старшим «по должности» в отделе остался заведующий сектором Геннадий Барабанщиков. Покинутые работники предоставлены сами себе.

Упорно муссировались слухи о негласном распоряжении Президента СССР относительно цековских и других партийных работников, коих строжайшим образом предписыва-

лось не брать на работу в госструктуры. Исключение якобы делалось для молодых, до сорока лет, инструкторов и консультантов. На всех начальников, начиная с заведующих секторами и выше, накладывалось табу. Из самых разных источников поступали подтверждения этих слухов.

Не помогла и короткая заметушка в газете «Рабочая трибуна», в которой сообщалось, что Горбачева ознакомили с этими слухами специальной запиской, и он на ней красным карандашом начертил: «Это грубая ложь». На госслужбу попали считанные единицы из числа бывших партаппаратчиков. Через три месяца после нашего позорного изгнания со Старой площади я узнал, что большинство моих прежних сослуживцев устроились в различные коммерческие структуры или в научные учреждения. Некоторые стали учителями в обыкновенных московских средних школах. Все они с трудом привыкали к своему новому положению.

Но в первые дни после опечатывания зданий ЦК не исчезала надежда, что все образуется. Ее подогрел член Политбюро Петр Лучинский, с которым у меня состоялся такой вот разговор, который я сразу же записал по горячим следам.

– Безусловно, особых иллюзий я не питаю, – сказал председатель ликвидационной комиссии. – Хотя некие обнадеживающие симптомы есть. Нас, например, перевели из пятого подъезда, где располагались хозяйственные службы Управления делами, в девятый подъезд.

– Ближе к первому, где сидели секретари ЦК?

– Я бы не сказал так однозначно, – не откликнулся на шутку Лучинский. – Но в девятый подъезд пропускают всех работников ЦК по их служебным удостоверениям. Это уже кое-что. Раньше вход был воспрещен.

– Петр Кириллович, лично вы уже определились с местом работы?

– Пока нет. Возглавляю ликвидком. Уйду, когда последний работник ЦК будет трудоустроен.

– Куда уйдете?

– Я секретарь ЦК. Меня избирали на пленуме ЦК. Только он правомочен освободить меня от этой должности. Куда – будет видно.

– Как вы считаете, когда будет созван пленум ЦК?

– Не знаю. Секретариат ЦК обратился к президентам Горбачеву и Ельцину о выделении помещения для проведения пленума. Ответ категоричен – нет.

В блокноте сохранилась запись моей беседы с членом ЦК КПСС, секретарем парткома аппарата ЦК КПСС Виктором Рябовым.

– Виктор Васильевич, – спросил я, – ходят слухи, что вы перешли к Юрию Афанасьеву первым проректором Российского государственного гуманитарного университета...

– Да бросьте вы эти выдумки. Я – Рябов, который в течение двенадцати лет был ректором пединститута и университета в Куйбышеве. Так вот, совершенно официально заявляю вам, что работаю профессором МГУ.

– Это верно, что Горбачев перед отъездом в Форос уговаривал вас занять пост секретаря ЦК Компартии России, но вы отказались?

– Действительно, Горбачев просил меня баллотироваться на выборах в секретари ЦК РКП по идеологии. Я отказался. На одной из пресс-конференций я публично заявил, что первый секретарь российского ЦК Иван Полозков – человек, политические часы которого отстают. Полозков тогда жестоко обиделся и на встрече в ЦК высказался в том смысле, что де аппаратчику негоже сметь свое суждение иметь. Горбачев уговаривал меня минут двадцать, но я сказал, что меня не устраивает видение мира Полозковым. Горбачев мне сказал: «Именно это нам и нужно. Ортодоксы устроили свист и стукотню». Но я отказался.

– Где вы были во время путча?

– Восьмого августа с женой я отправился в Форос, в санаторий «Южный», что в семи километрах от дачи Горбачева. О заговоре услышал в столовой, за завтраком, девятнадцатого августа. В Москву вернулся двадцать третьего августа, у меня тяжело заболела жена.

– Поддержал ли путчистов аппарат ЦК КПСС?

– Большая часть – уверен – не поддержала. Хотя над подготовкой злополучной шифрограммы, видимо, работал орготдел. Ее, как известно, подписал член Политбюро Олег Шенин. Он же пытался через моего зама по парткому ЦК Владимира Герасименко собрать аппарат – для поддержки ГКЧП. Тот отказался.

– Вы приехали в Москву. К кому вы обратились – как секретарь парткома аппарата ЦК КПСС?

– Естественно, в Секретариат ЦК. Он был полностью деморализован. Приемные не отвечали, кто находился в здании – неизвестно. Я предложил Александру Дегтяреву – заведующему идеологическим отделом – выступить с заявлением о роспуске партии и поддержке правительства России. Что и было сделано – еще до приостановки деятельности КПСС.

– Виктор Васильевич, но ведь вы были секретарем парткома аппарата ЦК, у вас на учете состояли члены Политбюро и секретари...

– В первый момент я находился в состоянии шока. Потом поразмыслил и решил окончательно забросить политику. Хочу вернуться к научной, преподавательской работе – я ведь педагог не только по образованию. Ну, а тем, кто кроме аппаратной работы ничего не умеет, придется, видимо, туговато.

– Виктор Васильевич, простите, а где вы живете, в каком районе?

– (Смеется.) В привилегированном. В одном доме с Борисом Ельциным.

Многих высокопоставленных чинов найти было крайне трудно. Днем их квартирные телефоны молчали. Иных застать можно было только вечером, когда они усаживались у телевизоров и ждали новостей. Обнадеживающих?

Не знаю. Но их мнения о происходящем очень интересовали зарубежную прессу. Я добросовестно заполнял свои блокноты.

Первый заместитель заведующего гуманитарным отделом ЦК Станислав Чибиряев сказал:

– О чем сожалеть? Я и к кабинету не успел привыкнуть...

– Станислав Архипович, где вы сейчас работаете?

– Как и прежде, директором издательства «Наука».

– Извините, не понял...

– Когда меня перевели в начале года в ЦК, с предыдущего места работы я не увольнялся. Получилось как бы по совместительству. Знаете, я даже трудовую книжку не сдавал в ЦК.

– Вас уговаривали?

– Ну конечно. В последнее время ведь никто не хотел идти работать в ЦК. Я пошел. Через полгода мне звонят из Управления делами: а почему вы не занимаете дачу? Оказывается, работникам моего ранга было положено. А я не знал. Как и много чего другого.

– Как вы оцениваете секретарей ЦК? Некоторые говорят, что это они привели партию к драматическому финалу...

– Я редко с ними общался. В августе замещал своего заведующего – он был в отпуске. Вот тогда пришлось несколько раз поприсутствовать на заседаниях Секретариата. Именно там я понял, чего они стоят. Если откровенно, то ждал XXIX съезда – предполагал, что пройдут крупные перемены, обновление.

– У вас есть ученая степень?

– Да, я доктор юридических наук. Не пропаду.

Коллега Чибыряева, заместитель заведующего гуманитарным отделом Сигитас Ренчис, горько признался:

– В Москве оставаться не вижу смысла. В конце августа, сразу же после путча, я подал заявление об уходе из ЦК по собственному желанию. Ожидать увольнения в связи с упразднением организации не стал. Это было бы для меня унижительно.

– Вы уже где-то работаете?

– Нет. Я решил возвращаться к себе на родину. Я ведь из Вильнюса, там у меня родители, друзья. Приятели зовут – без работы, мол, не останешься. Буду заниматься наукой, литературой. Я ведь член Союза писателей Литвы. В нынешней обстановке оставаться в Москве считаю бессмысленным. Каждый человек должен быть со своим народом в трудное для него время.

– Проблем с переездом нет?

– Пока вроде нет. Занимаюсь обменом квартиры. На это уходит уйма времени. Не дай бог – наши присутственные места. Вот уж где нервы потреплют. К Новому году, думаю, буду уже в Вильнюсе.

– А сейчас чем занимаетесь?

– Выгуливаю собаку. В нашем доме уже многие знают, что я меняю квартиру и уезжаю в Литву. Встречаю недавно Геннадия Зюганова в скверике возле дома, он тоже мой сосед, – Геннадий Андреевич осуждающе покачал головой. Не одобряет, значит...

«Свет не без добрых людей», – многозначительно произнес Василий Кремень, бывший помощник бывшего заведующего идеологическим отделом А.С. Капто.

– Василий Григорьевич, где вы сейчас работаете?

– В Академии наук СССР. Есть там один хитрый институт, называется, скажем так, политологическим. Взяли на работу сразу, даже не предполагал.

– Кто-то знакомый помог? Земляки? Вы ведь из Киева, кажется?

– Из Киева. Да, помогли.

– В зарплате потеряли?

– Не очень. Мне положили 700 рублей, раньше получал 725. Правда, я был уже не помощником Капто, он уехал послом в Северную Корею, и меня перевели на должность заведующего сектором.

– Какого?

– Партийных учебных заведений. Но я социолог по базовому образованию. Хочу вот выпускать «Социологическую газету». Кстати, не знаете, что для этого нужно? Какой тираж необходим, чтобы газета была рентабельной?

Из работников общего отдела удалось разыскать только заместителя заведующего сектором Вячеслава Балакирева.

– Вячеслав Яковлевич, какова ваша судьба?

– Кажется, остаюсь на прежнем месте. Нас всех во главе с первым замзавом отдела Орловым, а это 160 человек, передают в канцелярию Совета Министров России. Мы с Орловым вели протоколы заседаний Политбюро, Секретариата, знаем всю технологию этого процесса.

– Не тот ли это Орлов, который в свое время работал в ЦК ВЛКСМ?

– Он самый. Геннадий Александрович. Очень ценный работник.

– Есть ли разница между прежним руководством и нынешним?

– Новые – тоже нормальные люди. Сейчас они осваивают кабинеты. То же, что и раньше было. Сосиски в буфетах продают.

– Кажется, вы прошлогодний выпускник Академии общественных наук при ЦК КПСС?

– Да. Попал в ЦК в такое время, когда прописка и выдача жилья иногородним работникам партии была запрещена городскими властями. Намучался с семьей. Я ведь из Казахстана приехал. Пока нормально работается. Сосисок в буфетах не ограничивают. Раньше только по полкило в руки выдавали. А теперь – сколько хочешь. Столовая тоже работает. Нормальная жизнь.

Что касается меня лично, то поисков работы я еще не начинал. Так уж, наверное, устроен человек – надежда умирает последней. Через несколько дней мне по секрету сказали: документы на меня затребовали в аппарат Президента СССР. Будут рассматривать на предмет зачисления. Мне и хотелось идти к Горбачеву, и не хотелось. Будь что будет, махнул я рукой. Раздавал интервью, встречался с коллегами.

По их мнению, труднее с поиском новой работы сотрудникам идеологических отделов. Отраслевики уже определились – вернулись в министерства и на предприятия, откуда пришли в центральный аппарат. Хотя и у них трудности возникали: в Москве никогда не было недостатка в квалифицированных работниках.

– Секретари ЦК еще не трудоустроились? – любопытствовали иностранные журналисты.

– По моим сведениям – нет, – отвечал я. – Вчера общался с Ивашко, Строевым, Купцовым, Лучинским.

– Были ли у них встречи с Горбачевым после его возвращения из Фороса?

– Насколько мне известно, ни у кого, кроме Ивашко, встречи не было.

– Судя по всему, и у вас удрученное настроение?

– Нет, отчего же? Какая разница, где писать? Даже интересно: проснулся, и уже на работе...

На людях бодрился, а по вечерам, оставшись один, доверял сокровенные мысли блокноту.

Из записей для себя

3 сентября 1991 года. Все время неустанно повторяю: то, что произошло, – какой-то бред, тяжелый сон. Стоит проснуться, и весь этот кошмар исчезнет. Но он не исчезал, потому что это был не сон.

Вчера ходил по присутственным местам в поисках работы. Облачился в выдавшие виды кроссовки, джинсы, куртку и направился в Кремль. На пятнадцать часов была назначена встреча у Г.В. Пряхина – помощника Президента СССР.

В Кремле проходил Съезд народных депутатов, и потому бдительность комендатуры была потрясающей. К тому же еще мой партикулярный вид, особенно старенькие кроссовки. Солдатики в погонах, на которых красовались буквы «ГБ», придирчиво всматривались в мое удостоверение личности, в пропуск, выданный комендатурой Кремля. Пропустили в здание правительства.

В пропуске было помечено, что следует идти на второй этаж, в кабинет № 44. Я открыл дверь и оказался в приемной. За столиком с телефонами сидел Викторов. Тот самый Вячеслав Викторovich, который был заведующим сектором издательств в старом отделе пропаганды ЦК, в десятом подъезде. В результате первой реорганизации и сокращения партийного аппарата в конце 1988 года он, как тогда говорили, «завис», какое-то время не работал, а потом оказался в общем отделе ЦК. Оттуда Викторов перебазировался в приемную А.Н. Гиренко, секретаря ЦК, и спокойно пребывал там почти полтора года. Иногда я видел его в столовой, во дворе шестого корпуса.

И вот – пожалуйста, неожиданная встреча. Поздоровались. В углу приемной какой-то удрученный человек с потерянным взглядом и посеревшим лицом нервно рвал в клочья бумаги и складывал обрывки в большой бумажный мешок. Очевидно, прежний секретарь бывшего хозяина, догадался я.

Так и есть – огромный кабинет принадлежал Болдину Валерию Ивановичу, бывшему руководителю аппарата президента Горбачева.

Увидев Викторова, я, естественно, удивился. Он объяснил:

– Пряхин попросил заказать тебе пропуск. Он сидит в кабинете № 52, дальше по коридору. А здесь кабинет Ревенко.

Деревенских сразу видно. Из-за волнения и непривычной обстановки я не расслышал произнесенную фамилию и переспросил:

– Гиренко? Так он сюда переехал? Неужели и остальные секретари здесь?

Викторов, опасливо покосившись на уничтожавшего бумаги человека, досадливо повторил:

– Здесь сидит Ревенко Григорий Иванович!

Ах вот в чем дело! Ревенко ведь новый руководитель аппарата президента. Вместо арестованного Болдина. Провинциал несчастный! Тебе не по кремлевским кабинетам ходить, а по загуменью шастать.

Подошел к кабинету № 52. Дернул за ручку – заперто. Пришлось подождать. Наконец слышал шаги по коридору. Пряхин. Отношения у нас неплохие.

Пряхин уже успел позвонить Бутину – заведующему общим отделом аппарата президента. Когда-то Бутин работал в общем отделе ЦК. Я с ним лично не знаком, но по телефону общался не раз, особенно перед пленумами, договаривались о стенограммах для печати. Переговорил Пряхин предварительно и со Львовым – заместителем руководителя группы писем и приема граждан аппарата президента, где искали журналиста на должность заведующего сектором.

При мне Пряхин снова позвонил им по «второй» вертушке. Окончив разговор, сказал мне:

– Понимаешь, елки-палки, какие дела. Львов говорит, что прием новых людей в аппарат президента приостановлен – разрабатывается новая структура президентской канцелярии. Придется подождать. Но все равно ты завтра позвони ему.

Рассказал немного о путче. Он был с семьей на даче в Успенском. В понедельник, девятнадцатого августа, ему позвонили с телевидения друзья (до прихода в ЦК Пряхин работал заместителем председателя Гостелерадио СССР). Они предупредили, чтобы он прятался. Вроде была слезка за его машиной, когда он ехал домой.

– Думал, что придет другая машина, нет, оказалось, из нашего гаража. Облегченно вздохнул. Набор книги Раисы Максимовны «Я надеюсь» в первый же день путча рассыпали. Но сейчас она выходит. Уже вроде продается.

Рассказывал еще какие-то подробности, о них я вспомню попозже, сейчас речь не об этом.

В общем, побалакали мы с ним полчаса, и я распрощался. Пропуск отметил Викторов.

– Ну как, удачный разговор? – поинтересовался он.

– Да как сказать, – неопределенно ответил я.

На выходе сдал отмеченный пропуск и вышел из Кремля. У Спасских ворот – демонстранты. Плакаты, самодельные лозунги. Двое мужиков, мордастых и откормленных, держат за палки кумачовый транспарант с требованием убрать из Кремля депутатов от КПСС. В другом месте производят запись уволенных работников ЦК КПСС в колхоз имени товарища Стародубцева. Цепочки угрюмых, недоброжелательных лиц. Истеричные выкрики. Обвинения партии в преступлениях, воровстве, жизни за счет народа. Когда входил в Кремль,

едва протиснулся к Спасским воротам. Сейчас людей вроде поубавилось, но агрессивности меньше не стало.

На метро доехал до «Правды» – надо было передать пакет в Минск. У них хорошая возможность для этого – вместе с матрицами завтрашнего номера газеты.

Осечка получилась уже на входе. Плюгавенький милиционерчик с птичьим личиком долго рассматривал удостоверение работника ЦК. Затем, скорчив мину, гнусаво произнес:

– Звоните. Пусть вам заказывают пропуск. Как всем.

И, довольный своей смелостью, отвернулся.

Позвонил Черняку, ответственному секретарю «Правды»:

– Не пушают.

– Пусть возьмет трубку постовой, – властно сказал Александр Викентьевич.

Я передал трубку сержанту. Он с неохотой взял ее, долго отбрыкивался, но в конце концов уступил. Вот так-то, товарищ полковник! Привыкли в ЦК с маршалами да разными там генералами общаться. А здесь начальником – сержант!

Разговор с Черняком был долгий. Обсуждали минувшие и текущие события. Он рассказывал, что уже к концу дня девятнадцатого августа многие в редакции поняли, что ГКЧП проигрывает. Но и в следующих номерах продолжали публиковать его документы – они исправно поступали по каналам ТАСС с грифом «Литерная», то есть обязательные к публикации.

Ситуация для «Правды» сложилась крайне трудная. С одной стороны, она послушно печатала все документы ГКЧП и освещала противостояние в Москве с его позиций. С другой стороны, секретари ЦК КПСС Дзасохов, Лучинский, Калашников спешно собрали пресс-конференцию и дистанцировались от «путчистов», обвиненных российскими властями в «измене Родине». Выпуск «Правды» как пособницы ГКЧП был остановлен. Политбюро в панике разбежалось, генсек отрекся от партии. Специальным указом Ельцин арестовал счета КПСС, и «Правда» осталась без средств к существованию.

– Но газета не умрет. Никогда! – твердо заверил Черняк.

Мы еще порассуждали на эту тему. Наконец, когда я поднялся с кресла, он сказал, что место в «Правде» для меня найдется. У них произошли перерегистрация и внутренняя реорганизация, упразднены должности заместителей и введены руководители направлений. Одно из таких направлений – у Черняка. Несколько отделов, в составе которых двенадцать человек. Нужны люди, много вакансий.

– Место политобозревателя тебе обеспечено.

Я сердечно поблагодарил за память. Как-никак столько лет был куратором «Правды», когда-то это входило в мои обязанности заместителя заведующего сектором газет. Не забыли. Спасибо, ребята. Так и должны поступать порядочные люди.

– Может, мне к Селезневу зайти? – спросил я Черняка. – Или нашего разговора достаточно?

– Можешь зайти. Он человек хороший.

Геннадия Николаевича Селезнева я знаю с тех пор, когда он был главным редактором «Комсомольской правды», потом возглавлял «Учительскую газету», едва не стал секретарем ЦК КПСС. Отношения были прекрасные. Ежедневно встречались на Секретариатах ЦК.

Захожу в приемную Селезнева, благо это по пути – кабинет нового главного редактора «Правды» тоже на восьмом этаже. Селезнев в кабинет прежнего главного редактора «Правды» Фролова переселяться не стал, остался в своем. Кстати, Иван Тимофеевич Фролов во время путча был в ФРГ, ему сделали тяжелую операцию, и перемены в редакции произошли в его отсутствие.

Секретарь доложила главному, и вот я уже в его кабинете. Традиционное поздравление с новой должностью, в ответ широчайшая улыбка. И – рассказ о планах реорганизации редакции. Увольнение пенсионеров, сокращение штатов, особенно технических работников.

Должно остаться не более 150 человек. У них сейчас около 500. Не прошли по конкурсу заместители главного редактора Валовой, Королев и другие ветераны.

Селезнев предстоит уволить столько людей! Для большинства из них газета – это жизнь. По тридцать-сорок лет отдали любимому делу. И вот вместо кого-то из них приду я. Партаппаратчик. Как смотреть в глаза этим старикам?

Селезнев предупредил, что в девятнадцать у него будет какой-то фирмач. Времени оставалось минут десять, и тут зашел некий юркий молодой человек. Оказалось – новоиспеченный руководитель одного из направлений, кажется, коммерческого. Так и есть. Селезнев представил меня:

– Безработный гражданин, в прошлом руководитель пресс-центра ЦК КПСС.

Молодой человек оживился:

– Безработный? Я вам помогу. В «Инженерную газету» хотите? Там нужны люди. Корреспонденты.

Селезнев вклинился:

– Я тоже могу помочь. В «Рабочую трибуну» нужны люди в секретариат. Хочешь, позвоню Юркову?

Хотел бы я посмотреть на себя в эту минуту в зеркало. Более жалкой у меня, наверное, никогда не было улыбки на лице. Юркова-то я и сам знаю. Не так давно он приглашал к себе первым замом. А тут – сменным секретарем! Фактически техническая должность. Да...

Потом молодой человек ушел. Поднялся и Селезнев, сказал по-комсомольски:

– Не огорчайся, Коля. Может, и у нас что-нибудь появится...

Вот такие в основном впечатления вчерашнего дня.

Сегодня позвонил Львову из дома по городскому телефону. То же, что говорил Пряхин: разрабатывается новая структура аппарата президента. Сегодня к вечеру должны отдать схему Ревенко. Телефон домашний записал, но подтвердил, что набор новых сотрудников приостановлен. Уловка? Повод для отказа? Сомневаюсь, что я единственный, кто обратился к старым знакомым из администрации президента.

Утром позвонил Олег Александрович Зикс из журнала «Сельская молодежь». За пару месяцев до августовских событий он уговорил меня подготовить серию публикаций из рассекреченных партийных архивов. Один материал – о Щорсе – я уже сделал и передал в журнал. Зикс подтвердил: полученный материал идет в первый номер в новом году. Попросил подготовить что-нибудь еще для февральского номера. Пригласил приехать в редакцию, пообещал посодействовать в трудоустройстве.

Из поликлиники звонят: несмотря ни на что, приезжайте на диспансеризацию и супруге напомните. Можно даже пятого, в четверг, мы работаем и вечером.

Совсем вывели из себя звонками: надо сдать диктофон. Куда они торопятся, безмозглые дуры? Ох уж эта аппаратная исполнительность – бездумная, бессмысленная, страшная. Как бараны на бойню...

Надо ехать за дочерью в школу, она учится в третьем классе, привезти ее домой, а затем везти на музыку. Времени у меня сейчас много, вполне можно заняться воспитанием.

А интересно описывать дни безработного. Реакцию людей, изменение отношений. У «Сельской молодежи», беспартийного издания, одна позиция, а у родного «Политиздата» – совсем иная. Но об этом в другой раз.

4 сентября. Утро началось со звонка из Алма-Аты. Амангельды Ахметалимов, директор Казахстанского информационного агентства, однокурсник по ВПШ при ЦК КПСС. Спрашивает, как дела, как настроение. Поинтересовался деталями: что с дачей, каковы перспективы трудоустройства. Дачу сдал, относительно перспектив глухо.

Вчера был разговор с Шаровым, первым замом главного редактора газеты «Сельская жизнь». Пришел он в ЦК в 1988 году, когда я был зам. зав. сектором печати. Помню, как

пообещал ему, что сделаю его консультантом. Потом он сам стал зав. сектором, побыв в этой должности несколько месяцев и смотался в «Сельскую жизнь», куда меня Харламов, главный редактор, давно сватал. Я не решался, а Шаров решился. У них были перевыборы коллегии и руководства. Шаров уцелел.

– Миша, какой я у тебя в очереди на работу? – шутливо спросил я, не представляя, что попал в десятку.

– Шестой или седьмой, – ответил он и тут же спохватился: – Но ты первый на очереди.

– С 1988 года или даже раньше, – подхватил я.

Шаров уже серьезно продолжал:

– Коля, ситуация такая, что сейчас обсуждать эту проблему не время. Надо подождать месяц-два. Слишком все горячо. Да и мы реорганизуемся, сокращаем часть людей. Представляешь, какая будет реакция, если мы возьмем функционера из ЦК?

– Понял, Миша. Спасибо на добром слове.

– Ты звони, старик, обязательно звони. Где-нибудь к концу месяца.

На прошлой неделе примерно такой же разговор состоялся и с Харламовым, главным редактором «Сельской жизни». Позвонил я ему до собрания коллектива редакции. Он сильно волновался – возраст у него за шестьдесят – и попросил вернуться к этому разговору через некоторое время. Ладно.

А теперь пассаж с «Политиздатом» и его директором А.П. Поляковым.

Двадцатого августа в соответствии с договором я отнес туда рукопись книги. Верстку предыдущей – «Исповедь через десять лет» – сказали принести 26 августа. К назначенному сроку я ее вычитал, дописал пару страниц и в понедельник, 26 августа, привез в издательство. Нет, все было не так. Я перепутал. Новую рукопись действительно отнес 20 августа. А верстку – 19 августа, в день путча. Поговорил с Вучетичем о природе и гносеологических корнях августовского кризиса.

После провала путча возникла некоторая настороженность и опасения за судьбу «Исповеди». Особенно они усилились после указа Ельцина о прекращении деятельности КПСС. В понедельник, 26 августа, позвонил редактору Юрию Ильичу, справился о судьбе верстки. В ответ услышал, что верстку из корректорской вернули, книга снята с производства. Звоните, мол, Вучетичу, он в курсе дела.

Виктор Евгеньевич Вучетич – заведующий редакцией, сын знаменитого скульптора. Звоню ему.

– Понимаете, пока вашу книгу отложили. Причин не знаю. Как вы догадываетесь, это решение зависело не от меня. Распорядился директор.

– Дело в авторе? В его принадлежности к организации, которая ныне не популярна?

– Не думаю. Скорее всего из-за коммерческих соображений. А впрочем, позвоните директору.

Директор – Александр Прокофьевич Поляков. Хорошо знакомый мне человек. Когда-то самолично читал рукопись. Я вел пресс-конференцию с его участием. Он издал книгу Антонио Рубби «Встречи с Горбачевым». Была презентация в гостинице «Октябрьская».

– Александр Прокофьевич, здравствуйте, это говорит безработный Зенькович... Вроде бы сложности с прохождением верстки?

– Да. Знаете, я сейчас очень занят. Дайте мне свой телефон, ведь вы сейчас дома? Я вам непременно позвоню.

Этот разговор состоялся 30 августа в пятницу. Звонка так и не последовало. Телефонная трель раздавалась только в понедельник, 2 сентября.

– Николай Александрович, извините, что не позвонил в пятницу, абсолютно не было времени.

Стал ссылаться на объективные причины. Мол, книгу не сняли, а только отложили ее выпуск. Ничего не ясно. Счета опечатаны, бумаги нет.

– Александр Прокофьевич, но ведь книга самая что ни на есть перестроечная. В духе сегодняшнего времени. Острая, критическая, осуждающая застой. Автор кается во многих грехах. Единственное, что может вызвать сомнение, – глава «Партийный работник». Но и она сделана с сегодняшних позиций, многое в партработе нещадно критикуется. В конце концов спорную главу можно снять. Жаль замысла. Десять лет назад в Минске вышла книга социологических портретов. Сейчас я к ним вернулся вновь. Есть замысел вернуться еще раз, через десять лет. Политическая конъюнктура будет все время меняться, а в задуманном сериале схвачен срез времени, его дыхание. Это же документ для истории!

Соппротивление было не очень сильным.

– Хорошо. Возьмите у Вучетича верстку, пройдитесь еще раз. Снимите главу о партработнике. Хорошенько посмотрите все остальное. Не гарантирую выхода, но вариант подготовьте. Неизвестно, как будут развиваться события дальше.

– Спасибо, Александр Прокофьевич, и на этом. Очень вас прошу помочь мне. А то получается двойное наказание: работы лишился, а тут еще и книгу выбросили.

Через полчаса звонит снова:

– Николай Александрович, поймите меня правильно. Повеяла всякая пена, мутит, будоражит коллектив. Упрекают в том, что Поляков и сейчас, после роспуска партии, ничего не понял, выпускает по-прежнему литературу не для народа, а для партийных бюрократов. Предлагаю компромисс: мы сейчас выплатим вам 60 процентов аванса, а остальные 40 процентов – после выхода или невыхода. Прошу вас, примите компромисс. Помогите мне. Поверьте, обстановка в коллективе очень непростая. Опечатали даже столовую на мебельной фабрике, куда мы ходили обедать.

Гонорар выплатить должны были в любом случае, даже если бы книга не вышла... Мне важен выход ее, до боли жаль идеи, которой жил это время. Она грела, поддерживала меня. И вот – финиш...

– Ладно, Александр Прокофьевич, что делать. Спасибо.

– Вот и хорошо. А вариант для возможного выхода все-таки подготовьте. На всякий случай.

Вчера поздно вечером позвонил Валентин Герасимов, однокурсник по ВПШ. Работает в еженедельнике «Ветеран». У них сняли главного редактора Свининникова, патриота, подержавшего ГКЧП, и назначают выборы. Предлагает мне выставить свою кандидатуру. У них в коллективе некого. Значит, будет рекомендовать кого-то учредитель – газета «Труд».

Не знаю. Потапову, главному редактору «Труда», я звонил на прошлой неделе. Он внимательно выслушал и в свойственной ему манере медленно протянул:

– А что? Ты ведь не причастен к путчу... Знаешь что, давай вернемся к этому вопросу чуток попозже.

И я вспомнил: еще в прошлом году он несколько раз приходил ко мне на работу, уговаривал переходить к нему первым замом. Звонил вечером домой, упрасивал. Но теперь все переменилось.

Вчера же позвонил Севруку домой. Уволен с поста главного редактора «Недели» по формулировке: в связи с реорганизацией редакции и сокращением штатов. До пенсии – восемь месяцев. Просвета – никакого. Растерянность и удрученность.

Сегодня позвонил Подберезному, он работал в журнале «Известия ЦК КПСС». Пытались реформироваться в журнал «Политический архив», но ничего не получилось, нет учредителей, нет бумаги, полиграфической базы. Белянов, главный редактор, собрал их и предложил искать работу самим. Подберезный в унынии. Куда бы ни обратился – всюду глухая стена. То же говорят и его коллеги, с которыми он общается по телефону.

А вот одна из моих бывших технических работниц полна оптимизма:

– Берут в российский Совет Министров наших девочек. Уже один из орготдела перешел на полторы тысячи рублей и еще одну девочку с собой взял. Формирует свою команду. Здания функционируют – буфеты, столовые. Буфетчицы и прочая обслуга остались. Дачные хозяйства тоже в порядке. Просто перешли из одних рук в другие. Ничего, без технических работников никто не обойдется. Надо уметь приспособиться к новым людям.

А я-то, дурак, переживаю, что не могу их пристроить куда-нибудь. Они сквозь игольное ушко раньше других пролезут.

Сегодня сороковой день, как умерла мать. Придется помянуть в узком кругу, без дальних родственников.

6 сентября. Вчера не делал записей – не было времени. Позавчера отмечал сороковой день, как умерла мать. Болела голова, да и событий суетных было много.

Ездил на бывшую работу. Позвонил кто-то из моих сослуживцев, сообщил, что будут давать зарплату. Действительно, давали. В здании столовой. Она функционирует, стоят привычные очереди в кассы, работает кулинария. Бывшие партаппаратчики не преминули поесть сосисок и купить килограмм мясного фарша. Похоже, что им неведомы чувства гордости, собственного достоинства. Абы набить желудок.

Выдали на руки учетные партийные карточки. Эти документы раньше перевозили спецсвязью. На руки не выдавали никогда. А теперь – пожалуйста, никому не нужны. Членские взносы не принимают, на учет становиться некуда – райкомы в Москве опечатаны. Умопомрачительно!

С утра позвонил главный редактор журнала «Утро» Слава Мотяшов. Они перерегистрировались, учредители – Научно-промышленный союз и еще какой-то советско-американский фонд развития. Предложил заместителем ответственного секретаря – заведующим отделом домашнего хозяйства. Оклад – 1100 рублей. Это я вечером накануне звонил ему и просил не забыть, если у него есть вакансии и если редсовет не будет возражать. Сначала я отказался наотрез, а потом опомнился: мало ли что может быть. Сказал, что подумаю.

Постоял около столовой примерно час. Понаблюдав за обстановкой. Вид у людей потерянный. Глухая стена – нигде не берут на работу. Говорят, что до 23 сентября зарплата будет идти – в течение месяца со дня выхода указов, а потом расчет и месячное пособие. И – точка.

Вечером был в гостях Ян Чжэн – китайский журналист. Попили чаю. Он привез баночного пива. Подбадривал, просил не расстраиваться.

Настроение препаршивое. Не верю в случившееся.

Звонил из Минска Улитенок. Бывший собкор «Правды» по Белоруссии, основал свою газету «Свободные новости», когда-то я с ним работал в республиканской газете «Звезда». Просил что-нибудь в начале недели для его «Свободных новостей». Условились, что передам историческое расследование о Свердлове и последнее интервью маршала Ахромеева. Когда-то я вел его последнюю пресс-конференцию. Ужасные подробности его смерти. «Собеседник» поместил интервью с его женой. Оказывается, он был в отпуске. Приехал в Москву. О чем-то говорил по телефону с Горбачевым, а после разговора повесился в своем рабочем кабинете в Кремле. А ведь у него в сейфе был пистолет.

Сегодня передал в «Республику» (газета Совета министров Белоруссии) несколько интервью. Вчера передал материал «Что нового на Старой площади». Просят еще.

7 сентября. Вчера снова ездил на бывшую работу – кулинария еще работает – и, став три раза в очередь, купил три кг мясного фарша, один кг сосисок и десять шницелей.

Встретил у столовой Виталия Авдевича из издательского отдела аппарата президента. Садился в черную «Волгу».

– Как ты? Не работаешь? Непременно позвони Жукову. У нас недобор кадров. Не откладывай только. Сразу же звони.

Иван Иванович Жуков – давнишний знакомый. Работал в ЦК, сейчас начальник отдела в администрации Горбачева.

Телефона Жукова я не знал, позвонил ему из дома. Ивана Ивановича на месте не было. Перезвонил об этом Авдевичу.

– Звони все равно. Такими людьми нельзя разбрасываться. Звони, мой хороший.

И положил трубку.

По дороге из столовой заехал в ателье на Кутузовском проспекте. Оно было нашим, цековским, входило в систему Управления делами ЦК. Немного поплутал, пока нашел. Я там был всего пару раз, и то на машине. А сейчас пешком, да еще под дождем. Вымок.

Пока мне делали расчет за костюм – успел-таки сшить, правда, с января шили! – слышал кое-какие разговоры. Ну, например, звонил один крупный советский поэт и народный депутат СССР, знаменитый борец с привилегиями. Оказывается, он тоже шил себе костюм в ателье ЦК. Его закройщик тот же, что и у меня. Звонил бывший большой партийный функционер, интересовался, как шьется его шуба. Он работал в ЦК с 1944 года, ушел на пенсию только в конце 1990 года.

Сижу у приемщицы. Чувствую шевеление за спиной. Оглянулся – машет рукой какая-то женщина. Присмотрелся – Таисия Васильевна, жена президентского помощника Пряхина. А вот и он сам, выглядывает из-за плеча верной супруги. Пришел мерить штаны.

Разговорились. Ничего нового. Набор кадров заморожен. Он уже рекомендовал Ивану Ивановичу Жукову консультантов идеологического отдела Вазыха Серазева и Владимира Милюкова, но утверждение новых кадров приостановлено. Президентский аппарат будет реорганизовываться.

По радио передали постановление Госсовета СССР о признании независимости республик Прибалтики. Позвонил Айгару Мисану, он бывший заведующий сектором телевидения и радиовещания, с февраля 1991 года – заместитель председателя Гостелерадио СССР и одновременно руководитель Московского телеканала, поздравил с приобретением статуса иностранца. Горько все это. У него времени не было, говорит, давай созвонимся в субботу, меньше запарки, тогда поболтаем. А может, разговаривать с безработным функционером не желает? Люди меняются быстро. Хотя, как показало развитие событий, Айгар остался надежным товарищем.

Днем был телефонный разговор с Чуриловым – заместителем главного редактора журнала «Партийная жизнь». Чурилова избрали главным редактором. Прежнего редактора «прокатали». Сидит дома. Ему 59 лет, он народный депутат СССР.

Даже в изданиях ЦК КПСС рядовая масса бунтует против своего руководства. Вспомнил Полякова из «Политиздата», его слова по поводу поднявшейся пены.

8 сентября. Вчера утром ездил с дочкой на рынок. Купили фруктов, жвачек. Потом гуляли в парке. Она с одноклассником Виталькой, я с его мамой-художницей. Живут в доме напротив. На обратном пути решили подняться с Москвы-реки в гору. Гора крутая, глиняная, после дождей скользкая до невозможности. Наши попутчики были в сапогах, а мы с Ольгой в кроссовках. Дошли до середины, а дальше не смогли. Пришлось спускаться вниз. Не без приключений.

Пообедали вкуснейшими перчиками, фаршированными мясом и рисом, сын достал из холодильника бутылку водки. Жена водку не пьет, я налил ей остатки коньяка «Белый аист». Пошутили: хорошо живут советские безработные!

В разгар обеда позвонил Харламов, главный редактор «Сельской жизни». Расспросил, как дела. Сказал, что позвонит через неделю-две насчет конкретной должности, если, разумеется, есть желание идти в «Сельскую жизнь». Осторожно спросил, знаю ли я секретарскую работу. Ответил, что два с половиной года был ответственным секретарем в рес-

публиканской молодежной газете. Но, откровенно говоря, секретарскую работу не любил, тяготился ею. Если ее предложат, не пойду.

Сделал два материала для «Республики». В понедельник передам. Надо будет установить два «передаточных» дня в неделю – понедельник и четверг.

В «Комсомольской правде» за вчерашний день интереснейшая статья писателя Владимира Максимова. О путче, об антикоммунистах. Еще более любопытная публикация в «Независимой газете» – о путче. Версия автора – Горбачев причастен к заговору, он сам отключал правительственную связь. Когда четверка приехала к нему 18 августа с предложением о введении чрезвычайного положения, он не сказал ни «да», ни «нет». А потом осе-нило: таким образом можно повысить свой рейтинг. Неспроста Янаев говорил на пресс-конференции, что Горбачев к ним присоединится.

Вообще, надо бы собирать эти версии и свидетельства. Аналитики здесь немало. Тщательно исследуются все обстоятельства. Например, в «Московских новостях» утверждается, что директор предприятия, где выпускалась правительственная связь, сказал: отключить помимо президента невозможно, там много автономных каналов, достаточно простой авто-ручки президента, чтобы опять включиться. Любопытно.

А. Проханов да и другие, в том числе зарубежные авторы, пишут, что такие люди, как Варенников, и особенно Крючков, не дилетанты в заговорах, они профессионалы. Варенников брал дворец Амина, Крючков свергал правительство Венгрии в 1956 году. Оба блестяще справились с задачей. Здесь какая-то мистификация. В эпиграфе к статье в «Независимой газете» слова Горбачева, произнесенные после возвращения из Фороса: «То, что я знаю о заговоре, я никому никогда не расскажу». На кого они рассчитаны? На арестованных?

В. Максимов интересно размышляет о подобных процессах в Восточной Европе. Генерал Ярузельский. Вот кто действовал в интересах иностранного государства – СССР. И тем не менее он жив и здоров, никакого суда, никаких обвинений в государственной измене.

Звонил вчера Зикс из «Сельской молодежи». Сообщил, что идет реклама журнала в «Столице» – моим очерком о смерти Щорса. Спросил, есть ли какая-либо иллюстрация. К сожалению, архив уничтожил при бегстве.

«Независимая газета» опубликовала комментарий о заседании Секретариата ЦК 5 сентября. Что значит «приостановить деятельность КПСС»? Ни один юрист, по словам Лучинского, не знает, что это такое. Ивашко вышел из больницы, ему поручено связываться с Горбачевым. Обсуждался вопрос о проведении пленума ЦК. В Казахстане прошел съезд республиканской Компартии. Она вышла из КПСС и преобразовалась в Социалистическую партию.

Глава 6. Член КПСС? Значит, виновен!

Во время долгих и безуспешных поисков работы в моей квартире раздался телефонный звонок. Не буду называть фамилию представившегося мне человека, до этого она не была мне известна.

Незнакомец справился, туда ли он попал. Удостоверившись, что у телефона именно тот человек, который ему нужен, звонивший сказал: он вышел на меня по просьбе моих друзей, которые попросили его подыскать для меня какую-либо работу. Так вот, он мог бы предложить мне кое-что с учетом моего базового журналистского образования.

Предложение меня заинтересовало, и я спросил, куда надо подойти. Тут же был назван подробный адрес, а также маршрут метро и троллейбуса. Условились встретиться на завтра в десять утра.

Ехать пришлось долго, но это меня не смущало. Ничего, лишь бы работа была интересная. Не на биржу же труда, в самом деле, обращаться.

Кстати, позднее я узнал, что обращались и туда. На февраль 1992 года на Московской бирже труда были зарегистрированы 525 бывших работников партноменклатуры. Из них 116 человек ранее работали в аппарате ЦК (в основном технический персонал), 31 – в Московском горкоме, 218 – в райкомах, 27 – в парткомах.

Повторяю: перспектив не было никаких, время от времени пресса со злорадством сообщала, что готовится указ Ельцина, запрещающий коммунистам занимать ответственные посты в органах государственной власти. Особенно упорно настаивала на запрете на профессии по идеологическим мотивам пламенная демократка Галина Старовойтова.

Из дому я выбрался с некоторым запасом времени и потому по указанному адресу прибыл несколько раньше. Это был обычный жилой дом, которых в Москве тысячи. Блочная пятиэтажка, печально знаменитая «хрущоба». Признаков какого-нибудь офиса не наблюдалось. Я еще раз взглянул на блокнотный листок с адресом: дом такой-то, помещение такое-то. Помещение... Признаться, это слово смутило меня еще вчера, во время разговора. Но в Москве такие адреса – строение номер такое-то, помещение номер такое-то – не редкость.

Так вот, «помещением» оказалась небольшая комнатка в подвале. Вход преграждала железная решетка с большим висячим замком. До назначенного времени оставалось еще полчаса, и я вышел во двор. Он был захламлен до невозможности. Валялись обрывки газет, огрызки яблок, апельсиновые корки, окурки. По обе стороны подъезда, словно античные львы у петербургских дворцов, красовались две мусорницы, источавшие такой запах, что пришлось зажать нос. В мусорницах копошились бездомные кошки.

Из окна моего кабинета на седьмом этаже офиса на Старой площади открывался великолепный вид на Кремль. Через каждые четверть часа раздавался бой курантов на Спасской башне. Под солнечными лучами ослепительно сверкали купола кремлевских храмов. Их видом любовались все мои посетители. И вот после такого благолепия – вонючий подвал на окраине города.

Невольно вспомнились тяжелые сны последнего времени. Ближе к лету 1991 года вдруг стало сниться, будто я учусь в школе рабочей молодежи. Зачем я пошел туда, ведь я ее уже окончил, у меня есть аттестат о среднем образовании, – недоумевал я, сидя за партой в помещении пожарного депо Минского подшипникового завода, где размещалась вечерняя школа № 23, в которую я ходил три года – с восьмого по десятый класс. Нередко снилось вообще черт знает что: будто стою на самом верху огромного стога сена и боюсь не то что спуститься с него, даже глянуть вниз. Вещие сны приходили ко мне душными июльскими ночами девятости первого года!

Падение с громадной высоты – вот оно, наяву. Подвал, мусорницы, бездомные кошки, загаженная собаками детская площадка с чахлыми кустами неизвестного происхождения. Долго выдержать соседство мусорниц я не мог и потому решил дожидаться нужного человека в подвале, благо там было теплее, чем во дворе.

В подъезде грела одна-единственная батарея. Я прислонился к ней спиной и зажмурил глаза, пытаюсь расслабиться и снять напряжение. После двухминутного упражнения по методике самовнушения почувствовал себя лучше. Огляделся по сторонам. Подъезд и лестница, ведущая в подвал, были захламлены не меньше, чем двор и детская площадка. В углу валялись обрезки досок, пустые картонные коробки. В какой-то миг мне показалось, что ворох коробок зашевелился, выдавая присутствие живого существа. Вскоре передо мной появился жалкий, облезлый котенок. Уж не его ли мамаша обследовала мусорный ящик у входа?

Когда-то она, наверное, жила в теплой, уютной квартире и была ухоженным домашним животным. А потом ее выгнали на улицу. Бедный котенок, он, наверное, не знает, что такое сытая жизнь у любящих хозяев. И так мне стало жаль этого несчастного котенка, что чуть слезы на глаза не навернулись. А он боязливо крутился вокруг моих ног, не осмеливаясь ощутить их тепло и защиту. Вот таким котенком показался сам себе и я.

Хлопнула входная дверь. Котенок испуганно пискнул и отпрянул в темный угол с коробками. По лестнице застучали женские каблуки. Кто-то спускался вниз. Лязгнул замок, закрипели растворяемые дверцы железной решетки. Наверное, секретарша, подумал я, и не ошибся.

– Вы к нам? – приветливо спросила миловидная молодая женщина.

– К вам, – подтвердил я, – если вы имеете отношение к человеку, назначившему мне встречу на десять...

Меня любезно пригласили войти в кабинет шефа и немного подождать. Я сделал несколько шагов и вдруг обнаружил возле своих ног котенка. В мгновение ока он проскользнул в приемную и жалобно замыкал, просительно глядя на женщину.

Та растерялась. Попыталась избавиться от нежданного гостя, но ничего не получалось. Из приоткрытой двери кабинета шефа я наблюдал за ее безуспешными попытками. Отчаянное топанье ног и мяуканье внезапно прекратились. Уж не хозяйка ли победила? Нет, веселая возня остановилась из-за появления хозяина.

Он вошел в кабинет походкой человека, знающего себе цену. Мы обменялись рукопожатиями, представились друг другу. Кооператор, а он, судя по внешнему виду и особенно по здоровому цвету лица, свидетельствовавшему о хорошем качестве пищи, явно относил себя к числу преуспевавших бизнесменов, открыл дверь в приемную и попросил секретаршу принести нам чаю. И тут в кабинет проскользнул все тот же котенок. Теплый, дрожащий от холода комочек прижался к моей ноге.

Кооператор зло сверкнул глазами, засучил рукав, обнажив пухлую, заросшую густой шерстью кисть, поднял за шею котенка и с отвращением выбросил за дверь.

– Мне звонили насчет вас из Кремля, – брезгливо вытирая ладонь носовым платком, продолжил он начатый разговор. – Я могу предложить вам кое-что, связанное с журналистским профилем вашей прежней работы. Скажу откровенно: у меня есть замысел издавать свою газету и приложение к ней – журнал. Как вы посмотрите на предложение стать главным редактором обоих изданий? Бумага есть, с полиграфической базой проблем нет, оклад я вам положу для начала три тысячи рублей в месяц. Плюс гонорар, премии и все остальное. У вас будет служебная машина, правда, пока не «Мерседес».

У меня перехватило дыхание. Знаете, сколько я получал в ЦК КПСС, будучи замзам-отделом? Вместе с апрельской компенсацией – 840 рублей. А тут – три тыщи! Уму непостижимо. Волна благодарности друзьям, не забывшим в трудную минуту, захлестнула меня.

Симпатичным показался и собеседник. Куда-то на задний план отодвинулась волосатая рука, беспомощно болтавшийся в воздухе котенок, гримаса отвращения на лице. Первое впечатление чаще всего бывает обманчивым. Золотой человек!

– Однако прежде чем ударить по рукам, – продолжал между тем толстосум-меценат, – я хотел бы выяснить кое-какие моменты. Хотя вы и со Старой площади, но я глубоко убежден: КПСС – преступная организация. А как считаете вы?

Он говорил что-то еще в развитие своей точки зрения. Мне становилось ясно: мой благодетель ждет, чтобы я согласился с его мнением.

Не буду пересказывать содержание нашего дальнейшего разговора, скажу только: от заманчивого предложения я отказался. Не прельстили меня ни служебная машина, ни астрономическая зарплата. Как можно находиться под началом человека, убежденного, что партия, в высших эшелонах которой я проработал почти двенадцать лет, а членом которой состоял двадцать лет, – преступная организация? Получается, что я тоже преступник? Преступники ли сотни, тысячи людей, которых я хорошо знаю и вся вина которых в том, что они связали свою жизнь с КПСС?

Начну с себя. В партию я вступил в 1971 году, когда работал в республиканской молодежной газете в Минске. Кандидатом в члены КПСС меня приняли годом раньше, во время службы в армии. Так вот, нисколько не кривя душой, заявляю: в партию я вступал осознанно, без подсказки со стороны, без всякого давления, исключительно по собственному убеждению. И произошло это не в юношеские годы, когда иной раз трудно объяснить свои поступки, за которые потом расплачиваешься и сожалеешь, а в зрелом возрасте, имея определенный опыт жизни.

Когда я подал заявление о приеме кандидатом в члены партии, мне было 26 лет. Согласитесь, это не девятнадцать и даже не двадцать два. К тому времени я был уже три года женат, у нас был сын, и я ощущал всю полноту ответственности за семью. За плечами были труднейшие жизненные дороги, нелегкие испытания судьбы. Лиха пришлось хлебнуть с избытком.

И отец, и мать у меня были беспартийными. Потомственные белорусские крестьяне, они всю жизнь трудились на земле. Мать была неграмотной, только и умела что расписаться. Отец был большой книголюб, признанный деревенский «политик», выписывал аж две газеты – районную и областную. Длинными зимними вечерами в нашей хате всегда собирались соседи, с детства помню, как отец вслух читал новости, как внимательно его слушали. Он был общительным, в молодости служил в Красной Армии, любил порядок и дисциплину. Удивляюсь, как при его начитанности он никогда не занимал никаких руководящих должностей в колхозе, не выбился в бригадиры или тем более в кладовщики.

В нашем роду никто не пострадал в годы сталинских репрессий. Никто никогда не был под следствием. Обыкновенные рядовые люди, интересы которых не выходили за рамки семейных или родственных отношений. Пределом мечтаний отца было увидеть своего единственного сына слесарем на каком-нибудь заводе в городе.

Кроме меня в нашей семье были еще две старшие сестры. Обе закончили сельскую семилетку. Обе вышли замуж, живут в Минске, воспитали по две дочери, которые, в свою очередь, тоже обзавелись семьями. Ни сестры и их мужья, обыкновенные заводские люди, добрые и порядочные, ни племянницы и их мужья в партию не вступали.

Наша деревня была маленькая – всего десять дворов. Вокруг разбросано с десятков таких же малонаселенных поселков. Единственное в округе большое село Ельня – дворов на сто – располагалось в пяти-шести километрах от нашей Соколовки, в которой, насколько мне помнится, ни одного коммуниста не было. Парторганизация находилась в Ельне, куда мы, соколовская ребятня, ходили в школу. Но каких-то ярких впечатлений о сельских коммунистах детская память не сохранила. В нашей избе никогда не заводились разговоры о делах

партячейки, о ее решениях. Повторяю, мои родители, как и большинство соседей, жили своими заботами, и их интересы не простирались за границы обыденных крестьянских занятий.

Первого коммуниста я увидел в четырнадцатилетнем возрасте, когда, окончив сельскую семилетку, отправился пешком в Минск. После долгих мытарств, хождений по полям и дальним родственникам первый секретарь Минского горкома комсомола Хохлов, к которому я пришел на прием, отчаявшись найти самостоятельно какое-нибудь пристанище в большом и чужом городе, устроил меня подсобным рабочим на Минский полиграфический комбинат. Хохлов, несомненно, был членом КПСС, иначе кто бы утвердил его в должности руководителя столичной комсомольской организации. Это я понимаю сейчас, а тогда, в 1958 году, вряд ли задумывался о партийности человека, принявшего участие в судьбе четырнадцатилетнего сельского паренька.

Почему я обратился именно в горком комсомола? Под влиянием прочитанных книг о Павке Корчагине, о молодогвардейцах, ударниках великих строек коммунизма. Хохлов внимательно выслушал мальчугана, обогрел, обласкал добрым словом, накормил вкусным обедом в горкомовском буфете.

Кто я ему был? Чужой человек, сбежавший из дому. Другой на его месте сдал бы в детский приемник милиции, и делу конец. Хохлов понял, что возвращаться мне нельзя, помог трудоустроиться на полиграфкомбинат, определиться с проживанием и учебой в школе рабочей молодежи.

На полиграфкомбинате коммунисты работали рядом со мной. Так же как и я, запаковывали книги в пачки, таскали тяжеленные фуры от конвейера на склад. Обыкновенные люди: веселые и хмурые, разговорчивые и молчуны, любители выпить и трезвенники. Не помню, чтобы кто-то из них обидел меня или поступил несправедливо. Часто возле прессы, которым вскоре я стал управлять, появлялся Анатолий Божок, секретарь комитета комсомола комбината. Он тоже был членом партии и, как я сегодня понимаю, присматривал за мной, не давал сойти с правильного пути.

В вечерней школе я учился три года. Жил на окраине Минска, в подвальной каморке деревянного частного домика, построенного жителем пригородного села для своего женатого сына. В каморке было сыро и холодно. Вставать приходилось в шесть утра, потому что смена начиналась в половине восьмого, а добираться до комбината надо было двумя видами городского транспорта с тремя пересадками. Если учесть, что занятия в вечерней школе заканчивались в одиннадцать вечера и домой я добирался к двенадцати ночи, то можно понять, почему я довольно часто бросал школу. Анатолий Иванович Божок уговаривал не делать этого, и я снова оказывался по вечерам за партой.

Три года продолжалась эта безумная гонка, и кто знает, что было бы со мной, если бы не старшие товарищи. Подростковый возраст – самый трудный, а я, по сути, был предоставлен самому себе. Рядом не было ни одной родной души. Мог бы попасть в сомнительную компанию, стать легкой добычей улицы, уголовных элементов.

Но недаром говорят, что личность формирует среда. О тех, кто окружал меня три года, можно судить и по тому, что семнадцатилетний подсобник пополнил ряды не хулиганской ватаги, а студенческой аудитории университета.

Потом была работа в журналистике. Сначала в заводской многотиражке, затем в республиканской молодежной газете. В «молодежке» я вел вопросы, далекие от партийной темы: освещал работу правоохранительных органов, увлекался судебными очерками, любил диктовать репортажи в номер о различных событиях. Я был молод, полон сил и веры в свою счастливую звезду. Репортерская работа мне очень нравилась, по душе были и частые командировки.

Когда выпадало дежурить по газетному номеру или делать обзор на редакционной летучке, надо было в обязательном порядке прочитывать материалы, проходившие по отделу

пропаганды. Как правило, это были длиннющие и скучнейшие статьи о вещах, которые с трудом поддавались пониманию. Теоретические статьи и прочую заумь я не выносил. Может, сказывались пробелы в моем высшем образовании: учился-то я на вечернем факультете журналистики, выделялся тем, что уже работал в республиканской газете, и по этой причине посещение лекций нередко игнорировал.

Недостаток в теоретической подготовке особенно дал знать о себе, когда меня утвердили заместителем главного редактора газеты. На прежних ступеньках должностной иерархии комплексом неполноценности своих знаний я не страдал. А тут, когда пришлось оценивать пространственные статьи академиков и профессоров, понял: научный фундамент у меня слабоват. Надо бы обновить старые знания и поднакопить новые.

Решил податься в Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС – ЗВПШ. Обратился в сектор печати ЦК компартии Белоруссии к Василию Александровичу Каленчицу. Он принял меня. Потом, когда я пришел в аппарат ЦК КПБ, Василий Александрович, будучи уже помощником П.М. Машерова, как-то разоткровенничался:

– Небывалый случай. Обычно руководители сплавляли слабых работников на учебу в ВПШ. Лучший способ избавиться от неугодных. А тут вдруг приходит заместитель главного редактора, совсем молодой – тридцать лет, – и сам просит послать его на учебу. С такой должности!

В ВПШ моими сокурсниками были первые секретари райкомов, заведующие отделами обкомов – в основном в сорокалетнем возрасте, предельном для зачисления в ВПШ. Если сорок лет, так и знай: послали на учебу в порядке партийной дисциплины. Они и составляли основной костяк слушателей. Многие, догадываясь о своей участи и не имея ни навыков, ни желания обновлять знания, прожигали жизнь в столице, наверстывая все, что упустили в круговерти районной текучки. Именно там, в стенах ВПШ «на Миусах», родилась песня сосланных на учебу периферийных партработников. До сих пор помнится ее рефрен:

Спасибо партии родной
за двухгодичный выходной.

Как попал я «на Миусы»? «Миусами» в просторечии мы называли ВПШ потому, что она находилась в Москве на Миусской площади. Длительное время ректором этого учебного заведения, знакомого не одному поколению советских и зарубежных партийных работников, был профессор Митронов. О нем была сложена популярная в общежитии песня выпускников:

Прощай, Метронова слободка,
прощай, родная ВПШ!
Мы выпили здесь бочку водки
и не узнали ни шиша!

Почему «Метронова»? Ведь фамилия ректора писалась через «и». Дело в том, что Миусская площадь в ста метрах от станции метро «Новослободская»...

Но я отвлекся. Итак, отчего вдруг появились «Миусы»? Я ведь собирался в ЗВПШ. Дело в том, что я опоздал с просьбой о заочной учебе. Списки рекомендуемых в ЗВПШ

были уже составлены и поданы в ЦК КПСС – он занимался подбором и комплектованием контингента слушателей.

Каленчиц сообщил мне об этом, когда я позвонил ему, встревоженный отсутствием ответа из ЦК.

– Рекомендую поступать на дневное отделение, – прозвучал в трубке его глуховатый, не совсем внятный голос. – Я сам учился на дневном и нисколько об этом не жалею. Жил, как говорится, на два дома, двое детей в Бресте, жена, а стипендия – 140 рублей. Сейчас там 220 платят. Да и перспектив в Минске больше, чем в Бресте было. Там что? Одна областная газета. А в столице вон сколько изданий! Без работы не останешься.

Доверительный тон старшего товарища, прямо скажу, подкупал. И я решился. Будь что будет. Да и другие товарищи, учившиеся в свое время в ВПШ в Москве, развеивали последние сомнения:

– Езжай и не раздумывай! Тебе сколько? Тридцать? Больше такой возможности не представится. В смысле теоретической базы ничего подобного в стране нет.

Этот аргумент был самым убедительным. Чему и где я учился? Три года в вечерней школе, пять лет на вечернем факультете университета. В обществе ученых мужей в основном отмалчивался, иные коллеги, состоявшие в штате редакции литературными сотрудниками, но родившиеся в благополучных семьях и получившие систематическое образование, подчеркнуто блистали своей эрудицией.

Нечто похожее я наблюдал много лет спустя на Старой площади, когда инструктора, за пять лет прошедшего от заместителя заведующего сектором, заведующего сектором, заместителя заведующего подотделом до заместителя заведующего отделом – без связей и без могущественных покровителей, – некоторые должностные лица ЦК воспринимали снисходительно и как бы не всерьез. Мало того, что не москвич, – ни одним иностранным языком не владеет, ни разу за рубежом не был, ни с кем из сильных мира сего не связан. На первых порах, помнится, кое-кто со мной разговаривал, как в армии с новобранцем из глухой глубинки. Фамилии писателей непременно называли с именами, растолковывали, какие книги они написали.

Однако вернемся к дням поступления в ВПШ. Профессиональную карьеру партийного работника делать тогда я не думал. Поступил на отделение журналистики с тем, чтобы, отучившись два года, вернуться назад в газету. О партийной работе я толком ничего не знал, впрочем, как и о комсомольской. Иногда нас, комсомольских журналистов, приглашали в ЦК комсомола республики на совещания, пленумы, семинары. Бывали случаи, когда просили помочь в подготовке документов, связанных с проблемами молодежной печати.

Работники ЦК комсомола Белоруссии в редакцию приходили не так уж часто – обычно их визиты были вызваны участием в партийных и комсомольских собраниях. Не могу сказать, что нас сильно опекал сектор печати ЦК комсомола – звонки, как правило, были по делу. Обычно информировали о предстоящих мероприятиях. За одиннадцать лет работы в «молодежке» я не помню случая, когда бы мне приходилось везти на предварительное прочтение материалы, предназначенные для публикации в газете.

Еще больше свободы предоставлял сектор печати ЦК Компартии Белоруссии. Иногда на критические материалы «молодежки», подчас не в меру горячие и задиристые, поступали жалобы «старшим товарищам» – так в те годы комсомольские работники называли сотрудников партийных органов. Автором некоторых таких публикаций был и я. Однако не припомню, чтобы со мной резко разговаривали, требовали от редактора суровых санкций. Хотя с высоты прожитых лет должен признаться, что ошибок в молодости я натворил предостаточно.

Не знаю, может, люди в секторе печати тогда работали очень уж порядочные, но не было случая, чтобы с журналистом расправились по указанию сверху, даже если изложен-

ные в его публикациях сведения не подтверждались при проверке. Да, выговоры в приказах объявлялись, не избегал этих малоприятных минут в своей жизни и я, но взыскания были вполне заслуженными: за невнимательность на дежурстве по номеру, за поверхностную проверку фактов, изложенных в читательском письме, в результате чего фронтовику, заслуженному человеку, нанесен моральный урон. Приходилось извиняться и через газету, и от себя лично. Еще раз повторяю: обида за взыскания, конечно, была, но ведь и вина автора присутствовала тоже.

В московской ВПШ появилась возможность лучше присмотреться к партработникам, которые раньше были от нас на некотором отдалении. Жили мы все в общежитии, а в быту люди раскрываются полнее. За небольшим исключением слушатели ВПШ были обаятельными, заботливыми и внимательными людьми. За два года учебы у нас не было ни одного ЧП, ни одного случая отчисления из школы. Иногда партработников обвиняли в консерватизме, ортодоксальности, неумении свежо и нестандартно мыслить. Мол, среда формировала их послушными, ограниченными, недалекими исполнителями. Средства массовой информации усердно лепили образы таких акакиев акакиевичей, застегнутых на все пуговицы, мелких душой, не способных на яркие, запоминающиеся поступки.

Побыли бы ваятели этих образов в аудиториях ВПШ! Представьте себе ситуацию: 1977 год, нарастающее непомерное восхваление Леонида Ильича Брежнева. И вдруг в главной кузнице партийных кадров – при самом ЦК КПСС! – сорокалетний слушатель второго курса (глава семьи, не девятнадцатилетний романтик-революционер, да еще перед распределением на работу) на семинарском занятии по научному коммунизму, находясь в здравом уме и твердой памяти, публично задает вопрос:

– Я видел рукописи Ленина. Говорят, что сохранились рукописи Сталина. Есть ли рукописи у Брежнева? Где их можно увидеть?

Споры велись жесточайшие – о практической политике партии, об экономной экономике, о комплексном подходе к делу воспитания трудящихся. Вспоминая те горячие дискуссии и крамольные суждения, я категорически не согласен с огульными обвинениями всех партработников в ограниченном кругозоре, слабых мыслительных способностях, серости и маловыразительности.

Со многими из слушателей я не порывал связь все последующие годы. Переехав в Москву, часто бывал в командировках и всегда интересовался судьбой своих однокурсников. Выяснялось, что многие из них, учась в ВПШ, подготовили кандидатские диссертации. Это были упорные, настойчивые, целеустремленные люди, не умевшие жить праздно в столице, в которой на каждом шагу столько соблазнов. Никто из них не сломался, ни один не скомпрометировал себя в глазах людей.

Многие заняли высокие посты в партийных комитетах, Советах различных уровней, в министерствах и ведомствах, стали крупными организаторами науки, культуры, производства. Некоторых, правда, уже нет в живых – подорвали здоровье в бесконечных хлопотах и тревогах. Показательно, что скончались они от одной болезни – сердечно-сосудистая недостаточность, инфаркт, инсульт. Профессиональная болезнь управленцев.

С гордостью говорю: среди моих бывших однокурсников по ВПШ не оказалось ни одного, замешанного в неблагоприятных делах, замаравшего свое имя действиями, противоречащими нормам права и морали.

Запрещение деятельности КПСС, национализация ее имущества, конечно же, было страшным ударом для моих друзей. Они недоумевали: что произошло? Почему такое случилось? Некоторые приезжали ко мне в Москву, и мы долгие часы проводили в спорах, пытаясь докопаться до сути причин, приведших к горькому финалу имеющую почти столетнюю историю мощнейшую политическую структуру.

Понемногу шок, вызванный августовскими событиями 1991 года, проходил. Через четыре-пять месяцев мои бывшие однокурсники сообщали, что они при деле. Кто пошел работать по основной специальности, кто определился в новых сферах деятельности. И все же горечь в голосах моих друзей не проходила. Это и понятно: многие потеряли все, что имели, оказавшись на тех же ступеньках социальной лестницы, на которых были в двадцати-двадцатипятилетнем возрасте. В их опыте, знаниях, навыках больше не нуждались.

Горько и обидно сознавать это и мне. В общественном мнении из всех сил стремились укрепить мысль о том, что КПСС – преступная организация, призывали к суду над ней. Интересно, как можно было судить сразу девятнадцать миллионов человек? Таких процессов еще не было в истории мировой цивилизации.

Если исходить из того, что КПСС – преступная организация, значит, каждый ее член – тоже преступник? Но в чем состав преступления? Например, мой?

Возглавив в 1982 году сектор печати ЦК Компартии Белоруссии, а затем и аналогичное подразделение в ЦК КПСС, я все эти годы стремился к максимальной защите профессиональных журналистов и всех людей, пишущих в газеты. Наш сектор был единственным подразделением в стране, занимавшимся функционированием средств массовой информации. Работали там люди квалифицированные, немало лет отдавшие труду в редакционных коллективах, знавшие вкус этого нелегкого куса хлеба. Прошедшие хорошую школу районной, областной, республиканской печати, они с полуслова понимали круг своих задач, были настоящими друзьями и партнерами столичных и местных журналистов. В редакционных коллективах тепло вспоминают своих бывших кураторов Вячеслава Максимовских, Анатолия Барановского, Владимира Полудницына, Тимофея Кузнецова, Владислава Бояркина, Вазыха Серазева, Анатолия Подберезного, других работников сектора, которые никогда не действовали по схеме «начальник и подчиненные».

Середина 1980-х годов была для работников сектора печати пиком анонимных писем. Это было настоящее бедствие! По существовавшему тогда порядку письма без подписи проверялись наравне с другими. Пренеприятнейшее занятие, доложу я вам. У меня анонимки вызывали чувство омерзения, и я, когда был на должности инструктора, всяческими способами пытался увильнуть от их проверки. Продвинувшись по служебной лестнице, я получил возможность распределять эти письма между работниками сектора. Так вот, ни один из них не пылал желанием копаться в доносах. Кто пересылал их в редакции, кто в обкомы-горкомы. Мне это очень нравилось. Значит, люди в секторе глубоко порядочные, брезгливые к проявлениям подлости.

Время от времени на летучках в секторе ставился вопрос о том, чтобы анонимки вообще не рассматривать. Все без исключения разделяли это мнение, но порядки, введенные в партии и стране, не сектором предписывались. И вдруг письмо в Политбюро от тогдашнего главного редактора «Известий» И.Д. Лаптева с предложением впредь письма без подписи не принимать к рассмотрению. Иван Дмитриевич настаивал на принятии соответствующего партийного и государственного решений.

Политбюро поручило изучить данный вопрос идеологическому отделу. Руководство отдела сочло, что, поскольку больше всего писем поступает в сектор печати, то именно ему и следует проработать предложение Лаптева. У меня загорелись глаза: вот она, возможность наконец-то дать анонимщикам поворот от ворот.

Через руководство ТАСС попросил корреспондентов за рубежом изучить практику работы с письмами без подписи в других странах. Информация тассовцев потрясла: даже во Вьетнаме анонимки не рассматривались ни на партийном, ни на государственном уровне. Что уж говорить о странах, имеющих вековые демократические традиции! В большинстве западноевропейских стран брались на учет только те анонимные сигналы, которые преду-

преждали о готовящихся террористических актах, грабежах и других насильственных действиях, угрожающих жизни и здоровью граждан.

Мы пригласили в сектор группу юристов, ученых-обществоведов, специализирующихся в области прав человека, провели с ними серию встреч за «круглым столом». Запросили мнение руководителей ряда центральных и местных средств массовой информации, попросили высказать точку зрения партийных и советских работников, идеологического актива, правоохранительных органов. Последние, конечно, от предложенной идеи в восторг не пришли. А вот остальные категории опрошенных однозначно поддержали предложение главного редактора «Известий». Если уж началась борьба за нравственное здоровье народа, за очищение общества от пережитков прошлого, то анонимным доносам места в жизни быть не должно.

Автор этой книги сел за составление записки в Политбюро. Ее подписал, не изменив ни единого слова, тогдашний заведующий отделом Ю.А. Складов, непродолжительное пребывание которого в этой должности было отмечено многими новациями в идеологической сфере. С Юрием Александровичем работать было легко и интересно. Доступный в любое время, мягкий в обращении, больше всего не любивший неискренности, он оставил добрый след в моей душе.

Однако вернемся к записке. Она миновала все аппаратные рифы и легла на стол Горбачеву. Реакция генсека была мгновенной: включить в повестку ближайшего заседания Политбюро. Остальное известно: вышли партийное и государственное решения, согласно которым письма без подписи больше не проверялись и не брались на учет.

Можно ли было дать отрицательное заключение на письмо-предложение И.Д. Лаптева? Запросто. Не хочу кичиться своими заслугами, но, хорошо зная аппарат, допускаю, что, попади записка Ивана Дмитриевича в тогдашний отдел административных органов, неизвестно, какой вердикт бы ей там вынесли. Ведомственность была настоящим бичом аппарата ЦК.

Конечно, это чистая случайность, что проработку вопроса, поднятого И.Д. Лаптевым, поручили мне. Вместо меня мог быть любой другой работник отдела. Просто у меня, наверное, было больше неприязни к позорной практике рассмотрения анонимок, о которой я во всеуслышание говорил на совещаниях и собраниях. Люди, загнанные в угол многолетней травлей клеветников-анонимщиков, вызывали у меня чувство вины перед ними. Мы были бессильны оградить честных людей от грязной клеветы и бессовестной лжи. Не успеем, бывало, списать в архив не подтвердившийся при проверке сигнал доброжелателя, как на стол ложился очередной пасквиль. И его тоже надо было проверять: создавать комиссию, требовать объяснений, что бесследно для здоровья и морального состояния оболганного, как правило, не проходило.

Из записей для себя

9 сентября. Сегодня готовил «Последнее интервью маршала Ахромеева» для «Свободных новостей», поэтому буду краток. Весь день печатал на машинке. Вчера звонил Асиф Кулиев из Баку – однокурсник по ВПШ. Он тоже безработный, здание ЦК Азербайджана опечатано, ждут съезда. Очень плохи дела у Поляничко, нашего общего знакомого, второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана. Асифа вроде приглашают на работу в Верховный Совет, советуется, как поступить. Конечно же, идти. Подбадривал, просил не вешать нос. Сказал, что я для него как брат. Приглашал в Баку.

Сегодня нас пригласили к 14.00 в пятый подъезд в комнату 418. Руководители подразделений и отделов уведомляли о предстоящем увольнении под расписку. Через два месяца – расчет. К 9 ноября. Подарок и поздравление к празднику 74-й годовщины Великого Октября.

Вроде бы Секретариат ЦК принял такое решение вопреки распоряжению Силаева. Посмотрим. Ясно только одно – зарплата 20 сентября. Следующая то бишь.

Звонил сегодня Анатолий Набатчиков – бывший корреспондент «Известий» в Монголии. Пару лет назад я был в этой стране во главе делегации работников ЦК КПСС. Потом у него закончился срок заграничной командировки, и он вернулся назад в редакцию. Его должность входила в учетно-контрольную номенклатуру должностей ЦК КПСС. Мне приходилось заниматься его трудоустройством после возвращения из Монголии. А теперь вот какой пассаж. Я сам безработный. Он – спецкор в «Известиях». Тоже обещал помощь и поддержку.

Собрались сегодня своим пресс-центром в пятом подъезде. Фомин, как всегда, притащился через час. Тягостное настроение. Никто не знает, что ждет впереди.

Спросил у Яшина – он был секретарем партбюро отдела, – кто из наших нашел работу. Андрианов вернулся в свою «Рабочую трибуну», но уже на должность обозревателя. А был первым замом главного редактора. С этой должности и пришел первым замзавом идеологического отдела. И чего поперся в ЦК в 55 лет? Лишился всего. Правда, в редакции могут быть кадровые перемены. Васьков вернулся в правительство Москвы. Он пришел помощником Дегтярева – заведующего идеологическим отделом – из Моссовета, где был секретарем парткома. Там его знают. И Егинбарян написал заявление об уходе по личной просьбе. Да, еще Стрекалов ушел в какую-то фирму. И все.

О Рябове, заведующем гуманитарным отделом и секретаре парткома аппарата ЦК КПСС, говорят, что он уже работает с 30 августа в другом месте. Только не известно где. (Позднее, в 2005 году, в своих мемуарах он признался, что работал в Российском гуманитарном университете, у Юрия Афанасьева – яростного ниспровергателя КПСС.)

10 сентября. Вчера Пташкина заказала мне пропуск на сегодня в шестой подъезд. Думал забрать стенографические бюллетени для делегатов XXVIII съезда (через пару десятков лет коллекционеры задрожат!), кое-какие книги, стенограмму пресс-конференции Гидаспова и Нерознака. Увы, все исчезло. Кабинет пуст, ни единой бумажки, ни одной книги.

С утра ездил в «Правду», надо было отправить в Минск кое-какие материалы. Как и в прошлый раз, милиционер внимательно изучил удостоверение и не пропустил.

– Кто дал указание не пропускать по удостоверениям ЦК? – спросил я.

– Администрация издательства. Велено по синим и красным удостоверениям не пропускать.

Администрация – это директор издательства «Правда» Вячеслав Петрович Леонтьев, который десять лет работал в Управлении делами ЦК. Милиция обслуживает издательство по договору. Издательство платит милиции. Оно и заказывает музыку.

На работу шла знакомая женщина из отдела корсети «Правды». Она и взяла пакет. Заодно вынесла мне присланный Улитенком. Это был номер «Свободных новостей» с моим материалом «Участвовал ли ЦК в заговоре?».

После этого поехал в ЦК. Пропуска выдают на бланках российского Совмина рядом с третьим подъездом. На обороте – время выхода из здания, с указанием часов и минут и подписью заказывавшего пропуск. В ЦК был другой порядок, более демократичный. Отметка о посещении не требовалась. Из комендатуры звонили на пост и там заполняли бумажку, которая оставалась на посту. Посетитель мог быть в здании хоть до десяти вечера. При выходе постовой перекладывал бумажку в ячейку использованных. И вся процедура. Никаких отметок о часах и минутах.

Но это к слову. Прошел. Начал делать звонки, говоря языком функционеров.

Позвонил референту Горбачева Виталию Семеновичу Гусенкову. Длительное время он был референтом Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева, а референтом президента стал совсем недавно – пару месяцев назад. У нас с ним были прекраснейшие отношения.

Несколько раз он давал мне поручения, характер которых не оставлял сомнений в том, что он обслуживал Раису Максимовну. Сколько он пересылал мне писем, адресованных ей. А сколько было более тонких дел, о которых я никогда не расскажу. Его дача в Успенском была через одну от моей. При встречах мы раскланивались, улыбаясь друг другу.

Однажды он позвонил мне и конфиденциально попросил пристроить рецензию профессора МГУ на монографию его знакомого узбека, партработника. Я это уладил. В другой раз было деликатное поручение, касавшееся Раисы Максимовны. Потом снова одно щекотливое дело, связанное с ее именем. Все было выполнено качественно и в срок.

Как-то, во время очередной телефонной связи, он уловил, что у меня плохое настроение. Объяснил почему: тогда у меня была крупная неприятность, попал, как зернышко, между безжалостными жерновами двух могущественных группировок.

– Почему же вы раньше не сказали? – упрекнул он меня. – Я бы непременно вам помог.

– Да вот такой скромный. Нет у меня никакой поддержки в Москве, Виталий Семенович.

– Вот что, вы не принимайте скоропалительных решений. Кое-что у меня должно измениться. Я вам помогу. Кстати, а Пряхин знает об этой неприятности?

– Да, знает.

– Ладно, я с ним поговорю.

Действительно, такой разговор состоялся. Об этом мне сказал Пряхин. Гусенков подтвердил, что примет участие в моей судьбе. И я стал ждать.

И дождался. Когда, как говорится, совсем стало невмоготу, когда потерял работу, обратился к нему:

– Виталий Семенович, здравствуйте. Завис я, Виталий Семенович.

– Так, так, – ледяным тоном произнес он. – Скажу вам откровенно: не стройте никаких иллюзий. Ко мне уже обращались несколько человек, и я им не помог. Не знаю, не знаю...

Я не узнавал Гусенкова. Всегда предупредительно-вежливый, корректный, он говорил сухо и холодно.

– Извините, Виталий Семенович, – пролепетал я. – Извините.

В последний миг что-то изменилось:

– Как вас найти? Дайте ваш квартирный телефон.

Я назвал. По-моему, чисто протокольный прием. Чтобы отвязаться.

Позвонил Потапову в «Труд». Некогда:

– Позвони позже.

Позвонил по вертушке Авраамову, главному редактору «Журналиста», где я с конца прошлого года – член редколлегии.

– А, Николай Александрович! – обрадовано-приподнятым голосом произнес он. – Как дела, как настроение?

– Да вот так, Дмитрий Сергеевич, безработный. Сажу дома.

– Ну, мы вас в обиду не дадим. Мы вас очень уважаем. Правда, из членов редколлегии мы вас вычеркнули. Те, кто выше вас, сказали: вы уже никого не представляете. Но вы к нам приходите, посидим, потолкуем...

Как будто он с кем-то согласовывал. Попробуй кого-нибудь сейчас найти! Тем более что он сам подал заявление о выходе из состава редколлегии «Правды». Еще до путча. Ведь журнал «Журналист» товарищ Леонтьев в свое время не стал печатать за его антикоммунистическую позицию. Я тогда Авраамову позвонил, объяснил, что моей вины здесь нет, и он подтвердил, что против моего членства в коллегии «Журналиста» он не возражает. Наоборот.

Через пять минут он позвонил:

– Какой оклад у вас был?

– С компенсацией 840 рублей.

– Ясно.

Позвонил Алексею Александровичу Яновичу. Он – заведующий отделом Верховного Совета СССР. Земляк. Герой моих двух социологических эссе.

– Никаких мест у меня нет. Сами сидим на сковородке. Реорганизация. Новое штатное расписание со второго октября. Что там будет, кто останется – неизвестно. Думаю, до замера черепов не дойдет, но личные дела изучать будут с пристрастием.

– Извините, Алексей Александрович, за беспокойство.

Вот такой печальный результат. Да, еще был звонок Ивану Ивановичу Жукову. Он выслушал – и в московской манере:

– Позвоните на следующей неделе.

Набрал номер Пряхина.

– Здравствуй, дорогой мой, – приветствовал он.

Ну, если такое начало, если «дорогой» – пиши пропало. Так и есть. Занят, принимает иностранную делегацию. «Позвони минут через сорок». Позвонил несколько раз. Никто не поднимает трубку. Все ясно.

Смотрю на вертушку и думаю: кому бы еще позвонить?

Пташкина, технический работник, говорит, что она звонила начальнику Управления кадров российского Совмина, и ей сказали принести объективки. На ее слова, что не успеют отпечатать, последовал совет:

– Тогда сами приходите. Завтра в одиннадцать.

11 сентября. Вчера поздно вечером позвонил бывший корреспондент «Правды» по Белоруссии, а ныне главный редактор независимой газеты «Свободные новости» Александр Улитенок из Минска и предложил написать для него статью «А был ли путч?». Все больше становится странным этот заговор. Неужели величайшая мистификация, как сказано в «Независимой газете»? Сегодня в «Комсомолке» интервью с Эммой Язовой – женой министра обороны. Да зачем ему власть, спрашивает она, что, у него ее мало было? Действительно.

Сегодня написал для «Республики» – «Что говорят в Москве о смерти Ахромеева?». Я ведь знал его, вел его пресс-конференцию. Он снял мундир, а я пиджак, так и работали перед телекамерами.

Поговорил с Пряхиным. Никакой ясности. Говорит, что Дегтярев идет исполнительным директором какой-то фирмы. У Пряхина сидел Валентин Осипов, бывший директор издательства «Художественная литература». Может, у него место будет? Дал его домашний телефон. Позвони, мол, денька через два.

Позвонил Положевцу, главному редактору «Учительской газеты». Он только что из Америки, где отдыхал. «Идет реорганизация, часть людей надо сокращать, позвоните дней через десять». Ситуация с газетой не ясна, нужен почти миллион на будущий год, и Леонтьев требует, чтобы вносили сейчас. Ищет спонсоров. У каждого свои заботы.

На станции метро «Кунцевская», вернее, чуть в сторонке, газетные витрины. Висит и «Советская Россия». Заметка Т. Ивановой из ТАСС о том, что Врубель дал ей звание придворной дамы, а многим корреспондентам, в том числе и моему сыну, дворянское звание.

Из белорусского издательства «Юность» звонил Зарембо, что-то там у них с названием книги. По-моему, продолжение вчерашнего разговора с директором издательства Лукшей. Никуда они ее не сдавали, рукопись-то, если вдруг встал вопрос о заглавии. Наверное, дурят голову. Зарембо сказал, что Гришанович и Дубовский вышли из партии. Оба бывшие работники ЦК Компартии Белоруссии. Первый трудился под моим началом в секторе печати. Сейчас директора ведущих издательств. И они убегают...

Пятнадцатого сентября сессия Верховного Совета БССР. Утверждена повестка дня. Включен вопрос об имуществе КПБ – КПСС. Семеро «за», пятеро – «против», семеро воз-

держались. Таковы результаты голосования на заседании Президиума Верховного Совета. Повестку навязала оппозиция – Зенон Позняк.

«Рабочая трибуна» начала печатать отрывки из книги Раисы Горбачевой «Я надеюсь». Еще недавно я настойчиво предлагал главным редакторам дать информацию о выходе книги на русском языке, но они уходили от решения вопроса. Александр Потапов, главный редактор «Труда», откровенно сказал:

– Знаешь, Николай, это уже раздражает людей. Ведь у нас уже была «Малая земля». Надо же в конце концов и меру знать... Раису народ не выносит...

Положевец, главный редактор «Учительской газеты», сказал, что дачи в «Успенке» уже перераспределены аппаратом Президента РСФСР Ельцина. Позвонил на свою бывшую фазенду, телефон молчит. Положевец живет в Усово, ему тоже сказали выметаться, когда он был в Америке. Надо бы и мне рассчитаться за проживание.

Сегодня постригся – семь с полтиной. Вот так. Безработному не по карману.

12 сентября. Прервал работу над материалом «Горбачев – начальник отдела кадров ГКЧП?», чтобы записать свежайшие впечатления.

Итак, в полдень раздался телефонный звонок. На проводе г-н Н., главный редактор крупного отраслевого издания. Человек, который многим обязан лично мне. В частности, своим утверждением на эту должность. Тогда было много претендентов.

– Приезжайте к нам. Хочу кое-что сказать вам.

– Относительно работы?

– Да. Когда вы сможете приехать?

За окном хлестал дождь. Тяжко на душе. Общая слабость в теле. Скоро надо ехать за дочкой.

– Может, завтра?

– Смотрите. Но лучше сегодня.

Приехал. Он пододвинул тарелку с дольками арбуза и дыни. Попросил секретаршу, чтобы принесла вилку и нож.

– Буду перед вами откровенен. Коллектив, с которым я советовался, хочет видеть вас в своем составе. Я напомнил им, что, когда у нас были крупные неприятности с нашим тогдашним издателем, вы нам сильно помогли. Наш коллектив вас уважает и хочет видеть у себя. Вы человек опытный, знаете оргработу, знаете связи, знаете людей. Поэтому мы выбрали вам необычную должность.

И он рассказал, что это за должность.

– У нас есть ставка ответственного секретаря. Только вы об этом никому не говорите. А то сразу станут совать своих людей. Знайте, что никого, кроме вас, со Старой площади коллектив не примет. Сейчас все решает коллектив. Вот меня избрали главным редактором. А насчет вас я даже советовался со своим первым замом, он сейчас в Сочи отдыхает. Каждое мнение учитываем.

Я слушал многословную тираду человека, в уголках губ которого запеклась пена, и не мог смотреть на него. Эта деталь вызвала отвращение.

– Так вот, – продолжал главный редактор, – мы оформим вас на ставку ответственного секретаря.

Я насторожился: что значит «оформим»? А функции, наверное, будут другие? «Подснежник», что ли?

Так и есть.

– Оклад у вас будет 830 рублей, на десятку меньше, чем было раньше. Но зато писать будете, сколько пожелаете. Чем заниматься? О, заниматься будете многими делами. Конечно, они несколько рутинные. Вот, скажем, сегодня в нашем министерстве проходит семинар. А у нас об этом никто не знает. Надо бы пойти и дать хорошую рекламу нашего журнала. Значит,

так: реклама журнала, связь с издательством, поиск спонсоров. Потом будет приложение к журналу. Мы должны преодолеть убыточность. Убыток у нас 600 тысяч рублей. Подписка – вот где есть возможность развернуться всем.

У меня, наверное, погрузтели глаза. И это от него не укрылось. Голос стал еще более энергичным:

– В будущем году, если все у вас хорошо пойдет, преобразуем вашу должность в должность заместителя главного редактора!

Я молчал.

– Вас что-то смущает?

По сути, он предлагал мне должность массовика-затейника. Бегать на посылках. Стараясь не показать обиды, я сказал:

– Признателен вам за доброе отношение ко мне. Но я подумаю. Надеюсь, это не горит?

– Горит.

Вот те на. Почти год не было ответсекретаря, а тут вдруг загорелось.

– Вы что, обиделись? Я готов извиниться перед вами. Клянусь, что это по моей инициативе. Никто меня не уполномочивал на разговор. Мы не хотели вас обидеть...

И еще что-то в этом роде.

Смешно слушать. В свое время я не согласился на должность главного редактора более крупного журнала, издателем которого выступал ЦК КПСС. А тут вдруг мальчиком на побегушках.

Отметил пропуск и вышел.

Придя домой, позвонил Львову в аппарат президента.

– Заморожены кадры. Ревенко только четырех своих секретарей утвердил, и все. Остальные кадры не двигаются. Может, у вас есть выход на Ревенко?

До Валентина Сергеева, заведующего отделом информации российского Совмина, не дозвониться. По городскому телефону секретарь упорно не соединяет. Занят. Совещание. Сейчас его нет. Упорно допытывается, кто я такой. Видно, уволенные аппаратчики помогают начальника. Представился – из журнала «Журналист». Был же совсем недавно членом его редколлегии. Сейчас вместо меня Полторанин.

13 сентября. Закончил статью «Горбачев – начальник отдела кадров ГКЧП?». Если Улитенок не побоится. В понедельник закину ему.

Вчера целый день безрезультатно пытался связаться с Сергеевым. Поздно вечером снова набрал его номер. Ответил кто-то в приемной, видно, работник отдела:

– А кто его спрашивает?

– Скажите, журналист Зенькович. Он меня знает.

Не буду же я говорить, что из ЦК КПСС.

Услышал, как помощник сказал по внутренней связи, что на проводе журналист Зенькович. О чем они говорили, не знаю, но дежурный сказал:

– Вы ведь по личному вопросу хотели поговорить? Валентин Михайлович сказал, что вы можете передать свою просьбу мне...

Вот так. Господин Сергеев даже трубку взять не соизволил. А не далее как месяца полтора назад я говорил с ним по вертушке, и он клялся в верности партии, выражал готовность выполнить любое партийное поручение.

Видно, прав Максимовских. Он сегодня подтвердил, что есть негласное распоряжение: в государственный аппарат бывших работников ЦК не брать. Об этом же говорил вчера и Ряшенцев. Он сунулся было в Научно-промышленный союз к Вольскому, там у него полно знакомых, но от Вольского пришло указание – ни одного партработника!

В «Рабочей трибуне» недавно за подписью главного редактора А. Юркова вышла заметулька. О слухах относительно некоего негласного распоряжения о том, чтобы не брать парт-

работников в госструктуры. После Пряхин мне рассказывал, что это он во время работы съезда народных депутатов передал Горбачеву записку, мол, распространяются такие слухи. На пряхинской записке Горбачев начертил твердым красным карандашом: «Это наглая ложь!» Неужели не ложь?

Вспомнилось: шестой подъезд, сижу у заведующего секретариатом идеологического отдела Виктора Яшина. Он рассказывает о совещании у Лучинского, который возглавляет ликвидком. Присутствует заместитель управляющего делами аппарата президента. Кто-то поднимает вопрос о запрете брать партрботников. Зам. управляющего отрицает. Тогда ему говорят: хорошо, чтобы развеять эти слухи, надо взять несколько человек из ЦК в аппараты президентов СССР и РСФСР. И слухи сами собой прекратятся. Реакция на это предложение не последовала.

Максимовских надоумил: поинтересуйся, говорит, в своем белорусском постпредстве. Позвонил. Постпред Даниленко в отпуске с 9 сентября. Набрал номер Масальского, его зама. Аркадия Яковлевича я знаю давно.

– Аркадий Яковлевич, знаете, что произошло с организацией, в которой я работал?

– Слышал немножко.

– Может, мне убежища у вас попросить? А если серьезно, вам пресс-атташе не нужен? Представительство, видно, будет расширяться в новых условиях? Может, пресс-центр создать следует?

– Только вчера получили из Совмина штатное расписание. Просили новый отдел – не дали. Утвердили прежние штаты. Правда, заложили новое подразделение – пресс-центр, но без новых работников, в пределах существующих штатов. Если что будет, я вам позвоню. Какой у вас телефон?

Записал. Все по-московски!

Позвонил приятель из «Сельской жизни». Но что он может? Говорит, слышал, как Шаров называл фамилии тех, кого следует взять, среди них есть Вазых. Меня в списках товарища Шарова, моего ученика, нет.

15 сентября. Вчера не делал никаких записей – ничего не произошло. Шел дождь, и только под вечер с дочкой прошлись по парку.

Дописал «Горбачев – начальник отдела кадров ГКЧП?», сделал еще пару информаций. Сегодня тоже сделал две странички – о возмущившей меня корреспонденции в «Союзе». Какая-то жуткая бесцеремонность. Господи, как же неуважительно они относятся к умершим людям! Какая-то девица, журналистка, рассказывает, как она попала в кабинет Кручины.

Конечно, комната отдыха не спальня, но все же, но все же... Откуда эта развязность, неприличие, отсутствие такта?

Разговаривал вчера вечером с Андриановым, он политобозреватель в «Рабочей трибуне». Сказал, что Черняк проговорился: он держит место в «Правде» для Зеньковича. «Ты звони ему, звони, а то место займут». Пока не звонил.

Сегодня с дочкой ходил на рынок. Когда пришли домой, сын сказал, что звонил Слободянюк. Когда-то, в 1988 году, я сменил его в должности зам. зав. сектором печати. Ему оставалось два месяца до пенсии. Он был первым зам. зав. отделом национальной политики. Это лето жили вместе в Успенке.

Отзвонил. Не отвечает.

Сын уехал к Кравченко домой брать интервью. Молодец, не забыл своего бывшего гендира. Леонид Петрович Кравченко до перехода на Гостелерадио возглавлял ТАСС. Все его забыли, общаться опасаются.

В «Российских вестях» опубликован список состава Комитета по оперативному управлению народным хозяйством страны. В списке значится некий Сергеев В.М. Его должность

– полномочный представитель председателя Совета Министров РСФСР. Неужели тот самый Валентин Сергеев? Так вот почему он не пожелал со мной разговаривать по телефону! А я-то, наивный, думаю, в чем дело?

Асиф из Баку чего-то молчит. У них партия самораспустилась. Прошел съезд, и все: не нужна больше. В Узбекистане партия поменяла название, стала народно-демократической. Все структуры остались.

Все больше и больше новых деталей о путче. Запутано до невозможности. Выясняется, что Горбачев в видеозаписи в изолированном Форосе называл Янаева уважительно – товарищ Янаев. Ставят резонный вопрос: кто мешал Горбачеву отдать распоряжение о немедленном аресте путчистов? Их всего-то было четверо, а у него 32 верных охранника. В конце концов можно было оставить их в качестве заложников. Это же все просто.

И еще: заявление Занина, директора предприятия из Ленинграда, где производятся средства президентской связи. Занин категорически отвергает версию Горбачева о внезапном отключении связи. Это невозможно, говорит Занин. У него много автономных каналов. Есть еще один, о котором он не может распространяться, но суть его сводится к тому, что достаточно президенту иметь авторучку и лист бумаги, и он будет обеспечен надежной связью со всей страной.

Очень много несовпадений, противоречий, нестыковок. Пишут, что это одна из темных страниц истории конца века. Вряд ли когда-нибудь мы узнаем правду.

Возмущают публикации С. в еженедельнике «Союз». Ведь его мама работала в последнее время у нас в идеологическом отделе. А всего она провела в ЦК около 20 лет. Носила колбасу, пирожки и прочие деликатесы домой и кормила своего сыночка. Пользовалась дачей.

И вот ее сыночек, вскормленный на цековских харчах, злобно, с ненавистью пишет о партии, в которой работала его родная мать и от которой она будет требовать пенсию.

Осень все более заметна. Сегодня с дочкой собирали кленовые ветки, гроздья рябины. Хорошо!

16 сентября. Позвонил Зикс из «Сельской молодежи». Узнав о моих мытарствах, спросил:

– Сколько вам лет?

– Сорок семь.

– В более спокойные времена и то мгновенно отворачивались. А сейчас и подавно.

Действительно. Тем более это Москва. Кто я для них? У них свои игры, свои отношения. А я – чужак, иногородний.

Долго ждал телефонного звонка из Минска, из «Республики». Наконец, вызвали. Диктовал почти полтора часа. Семь страниц передал.

После этого поехал в «Правду». Надо было передать для Улитенка материал. Поднимаюсь по ступенькам – навстречу движется Черняк.

– Какие люди – и пешком! – приветствует он.

– Да уж.

– Приходи работать. Место есть.

– Да, но у главного был странный разговор. Помните, когда я был у вас, зашел к нему. А он мне: Коля, хотите, Юркову позвоню? У него в секретариате работа есть...

– Да ну? – изумился Черняк. Лицо его напряглось. – Не знаю, не знаю. В секретариате всегда не хватает людей.

Как будто я не знаю, что такое секретариат!

– Я сегодня веду номер, давай поговорим подробнее. Заходи ко мне.

– Как же я зайду, если меня не пропускают?

Тут подошел бородатый Лосото, и разговор сам собой увял. Встретил Дробкова, еще совсем недавно он был корреспондентом «Правды» в Швейцарии, принимал меня, когда я

приезжал на праздник коммунистической прессы. Теперь он зам. главного. Провел меня в редакцию и вывел, пообещав милиционеру – под свою ответственность. Все ругают директора издательства «Правда» Леонтьева, пророчат ему, что он плохо кончит. Демократы немного оклемаются, его руками разгонят ненужных людей, а затем прогонят его самого.

Получил гонорар – последние 78 руб. за сообщения с заседаний Секретариата. Все, больше писать не придется.

Телефон Сидорова не отвечает. Видно, Валерий еще не вернулся. Жена едет в командировку в Свердловск, негде взять билет. Обратился к приятелю, перешедшему в российские структуры, – похоже, воспринял без всякого энтузиазма. И не позвонил даже, хотя обещал.

Глава 7. Сколько я заплатил, чтобы попасть в ЦК

– Ни за что не поверю, что вас взяли в ЦК просто так, за красивые глаза. У нас, на Кавказе, место рядового инструктора райкома и то в кругленькую сумму обходилось. А уж чтобы в Москву, на Старую площадь попасть – представляю, сколько вам пришлось выложить...

У меня помутилось в глазах. Неимоверным усилием воли едва удержался, чтобы не плюнуть в холеное, сытое лицо очередного моего потенциального работодателя, с интересом рассматривавшего человека со Старой площади.

– Не знаю, как у вас на Кавказе, а у нас в Белоруссии все было несколько иначе, – подчеркнуто холодно ответил я, поднялся с мягкого кресла и твердо, по-военному чеканя шаг, направился к выходу, бросив на прощание пришедшую на ум фразу: – Честь имею!

Остаток дня прошел, как в тумане. Не находил места вечером. Не мог уснуть ночью. Так до утра и проворочался в постели. Несколько раз вставал, выходил в кухню, пил успокоительное, предусмотрительно приготовленное женой и поставленное на видном месте.

Обидно было не из-за того, что снова – в который раз! – не удалось пристроиться на более-менее приличное место. Душила бессильная злость от подозрений, намеков, предположений, с ухмылкой произносимых людьми, обратиться к которым рекомендовали немногие оставшиеся к тому времени друзья. Спасибо им – они предпринимали порой неимоверные усилия, чтобы трудоустроить меня. Каждый раз я с надеждой отправлялся по новому адресу, но исход был, увы, не в мою пользу.

Не знаю, может, виной были моя эмоциональность, горячность. Я внутренне напрягался, ожидая главного вопроса. И он не заставлял долго ждать себя. Мне бы спокойнее воспринимать услышанное, не подавать вида, что оно ранит душу, терзает сердце. Но сдержанность изменяла мне, в висках начинали стучать молоточки, в глазах закипало бешенство.

Вот и сейчас в очередной раз мучаюсь и переживаю.

– Да плюнь ты на них и размажь, – увещевала жена. – Мало ли кто чего сболтнет. Посмотри на себя – почернел весь. Не загоняй боль внутрь – там все выгорит...

Правильно она говорит, да вот таким я уродился на свою и ее беду.

Это я-то платил, чтобы попасть в ЦК КПСС! Чушь какая-то. Бред!

А действительно, как я попал на Старую площадь и вообще на партийную работу?

Первая попытка была предпринята, если память не изменяет, еще в начале семидесятых годов, через год-два после возвращения из армии. В ту пору я возглавлял отдел в республиканской молодежной газете в Минске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.